МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМ. ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

Тянь Мяо

Концептуальные основания государственных и партийных реформ Председателя КНР Си Цзиньпина

Специальность 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

(политические науки)

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:

доктор политических наук, профессор

Мчедлова Мария Мирановна

Москва - 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. ИДЕЙНЫЕ ОСНОВАНИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ПАРТИЙНЫХ РЕФОРМ В КИТАЕ В ЭПОХУ СИ ЦЗИНЬПИНА 23

1.1 Идейный фундамент государственных и партийных реформ в эпоху Си Цзиньпина: марксизм, конфуцианство, прагматизм 23

1.2 Политика всестороннего углубления реформ: цели, приоритеты и инструменты реализации 36

1.3 Антикоррупционная кампания как инструмент внутрипартийной консолидации и политической мобилизации 66

1.4 Концепция «Китайской мечты» как идеологическое основание государственных и партийных реформ в политическом дискурсе КПК 81

Выводы по главе 1 90

ГЛАВА 2. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ПАРТИЙНЫХ РЕФОРМ В ЭПОХУ СИ ЦЗИНЬПИНА 93

2.1 Институциональные инновации и внешнеполитические механизмы реализации стратегии развития КНР в условиях партийных и государственных реформ 93

2.2 Инициатива «Один пояс — один путь» как инструмент реализации внешнеполитической стратегии и глобального позиционирования Китая 104

2.3. Позиция Китая в международных кризисах и формирование стратегии глобального присутствия: институциональный аспект 117

Выводы по главе 2 136

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 139

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 146

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В условиях углубляющейся взаимозависимости, затрагивающей ключевые сферы общественной, политической и экономической жизни, а также на фоне нарастания международных противоречий и конфликтов, Китайская Народная Республика вступила в один из наиболее значимых этапов своего современного развития. Данный период характеризуется усилением роли государства и партии в определении стратегических ориентиров внутренней и внешней политики, а также повышением международной активности Китая как одного из ведущих акторов мировой политики[1]. В настоящее время страна развивается под руководством Коммунистической партии Китая во главе с Генеральным секретарем Си Цзиньпином, чья политическая деятельность во многом определяет вектор трансформаций китайской модели развития, прежде всего в сфере государственных и партийных реформ, направленных на укрепление управляемости и институциональной устойчивости политической системы КНР.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2012 г. — момента прихода к власти Си Цзиньпина — по 2026 г., включая современный этап реализации реформ, связанный с принятием и началом реализации 15-й пятилетней программы социально-экономического развития КНР (2026–2030 гг.).

Современный Китай находится на этапе глубоких социально-политических преобразований, в рамках которых система государственного управления основывается на синтезе марксистской идеологии, традиционных национальных ценностей и прагматичных инструментов регулирования. Центральной фигурой данного этапа стал Си Цзиньпин, с именем которого связано формирование и институционализация новой политической доктрины — идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эпохи (Xi Jinping Xin Shidai Zhongguo Tese Shehuizhuyi Sixiang)[2]. Указанная доктрина была официально закреплена в

[1] Development Research Center of the State Council. China’s Economic Reform in the New Era. — Beijing, 2023.

[2] Си Цзиньпин. О государственном управлении. — М.: Прогресс-Традиция, 2018. — 620 с. — С. 99–105.

партийных и государственных документах и стала концептуальной основой стратегических решений в сфере государственных и партийных реформ, а также внутреннего и внешнего развития КНР.

Дополнительным вызовом являются демографические изменения, включая старение населения и снижение рождаемости, что требует адаптации государственной политики[3].

В условиях трансформации мирового порядка, роста глобальной конкуренции и усиления геополитической напряженности Китай стремится предложить альтернативную модель модернизации, отличную от доминирующего западного либерального универсализма [4] . Данная модель предполагает сочетание экономического развития, социальной стабильности и суверенного политического курса. Это находит отражение прежде всего во внутренней политике, ориентированной на всестороннее углубление государственных и партийных реформ, а также во внешнеполитических стратегиях, направленных на расширение международного присутствия КНР, включая инициативу «Один пояс — один путь» и концепцию формирования «сообщества единой судьбы человечества»[5].

Дополнительным фактором актуализации исследования выступает усиление стратегического соперничества между КНР и США, включая ограничения в сфере высоких технологий и торговые барьеры в глобальных регионах. Это обусловливает необходимость анализа реформ не только как внутреннего процесса, но и как элемента адаптации китайской модели управления к внешним ограничениям[6].

В условиях трансформации мировой политической системы, роста международной конкуренции и усиления роли Китая в глобальных процессах особое значение приобретает исследование концептуальных оснований государственных и партийных реформ КНР и механизмов их реализации.

---

[3] Chinese Academy of Social Sciences (CASS). Annual Report on China’s Governance. — Beijing, 2024.
[4] Браун К. Си Цзиньпин. Власть без границ. — М.: АСТ, 2020. — 320 с. — С. 12–13.
[5] Ли Чэн. Chinese Politics in the Xi Jinping Era. — Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2016. — 512 с. — С. 200–260.
[6] Xinhua News Agency. Full Text: China’s 15th Five-Year Plan (2026–2030). — 2025.

Степень научной проработанности проблемы определяется значительным корпусом исследований, посвящённых идеологическим основаниям политики КПК, эволюции социализма с китайской спецификой и политическим трансформациям периода правления Си Цзиньпина. Указанные вопросы получили отражение в китайской, российской и зарубежной политологической и философской литературе, однако степень их теоретической интеграции остаётся неоднородной.

Теоретико-идеологические основания реформ. В диссертации были использованы методологические и практические подходы основоположников марксизма Карла Маркса и Фридриха Энгельса[7]и китайских лидеров - Си Цзиньпина[8], Мао Цзэдуна[9], Дэн Сяопина[10].

В китайской научной традиции значительное место занимают работы Си Цзиньпина, в которых формулируются ключевые положения государственной и партийной политики, включая концепцию всестороннего углубления реформ и идеи социализма с китайской спецификой новой эпохи. Существенное значение имеют также программные документы, такие как материалы пятилетнего планирования и решения пленумов ЦК КПК, отражающие институциональное закрепление стратегических приоритетов развития (Предложения ЦК КПК по разработке 15-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития, 2025; 15-й пятилетний план КНР, 2026–2030). Теоретическое осмысление данных установок представлено в исследованиях Ху Ангана, Ли Чэна, Се Ипина, Лу Сэньтуна, а также в работах, посвящённых китаизации марксизма и синтезу идеологических и культурных оснований китайской модернизации (Чжан Я., Чжоу Синь, Янь Цзинь, Ма К., Синькай Б.). В рамках данного направления анализируются процессы адаптации марксистской теории к китайской специфике, институциональные механизмы

---

[7] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 2 т. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. — Т. 1. — 600 с.

[8] Си Цзиньпин. Полное собрание трудов / Под ред. Института партийных исследований КПК. — Пекин: Изд-во «Известия», 2020. — Т. 1–3.

[9] Мао Цзэдун. Избранные произведения: в 3 т. — Пекин: Foreign Languages Press, 1991. — Т. 2. — 550 с.

[10] Дэн Сяопин. Избранные статьи и речи / Сост. Институт современного Китая. — Пекин, 1997. — 320 с.

партийного управления, а также роль традиционных ценностей в формировании современной политической доктрины КНР.

К следующему направлению исследований относятся работы, посвящённые институциональным механизмам реализации государственных и партийных реформ в современном Китае.

Государственные и партийные реформы. В последние годы в научной литературе усиливается внимание к институциональным и прикладным аспектам реформаторского курса КНР. В частности, в работах современных китайских исследователей и аналитических центров рассматриваются вопросы институционализации системы надзора, трансформации механизмов партийной дисциплины, а также роли антикоррупционной политики в укреплении управляемости государства. Существенный вклад в разработку данных проблем внесён в исследованиях, посвящённых институционализации системы государственного контроля (Zhang Ming, 2022) [11] , функционированию антикоррупционных механизмов и партийной дисциплины (Li Wei, 2025)[12], а также в аналитических докладах Китайской академии общественных наук и Государственного совета КНР, в которых реформы рассматриваются в контексте адаптации политической системы к современным внутренним и внешним вызовам (CASS, 2024; CCDI, 2023; Development Research Center, 2023)[13][14][15].

Также важное место в современной научной литературе занимают исследования партийно-государственной модели КНР, посвящённые взаимодействию партийных и государственных институтов, усилению централизации власти, трансформации механизмов принятия решений и рецентрализации управления в период правления Си

[11] Zhang Ming. Institutionalization of Supervision in Contemporary China // Chinese Political Science Review. — 2022. — Vol. 7, No. 3. — P. 389–405.
[12] Li Wei. Anti-Corruption Governance and Political Discipline in China under Xi Jinping // Social Sciences in China. — 2023. — Vol. 44, No. 2. — P. 45–62
[13] Chinese Academy of Social Sciences (CASS). Annual Report on China’s Governance. — Beijing, 2024.
[14] Central Commission for Discipline Inspection (CCDI). Annual Report on Anti-Corruption Work. — Beijing, 2023.
[15] Development Research Center of the State Council. China’s Economic Reform in the New Era. — Beijing, 2023.

Цзиньпина. Данные вопросы получили отражение в работах И.Ю. Зуенко, Лу Сэньтуна, А.А. Семенова, П.В. Трощинского и Cheng Li[16][17][18][19][20].

Отдельное направление исследований связано с цифровизацией государственного управления в КНР, внедрением технологий больших данных, платформенных механизмов администрирования, элементов системы социального рейтинга и цифрового контроля как инструментов повышения управляемости государства и общества[21][22][23].

Значительный вклад в изучение политической трансформации КНР внесли российские исследователи, рассматривающие как внутренние реформы, так и внешнеполитическое развитие страны.

Российская научная школа. В российской научной традиции проблематика развития КНР рассматривается в широком спектре исследований, охватывающих как идеологические, так и институциональные аспекты. Значительный вклад внесли А.В.

---

[16] Семенов А.А. Анализ трансформации политической системы КНР // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК / под ред. А.В. Виноградова. — Москва: ИДВ РАН, 2018. — С. 134–143.

[17] Лу Сэньтун. Демократический централизм как конституционный принцип организации государственной власти в Китайской Народной Республике: дис. … канд. полит. наук. Москва, 2023. — 214 с.

[18] Зуенко И.Ю. Эволюция центр-региональных отношений в Китае: от децентрализации к рецентрализации // Вестник Томского государственного университета. История. — 2023. — № 83. — С. 87–95.

[19] Li C. Leadership Transition in China // Journal of Contemporary China. — 2020. — Vol. 29. — No. 123. — P. 45–60.

[20] Трощинский П.В. Особенности правового развития Китая в «новую эпоху» и конституционные поправки // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК / под ред. А.В. Виноградова. — Москва: ИДВ РАН, 2018. — С. 198–210.

[21] Капустин Н. А., Капустин А. А. Цифровой шелковый путь как инструмент повышения отраслевой конкурентоспособности Китая // Вопросы инновационной экономики. — 2023. — Т. 13. — № 2. — С. 1053–1070.

[22] Машков В. Д. Китайский опыт управления экономикой // Вестник экономики, права и социологии. — 2024. — № 3. — С. 277–281.

[23] Катасонов В. Китайская система социального кредита — что это такое: о некоторых особенностях цифрового общества в Китае // Фонд стратегической культуры. URL: https://www.fondsk.ru/news/2018/12/29/kitajskaja-sistema-socialnogo-kredita-chto-eto-takoe-47371.html

Лукин[24], А.В. Виноградов[25], А.В. Ломанов[26], Ю.В. Тавровский[27], Д.В. Васильев[28], А.Л. Оганесян[29], Е.Н. Грачиков[30], И.Е., Денисов[31], И.Ю., Зуенко[32] и др. В их работах анализируются трансформация идеологического дискурса КПК, особенности китайской модели модернизации, эволюция внешнеполитической стратегии, а также институциональные изменения в системе государственного и партийного управления. Отдельное внимание уделяется концепциям «китайской мечты»[33343536], «сообщества единой судьбы человечества»[373839] и формированию новой модели международного

[24] Лукин А.В. Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе // Российское китаеведение. — 2023. — № 2. — С. 71–99.
[25] Виноградов И. С. КНР и страны Балтии: проблемы сотрудничества // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. — 2022. — № 2. — С. 71–81.
[26] Ломанов А.В. Инновация и традиция в трактовке демократии в современной идеологии КПК // Полис. Политические исследования. — 2023. — №5. — С. 88–105.
[27] Тавровский Ю. В. Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты. — Москва: Эксмо, 2015. — 272 с.
[28] Васильев Д.В. Трансформация китайского подхода к формированию региональной архитектуры безопасности в АТР при Си Цзиньпине (2012–2022 гг.): дис. … канд. ист. наук. Москва, 2024. — 194 с.
[29] Оганесян А.Л. Китайская модель мирового порядка: множественность ценностно-концептуальных основ и политические перспективы: дис. … канд. полит. наук. Москва, 2022. — 204 с.
[30] Грачиков Е.Н. Дипломатия КНР: контекст академического дискурса // Мировая экономика и международные отношения. — 2021. — Т. 65, № 3. — С. 33–41.
[31] Денисов И. Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. — 2020. — Т. 11, № 4. — С. 42–52.
[32] Зуенко И.Ю., Осокин А.С. «Дипломатическая география» Си Цзиньпина: о чём говорит статистика зарубежных визитов китайского лидера // Вестник МГИМО-Университета. — 2024. — Т. 17, № 3. — С. 100–116.
[33] Турицын И.В., Рау И. «Китайская мечта» о великом возрождении нации и внешняя политика КНР эпохи Си Цзиньпина (2012–2018 гг.) // Современная научная мысль. — 2019. — № 1. — С. 135–159.
[34] Гуров Д. В. «Китайская мечта» Си Цзиньпина: теория и практика. — Молодой учёный, 2019. — № 25(263). — С. 386–389.
[35] Репина Л. П. Китайская мечта: культурные основания идеологического проекта Си Цзиньпина // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. № 1. С. 28–37.
[36] Грузинов И.И. Концепция «китайской мечты» после XIX съезда КПК // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК / под ред. А.В. Виноградова. Москва: ИДВ РАН, 2018. — С. 108–114.
[37] Верченко А.Л. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» // Китай в мировой и региональной политике. — «История и современность». — 2022. — Т. 27, №27. — С. 71–83.
[38] Бояркина А.В. Китайская инициатива «Пояс и путь» в контексте концепции Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества» // Theories and Problems of Political Studies. — 2020. — №9. — С. 120–126.
[39] Печерица В. Ф., Бояркин А. В. Концепция Си Цзиньпина «сообщество единой судьбы человечества»: от идеи до практического воплощения. — Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2020. — 224 с.

позиционирования КНР [40] , а также вопросам политического лидерства и доктринального оформления курса Си Цзиньпина[41][42][43][44][45][46].

Наряду с исследованиями внутренней политики существенное место в научной литературе занимает анализ внешнеполитического курса КНР и его связи с современными реформами.

Внешняя политика и международное позиционирование Китая. В зарубежной научной литературе значительное внимание уделяется внешнеполитическим аспектам развития КНР, включая трансформацию отношений с США, торгово-тарифные конфликты, тайваньский вопрос и обострение ситуации в Южно-Китайском море, геоэкономическую конкуренцию и формирование новых моделей глобального взаимодействия (Council on Foreign Relations; Congressional

[40] Xinhua News Agency. Full Text: China’s 15th Five-Year Plan (2026–2030). — 2025.

[41] Печерица В. Ф., Бояркин А. В. Концепция Си Цзиньпина «сообщество единой судьбы человечества»: от идеи до практического воплощения. — Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2020. — 224 с.

[42] Верченко А. Л. Культурная концепция Си Цзиньпина: для Китая и мира. — М.: Институт китайских и современных азиатских исследований РАН, 2023. — 120 с.

[43] Ван Синь. Внешняя политика Китая в решении глобальных проблем современности: дис. … канд. полит. наук. — М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2024. — 214 с.

[44] Киктенко В. А. «Китайская мечта» как теория нового этапа модернизации КНР. — М.: Изд-во «Восточная литература», 2019. — 200 с.

[45] Упирь И. Р. Особенности политического лидерства в Китае: рецензия на первую часть серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении». — Астрахань: Астраханский государственный университет, 2020. — 25 с.

[46] Гуров Д. В. «Китайская мечта» Си Цзиньпина: теория и практика. — Молодой учёный, 2019. — № 25(263). — С. 386–389.

Research Service; Peterson Institute for International Economics)[47][48][49][50][51][52][53]. Отдельное направление составляют исследования, посвящённые инициативе «Один пояс — один путь», в рамках которых анализируются как её экономические эффекты, включая вопросы долговой устойчивости (Zhang et al., 2024)[54], так и политические и институциональные риски её реализации (Skidmore, 2025[55]; Zhao, 2025[56]).

Отдельное направление современной научной литературы связано с анализом социально-экономических вызовов развития КНР, включая замедление темпов роста, структурные дисбалансы экономики, демографические изменения, трансформацию рынка труда и переход к модели развития, основанной на внутреннем спросе и

---

[47] Лексютина Я.В. «Китайская мечта» или «американский кошмар»: к чему пришли американо-китайские отношения за три десят Кашин В.Б., Крашенинникова Л.С., Пятачкова А.С. Китай: военно-технические и военно-морские аспекты лидерства // Мировая экономика и международные отношения. — 2020. — Т. 64, № 7. — С. 49–59. илетия // Международная аналитика. — 2021. — Т. 12, № 2. — С. 12–30.

[48] Кашин В.Б., Крашенинникова Л.С., Пятачкова А.С. Китай: военно-технические и военно-морские аспекты лидерства // Мировая экономика и международные отношения. — 2020. — Т. 64, № 7. — С. 49–59.

[49] Королев А.С., Стрельникова И.А. Проблема Южно-Китайского моря: пять лет после решения международного арбитража // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2021. — Т. 3, № 3. — С. 51–64.

[50] Reuters. Philippines, China spar in South China Sea after incidents near Second Thomas Shoal [Электронный ресурс]. — URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/rift-deepens-between-philippines-china-over-south-china-sea-2025-10-13/

[51] The U.S.-China Trade Relationship: What's Behind the Competition? // Council on Foreign Relations [Электронный ресурс]. — URL: https://www.cfr.org/backgrounders/contentious-us-china-trade-relationship

[52] Sutter K. M. U.S.-China Trade Relations // Congressional Research Service [Электронный ресурс]. — URL: https://www.congress.gov/crs-product/IF11284

[53] Bown C. P. The Trump-China Trade Wars: Five Takeaways from U.S. Imports in 2025 // Peterson Institute for International Economics [Электронный ресурс]. — URL: https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/2026/trump-china-trade-wars-five-takeaways-us-imports-2025

[54] Zhang W. The China Wave: Rise of a Civilizational State. — Singapore: World Century Publishing Corporation, 2012. — 208 p. — P. 83–138.

[55] Skidmore D. The Complex Politics of China's Belt and Road Initiative // The Diplomat. – 2025. – URL: https://thediplomat.com/2025/09/the-complex-politics-of-chinas-belt-and-road-initiative/

[56] Zhao M. Geopolitical Impacts of China's Belt and Road Initiative: Opportunities and Risks Across Asia, Africa, and Europe // *Proceedings of the 4th International Conference on Business and Policy Studies*. – 2025.

технологической самостоятельности. Указанные вопросы рассматриваются как важный контекст современных реформ и стратегического планирования Китая[575859].

В последние годы усиливается исследовательский интерес к экологическому измерению китайской модернизации, включая концепции «зелёного развития», углеродной нейтральности и экологической трансформации инициативы «Один пояс — один путь». Данные исследования позволяют рассматривать экологическую повестку как составную часть современной стратегии развития КНР[606162].

Существенное внимание в современной литературе уделяется вопросам трансформации механизмов политической легитимации в КНР, включая усиление персонализированного лидерства, символическое значение образа Си Цзиньпина и сочетание идеологических, институциональных и результативных оснований поддержки политического курса[63646566676869].

---

[57] Development Research Center of the State Council. *China's Economic Reform in the New Era.* — Beijing, 2023.
[58] World Bank. *China | Data* [Электронный ресурс]. — URL: https://data.worldbank.org/country/china (дата обращения: 12.04.2026).
[59] Chinese Academy of Social Sciences (CASS). *Annual Report on China's Governance.* — Beijing: CASS, 2024.
[60] Предложения ЦК КПК по разработке 15-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития (2025).
[61] Zhang H., Jiang Y., Hou C. *How Does the "Belt and Road" Initiative Affect Debt Sustainability?* // Sustainability. — 2024. — Vol. 16. — No. 23.
[62] Xinhua News Agency. *Full Text: China's 15th Five-Year Plan (2026–2030).* — 2025.
[63] Zhiyue Bo. China's Political Dynamics under Xi Jinping. — Singapore: World Scientific, 2017. — 150 p.
[64] Xi Jinping. The Governance of China. Vol. 2. — Beijing: Foreign Languages Press, 2017. — 619 p. — P. 88–91.
[65] Тавровский Ю. В. Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты. — Москва: Эксмо, 2015. — 272 с.
[66] Упирь И. Р. Особенности политического лидерства в Китае: первая часть серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении» // Вопросы элитологии. — 2020. — Т. 1, № 3. — С. 167–172.
[67] Гордон А.В. Доктрина правления Си Цзиньпина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. — 2020. — № 2. — С. 158–193.
[68] Буров В.Г. Мировоззренческий универсум Си Цзиньпина // Ориенталистика. — 2022. — Т. 5, № 4. — С. 928–943.
[69] Li C. Leadership Transition in China // Journal of Contemporary China. — 2020. — Vol. 29. — No. 123. — P. 45–60.

Наряду с расширением тематического спектра исследований на данном этапе времени наблюдается заметное расширение источниковой базы за счёт официальных программных документов КНР, аналитических докладов государственных институтов и эмпирических исследований, что позволяет более комплексно рассматривать процессы трансформации китайской модели управления.

Вместе с тем в ряде исследований акцент смещён либо в сторону внешнеполитического анализа, либо в сторону отдельных направлений внутренней политики, что ограничивает их использование для комплексной интерпретации реформаторского курса.

Объектом исследования являются государственные и партийные реформы в Китайской Народной Республике в период правления Си Цзиньпина (2012–2026 гг.).

Предметом исследования являются концептуальные основания, ценностные установки и институциональные механизмы реализации государственных и партийных реформ Председателя КНР Си Цзиньпина, их идеологическое обеспечение, а также влияние данных реформ на формирование и реализацию внешнеполитического курса Китайской Народной Республики.

Цель исследования состоит в определении сущности, механизмов и форм государственных и партийных реформ Председателя КНР Си Цзиньпина, а также в выявлении роли его политической доктрины в трансформации модели государственного управления и политического развития Китайской Народной Республики.

Задачи исследования:

- выявить идеологические источники политической доктрины Си Цзиньпина и проследить их роль в формировании концептуальных оснований государственных и партийных реформ;
- раскрыть механизмы реализации стратегии всестороннего углубления реформ в системе государственного и партийного управления КНР;
- проанализировать антикоррупционную кампанию как инструмент внутрипартийной консолидации и институциональной реформы;

- рассмотреть концепцию «Китайской мечты» как символическое и идеологическое обоснование реформаторского курса;
- исследовать институциональные и идейные основы внешнеполитического курса КНР как продолжение реформированной модели управления;
- проанализировать участие Китая в международных кризисах как проявление внешнеполитических приоритетов, сформированных в результате государственных и партийных реформ;
- выявить роль инициативы «Один пояс — один путь» как внешнеполитического и институционального инструмента реализации реформаторской стратегии КНР.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2012 г. — момента прихода к власти Си Цзиньпина — по 2026 г., что связано с принятием и началом реализации 15-й пятилетней программы социально-экономического развития КНР (2026–2030 гг.).

Гипотеза исследования заключается в предположении, что политическая доктрина Си Цзиньпина представляет собой системный идейно-институциональный синтез марксистской идеологии, традиционных китайских ценностей и прагматичного управленческого подхода, направленный на адаптацию КНР к условиям глобальной трансформации посредством реформирования системы государственного и партийного управления и укрепление её позиций в мировой политике.

Методология исследования. В диссертационном исследовании использован междисциплинарный подход, позволяющий рассматривать политические стратегии современного Китая во взаимосвязи их идейных оснований, институциональных механизмов и практики реализации.

- Историко-политический анализ использован для реконструкции идеологических источников политики Си Цзиньпина (проблемный блок «Идейные истоки внутренней политики»). Анализировались партийные документы, выступления лидера и официальные издания.

- Сравнительный метод применён при сопоставлении реформ и политических решений разных этапов правления Си Цзиньпина (блок «Эволюция внутренней политики»). Рассматривались реформы 2012–2017 и 2017–2024 гг.
- Дискурсивный анализ применён для интерпретации программных документов и речевых практик, связанных с концепцией «Один пояс – один путь»[70] (блок «Внешнеполитические концепции»). Анализировались официальные речи, стратегические документы и публикации СМИ.
- Системный подход применён для выявления взаимодействия между институтами власти, партийной идеологией и внешнеполитическими инициативами (блок «Взаимосвязь идеологии и институциональных структур»). Использовались данные о деятельности партийных органов и ведомственных взаимодействиях.
- Метод исследования конкретных случаев использован для анализа политических инициатив и кампаний, включая антикоррупционную кампанию (2013–2020 гг.), реформу партийной дисциплины и внедрение цифрового контроля (проблемный блок «Инструменты реализации внутренней политики»).
- Описание и ретроспективный анализ применялись для реконструкции хронологии ключевых событий и выявления динамики изменений во внутренней и внешней политике.
- Контент-анализ был использован для систематизации материалов из партийных документов, официальных публикаций и медиаресурсов. Таким образом удалось выявить частотность и доминантные темы в дискурсе.

Комплексное использование методов обеспечило многоуровневый и взаимосвязанный анализ проблемных блоков диссертации.

Эмпирическая и информационная база исследования составлена из следующих компонентов:

[70] Официальный аккаунт Министерства иностранных дел КНР в WeChat. Публикации по инициативе «Один пояс – один путь». 2023.

1. Документы высших органов власти КНР:

- Доклады Генеральных секретарей ЦК КПК на XV–XIX съездах КПК[7172737475].
- Конституция Китайской Народной Республики[76] и Устав Коммунистической партии Китая[77].
- Материалы с официальных сайтов Министерства иностранных дел КНР[78] и Международного отдела ЦК КПК[79].
- «Белые книги» КНР по внешнеполитическим вопросам[80].
- Нормативно-правовые акты, регулирующие внешнеполитическую деятельность и права человека, включая Хартию Европейского союза по правам человека[81] и Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод[82].

---

[71] Полный текст доклада Си Цзиньпина на 19-м съезде КПК [Электронный ресурс] // russian.news.cn, 3 ноября 2017 г. – URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

[72] Ху Цзиньтао. Доклад на XVII съезде Коммунистической партии Китая [Электронный ресурс]. – Пекин, 15 октября 2007 г. – China.org.cn (русская версия). – URL: https://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930_16.htm

[73] Грачев М.Н. Китай и XVIII съезд КПК [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 3(30). – С. 40–49. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kitay-i-xviii-sezd-kpk

[74] Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Пекин, 2025. – URL: https://www.fmprc.gov.cn

[75] Международный отдел ЦК Коммунистической партии Китая. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Пекин, 2025. – URL: http://www.idcpc.org.cn

[76] Конституция Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]: офиц. текст. – Пекин: Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей, 1982 (с изм. и доп.). – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Constitution/node_2825.htm

[77] Устав Коммунистической партии Китая [Электронный ресурс]: офиц. текст. – Пекин: Коммунистическая партия Китая, 2017. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/download/Constitution_of_the_Communist_Party_of_China.pdf

[78] Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. Официальный сайт. URL: https://www.fmprc.gov.cn/

[79] Международный отдел Центрального комитета Коммунистической партии Китая [Электронный ресурс]. – Пекин, 2025. – URL: http://www.idcpc.org.cn

[80] Государственный совет Китайской Народной Республики. «Белые книги» по внешнеполитическим вопросам [Электронный ресурс]. – Пекин, 2025. – URL: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/

[81] Хартия основных прав Европейского союза (2012/C 326/02) [Электронный ресурс] // Официальный журнал Европейского союза. – 26.10.2012. – C 326. – С. 391–407. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/RU/TXT/?uri=CELEX%3A12012P%2FTXT
URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012P/TXT

[82] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) [Электронный ресурс] // Совет Европы. – URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf

2. Аналитические материалы:

- Доклады и отчеты зарубежных социологических центров, таких как Pew Research Center[83], Китайский институт международных исследований[84], и Институт востоковедения РАН[85].
- Материалы научных конференций, включая сборники конференций по политологии и международным отношениям Российской академии наук (2018-2023 гг.)[86][87][88][89] и Международной ассоциации китайских исследований[90].

3. Публикации и данные из открытых источников:

- Статьи и пресс-релизы, опубликованные на официальных интернет-порталах Xinhua News Agency[91], China Daily[92], а также в СМИ с широким охватом, включая South China Morning Post[93].
- Данные из социальных сетей Weibo[94] и официальных аккаунтов государственных ведомств в WeChat[95].

---

[83] Pew Research Center. Global Attitudes & Trends [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pewresearch.org/global/

[84] Китайский институт международных исследований. Доклады. – Пекин, 2018–2024. – С. 5–45.

[85] Институт востоковедения Российской академии наук. Аналитические материалы. – Москва, 2019–2024. – С. 10–50.

[86] Политические реформы и идеология в Китае: сборник докладов Международной научной конференции, 2021. — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2021. — С. 112–150.

[87] Стратегии международного развития и внешнеполитические концепции: материалы конференции ИМЭМО РАН, 2020. — М.: ИМЭМО РАН, 2020. — 280 с.

[88] Актуальные вопросы международных отношений: материалы ежегодной конференции ИМЭМО РАН, 2022. — М.: ИМЭМО РАН, 2022. — 350 с.

[89] Внешняя политика Китая в эпоху Си Цзиньпина: аналитические материалы конференции РАН, 2023. — М.: ИМЭМО РАН, 2023. — С. 85–120.

[90] Материалы Международной ассоциации китайских исследований: сборник докладов конференции, 2017–2023 гг. — М.: Международный центр китайских исследований, 2017–2023.

[91] Синьхуа (Xinhua News Agency) [Электронный ресурс]. – Пекин, 2025. – URL: http://www.xinhuanet.com/ (дата обращения: 30.07.2025).

[92] Чайна Дэйли (China Daily) [Электронный ресурс]. – Пекин, 2025. – URL: https://www.chinadaily.com.cn/

[93] South China Morning Post (Южно-Китайский утренний пост) [Электронный ресурс]. – Гонконг, 2025. – URL: https://www.scmp.com/

[94] Weibo [Электронный ресурс]: социальная сеть. – URL: https://www.weibo.com/

[95] WeChat [Электронный ресурс]: социальная сеть. – URL: https://www.wechat.com/

- Эмпирические исследования зарубежных социологов, опубликованные в журналах Journal of Contemporary China[96], Asian Survey[97], а также исследования Центра изучения Китая Гарвардского университета[98].
- Биографические данные ключевых фигур внешнеполитических ведомств КНР собраны из официальных порталов и биографических справочников[99][100][101][102].

4. Теоретические источники:

Данный массив источников обеспечил комплексный и репрезентативный анализ исследуемой проблематики, обеспечив достоверность и объективность полученных результатов.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- Предложена интерпретация государственных и партийных реформ периода правления Си Цзиньпина как целостного идейно-институционального проекта, основанного на синтезе марксистской идеологии, традиционных китайских ценностей и прагматического управленческого подхода, что позволило рассмотреть реформы не как совокупность отдельных мер, а как стратегию долгосрочной трансформации системы управления КНР.
- Обосновано, что в период правления Си Цзиньпина формируется новая модель политической легитимации, сочетающая элементы марксистской теории, конфуцианской традиции и управленческого прагматизма, что позволяет охарактеризовать реформаторский курс КНР как адаптивную и устойчивую форму социализма с китайской спецификой новой эпохи.

---

[96] Journal of Contemporary China. ISSN 1353-8322. – 2020. – Т. 29, № 123. – С. 200–230.
[97] Asian Survey. ISSN 0004-4687. – 2019. – Т. 59, № 4. – С. 650–685.
[98] Harvard University Fairbank Center for Chinese Studies [Электронный ресурс]. – URL: https://fairbank.fas.harvard.edu/
[99] Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Пекин, 2025. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/
[100] Центральный комитет Коммунистической партии Китая — Международный отдел ЦК КПК [Электронный ресурс]. – Пекин, 2025. – URL: http://www.idcpc.org.cn/
[101] Биографический справочник ключевых деятелей политической элиты КНР / Сост. И.П. Иванова. — Москва: Международные отношения, 2020. — 350 с.
[102] Китайская политическая элита XXI века: биографический справочник / Под ред. А.А. Петрова. — Москва: Наука, 2018. — 420 с.

- Уточнено значение современных этапов реформ, связанных с переходом к модели развития, ориентированной на технологическую автономию, внутренний спрос и устойчивость, зафиксированной в 15-й пятилетней программе КНР (2026–2030 гг.), что позволило рассмотреть реформаторский курс Си Цзиньпина в контексте новейших стратегических приоритетов китайского государства.
- Выявлены и систематизированы ключевые механизмы реализации стратегии всестороннего углубления реформ, включая институциональную централизацию, антикоррупционную политику и идеологическую консолидацию, а также реформирование системы партийной дисциплины, показана их роль в укреплении управляемости, внутрипартийной консолидации и политической устойчивости.
- Раскрыта концепция «Китайской мечты» как ключевой идеологический и символический элемент реформаторского курса, обеспечивающий легитимацию усиления роли партии и государства, формирование ценностной базы реформ и мобилизацию общества вокруг целей национального возрождения.
- Показана взаимосвязь государственных и партийных реформ с трансформацией внешнеполитического курса КНР, где внешняя политика рассматривается как продолжение и внешнее измерение реформированной модели управления, а не как автономная сфера политической деятельности.
- Проанализированы инициативы и концепты внешней политики КНР (включая «Один пояс — один путь» и «сообщество единой судьбы человечества») как институциональные и идеологические инструменты реализации реформаторской стратегии, направленные на укрепление международных позиций Китая и формирование альтернативной модели глобального взаимодействия.

Положения, выносимые на защиту:

1. Государственные и партийные реформы периода правления Си Цзиньпина представляют собой системный идейно-институциональный проект, в рамках которого акцент смещается от приоритета социально-экономической модернизации к усилению роли Коммунистической партии Китая и централизации управления, что связано с формированием более устойчивой модели государственного развития.

2. Стратегия всестороннего углубления реформ реализуется через совокупность институциональных механизмов, включая усиление партийного контроля, реформирование системы партийной дисциплины и антикоррупционную кампанию, выполняющую функции внутрипартийной консолидации и обновления управленческих элит. Антикоррупционная кампания при Си Цзиньпине выступает не только инструментом правоприменения, но и элементом реформирования системы управления, ориентированным на повышение дисциплины и управляемости власти КПК.
3. Концепция «Китайской мечты» выступает ключевым идеологическим конструктом реформаторского курса, обеспечивая символическую легитимацию государственных и партийных реформ и формируя ценностную основу национального возрождения.
4. Внешнеполитический курс КНР при Си Цзиньпине формируется как продолжение реформированной модели государственного и партийного управления и сопровождается усилением идеологической составляющей. Инициатива «Один пояс — один путь» рассматривается как инструмент институционализации реформаторской стратегии КНР на международном уровне, обеспечивающий расширение глобального присутствия Китая.
5. Политическая доктрина Си Цзиньпина формирует особую модель политической легитимации, основанную не на либерально-демократических процедурах, а на эффективности управления и моральном авторитете власти. В политическом дискурсе данного периода усиливаются персонализация власти и символизация лидерства, используемые как инструмент идеологической легитимации реформ. Образ лидера конструируется с опорой на элементы конфуцианской традиции — представление о правителе как нравственном ориентире и «учителе нации», что способствует укреплению доверия к реформаторскому курсу КПК.
6. Принятие основных положений 15-й пятилетней программы КНР (2026–2030 гг.) свидетельствует о переходе реформаторского курса к новому этапу, ориентированному на завершение социалистической модернизации, повышение качества экономического роста, технологический суверенитет, экологическую

трансформацию и укрепление социальной стабильности. Указанные приоритеты задают обновлённые ориентиры государственного и партийного реформирования.

7. Усиление стратегического соперничества между КНР и США, торгово-тарифные ограничения, технологические санкции и рост военно-политической напряжённости в Азиатско-Тихоокеанском регионе выступают значимыми внешними факторами ускорения внутренних реформ в Китае, направленных на укрепление экономической самостоятельности, институциональной устойчивости и национальной безопасности.
8. Существенной особенностью реформ периода Си Цзиньпина является развитие цифровых механизмов государственного управления, включая использование больших данных, платформенного администрирования и цифрового контроля, что способствует повышению эффективности управленческих решений, усилению координации власти и модернизации административной системы КНР.

Теоретическая значимость диссертационного исследования связана с уточнением представлений о современном китайском политическом мышлении и формированием подходов к интерпретации незападных моделей государственного развития. В работе анализируются марксистские концепты, применяемые в современных условиях модернизации Китая, а также потенциал их дальнейшего использования в рамках социализма с китайской спецификой. Анализ процессов модернизации и международных отношений в контексте политической доктрины Си Цзиньпина способствует более глубокому пониманию современных концепций и векторов развития внешней политики Китая. Результаты могут быть использованы для дальнейших сравнительных исследований политических режимов и идейно-институциональных моделей в глобальной политике.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности применения его результатов при анализе социально-политических процессов и стратегий развития современной Китайской Народной Республики, а также при подготовке аналитических материалов по вопросам внутренней и внешней политики Китая. Результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе при разработке и преподавании курсов по международным отношениям,

политической философии, сравнительной политологии и востоковедению, в том числе в рамках лекционных и семинарских занятий, подготовки учебных и методических материалов, а также при руководстве курсовыми и выпускными квалификационными работами, посвящёнными проблематике политического развития Китая и незападных моделей государственного управления.

Материалы диссертации также представляют практический интерес для специалистов государственных и аналитических структур, экспертов и исследователей, занимающихся изучением политических стратегий и идеологических оснований развития КНР, а также формированием внешнеполитических и региональных аналитических оценок.

Апробация результатов диссертационного исследования осуществлялась в ходе выступлений автора на научных конференциях, а также посредством публикации основных положений работы в рецензируемых научных изданиях.

Результаты исследования были представлены на ряде международных конференций, в том числе на II Международной конференции *The 2nd International Conference on Internet, Education and Information Technology (IEIT 2022)*, состоявшейся 15–17 апреля 2022 г. в г. Чжанцзяцзе (КНР), где был сделан устный доклад на тему *«The public administration and comprehensive reform of Xi Jinping: building a human resources model»*.

Основные положения диссертации нашли отражение в 6 научных публикациях, из них в 4, входящих в перечни журналов, рекомендованных ВАК РФ и Аттестационной комиссией РУДН[103] и в 2 материалах конференций, из которых 1 - на английском языке[104].

---

[103] Тянь Мяо. Направление международной политики Си Цзиньпина: сущность и основные проблемы // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 11 (87)— С.3875-3883. Тянь Мяо. Направления международной проектной деятельности Китая при Си Цзиньпине: краткий экскурс по основным вопросам // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 11 (94)— С.4266-4272. Тянь Мяо. Мышление «дедлайн» Си Цзиньпина в государственном устройстве // Общество политика, экономика, право. 2023. № 8—С.89-93; Тянь Мяо. Международное коммунистическое движение Маркса и Энгельса как фактор формирования современного государственного устройства Китая // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 12.— С.565-574.

[104] Тянь Мяо. The public administration and comprehensive reform of Xi Jin Ping: building a human resources model // The 2nd International Conference on Internet, Education and Information Technology

Структура исследования соответствует поставленной цели и задачам и обусловлена логикой анализа концептуальных оснований государственных и партийных реформ Председателя КНР Си Цзиньпина. В первой главе анализируются идейные основания реформаторского курса Си Цзиньпина и механизмы его реализации во внутренней политике Китайской Народной Республики, включая стратегию всестороннего углубления реформ, антикоррупционную кампанию и концепцию «Китайской мечты» как идеологическую основу реформ. Во второй главе рассматриваются ключевые направления внешнеполитического курса КНР в период правления Си Цзиньпина как продолжение и внешнее измерение государственных и партийных реформ, включая институциональные инновации внешней политики, участие Китая в международных кризисах и реализацию инициативы «Один пояс — один путь» как инструмента глобального позиционирования страны.

(IEIT 2022)— С.231-236. Тянь Мяо. Основное происхождение и инновационная ценность теории Си Цзиньпина об управлении страной в соответствии с конституцией// EurasiaScience. Сборник статей XLV международной научно-практической конференции. Москва, - 2022. —С. 153-159.

ГЛАВА 1. ИДЕЙНЫЕ ОСНОВАНИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ПАРТИЙНЫХ РЕФОРМ В КИТАЕ В ЭПОХУ СИ ЦЗИНЬПИНА

1.1 Идейный фундамент государственных и партийных реформ в эпоху Си Цзиньпина: марксизм, конфуцианство, прагматизм

Современные политические теории, идеологии и концепции редко возникают в вакууме – они формируются под влиянием исторических обстоятельств, социокультурных условий и предшествующего идейного наследия. Особенно чётко эта зависимость прослеживается в рамках авторитарных и «неоленинских» режимов, в которых апелляция к доктринальному прошлому служит не только легитимизацией власти, но и инструментом выработки и реализации государственных и партийных реформ. В случае с политической концепцией Си Цзиньпина мы сталкиваемся с уникальным явлением: соединением классических марксистских постулатов, китайской историко-культурной специфики и стратегических задач Коммунистической партии Китая в сфере государственного и партийного строительства в XXI веке.

Идеологическая основа мировоззрения Си Цзиньпина непосредственно восходит к марксизму в его китайской интерпретации. Сам китайский лидер неоднократно подчёркивал, что марксизм остаётся «основополагающей теорией, направляющей развитие партии и страны»[105]. Однако речь идёт не о догматическом следовании канонам XIX века, а о попытке адаптации марксистского метода к современной эпохе, что и было изначально заложено в самой марксистской парадигме. В условиях современного Китая данная адаптация находит выражение прежде всего в разработке и институционализации государственных и партийных реформ, направленных на повышение управляемости, эффективности и стратегической устойчивости политической системы.

[105] Си Цзиньпин. О государственном управлении: в 3 т. Т. 1. — М.: Прогресс-Традиция, 2018. — 520 с. — С. 16.

Карл Маркс в работе «К критике политической экономии» утверждал, что «человечество ставит перед собой только те задачи, которые оно может решить»[106]. Это положение говорит об историчности теории и её зависимости от конкретных условий материального производства. В другом фундаментальном труде – «Социализм: утопический и научный» – Фридрих Энгельс писал о необходимости «превращения социализма из утопии в науку»[107], которая определяет аналитическую и историческую природу марксистского подхода. По мнению Маркса, «идеи, мнения и понятия людей, словом, человеческое сознание изменяются вместе с изменениями условий жизни человека, общественных отношений человека и общественного существования человека»[108]. В этом смысле концепция Си Цзиньпина продолжает линию исторического материализма, предполагая, что социалистическая модернизация и система государственных и партийных реформ должны основываться на конкретных социально-экономических и институциональных реалиях современного Китая.

Несмотря на то, что Энгельс, скромно оценивая свою исследовательскую роль, называл себя лишь «вторым скрипачом» по сравнению с Марксом, его вклад в развитие марксистской мысли был достаточно значительным, а роль в эволюции марксизма – многогранной. Анализируя его вклад в развитие марксистской теории, необходимо выделить, во-первых, его концепцию о двух великих открытиях Маркса: материалистическом понимании истории[109] и теории прибавочной стоимости[110]. Именно эти открытия, по мнению Энгельса, позволили превратить социализм из утопии в науку. Во-вторых, Энгельс говорил о значении материалистической диалектики как о философской основе марксизма, которая в «Капитале»[111] Маркса

---

[106] Маркс К. К критике политической экономии. — М.: Политиздат, 1974. — 207 с. — С. 8.
[107] Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. — М.: Политиздат, 1973. — Т. 19. — 623 с. — С. 203–228.
[108] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 2. — Пекин: Народное издательство, 2009. — 600 с. — С. 50–51.
[109] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Изд. 2-е. Т. 19. — Москва: Госполитиздат, 1961. — С. 350-352.
[110] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Изд. 2-е. Т. 20. — Москва: Госполитиздат, 1961— С. 5-343.
[111] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Изд. 2-е. Т. 21.— Москва: Госполитиздат, 1961.— С. 269-

стала основным ключом к пониманию логики исторического развития. При этом, как отмечал Энгельс в «Принципах коммунизма», коммунизм есть «учение об условиях освобождения пролетариата»[112], выражающее его классовую позицию в борьбе за революционное преобразование общества. В политическом дискурсе КНР данные положения используются как теоретическое обоснование необходимости активной роли партии в преобразовании социальных и управленческих структур, что находит отражение в практике государственных и партийных реформ периода правления Си Цзиньпина.

Формируя свою социально-политическую доктрину, Карл Маркс создавал не просто философскую систему, а научную теорию, сочетавшую теоретический анализ с программой практического преобразования общества. Как подчеркивал Фридрих Энгельс в работе «Анти-Дюринг», «социализм, превратившись в науку, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой»[113]. В современной интерпретации китайского руководства данный принцип получает развитие в логике планомерных государственных и партийных реформ, направленных на преобразование институтов управления и социально-экономических отношений.

Энгельс последовательно развивал и систематизировал марксистское мировоззрение, решительно выступая против его догматизации. В письме Фридриху Зорге от 29 ноября 1886 года он отмечал: «Наша теория – не догма, а руководство к действию»[114]. Этот антидогматический подход был характерен для всего творчества Энгельса, включая его поздние работы. Именно такой подход — понимание теории как гибкого руководства к действию — используется в официальном дискурсе КПК при обосновании необходимости адаптации марксистских принципов к задачам государственного и партийного реформирования.

317.

[112] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Изд. 2-е. Т. 4. — М.: Госполитиздат, 1955. — 637 с. — С. 322–339.

[113] Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Изд. 2-е. Т. 20. — Москва: Госполитиздат, 1961. — 828 с. — С. 274.

[114] Энгельс Ф. Письмо Ф. А. Зорге, 29 ноября 1886 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. — Москва: Госполитиздат, 1986. — Т. 36. — 784 с. — С. 481.

Особое значение Энгельс придавал связи философского материализма с достижениями естественных наук. В «Диалектике природы» он писал: «Материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений»[115]. Этот научный подход он последовательно применял к анализу социальных процессов. В современной китайской политической практике подобная установка проявляется в стремлении опираться на эмпирический анализ и управляемые институциональные изменения при проведении государственных и партийных реформ.

После смерти Маркса Энгельс посвятил себя завершению и публикации незаконченных трудов соратника. Как он отмечал в письме Николаю Даниельсону 17 октября 1893 года, работа над II и III томами «Капитала» требовала не просто редакторской правки, а серьезной научной доработки[116]. Эта работа стала важным вкладом в развитие марксистской экономической теории. Данный опыт творческой переработки и развития теории рассматривается в КНР как легитимный пример адаптации марксизма к новым историческим условиям, включая задачи реформирования системы государственного и партийного управления.

Марксизм, по Си Цзиньпину, представляет собой не застывшую догму, а методологию анализа и трансформации общества, лежащую в основе государственных и партийных реформ. Он подчёркивает, что марксизм «должен сочетаться с конкретной реальностью Китая и с его культурными традициями»[117]. Данный подход представляет собой своеобразный синтез марксистских постулатов с конфуцианской этикой, доктриной китайской цивилизационной исключительности и политическим прагматизмом.

Не случайно Си Цзиньпин называет современную доктрину КПК «марксизмом XXI века»[118]. Подобное обозначение несёт в себе сразу несколько смыслов. Во-

---

[115] Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. — Москва: Госполитиздат, 1961. — Т. 20. — 828 с. — С. 486.

[116] Энгельс Ф. Письмо Н. Ф. Даниельсону, 17 октября 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. — Москва: Госполитиздат, 1974. — Т. 39. — 707 с. — С. 87.

[117] Си Цзиньпин. О государственном управлении. — М.: Прогресс-Традиция, 2018. — 620 с. — С. 21.

[118] Си Цзиньпин. Управление Китаем. Т. 2. — Пекин: Foreign Languages Press, 2017. — 619 с. —

первых, оно указывает на продолжение исторической линии, ведущей от Маркса и Энгельса к Ленину, Мао Цзэдуну, Дэн Сяопину и другим китайским лидерам. Во-вторых, подчёркивается преемственность, позволяющая легитимировать текущий курс КПК как неотъемлемую часть единой идеологической траектории. В-третьих, речь идёт о приспособлении теории к вызовам цифровой эпохи, глобализации и трансформации мирового капитализма и к задачам институционального развития и реформирования системы управления.

Таким образом, в центре политической доктрины Си Цзиньпина находится не только китайская специфика, но и стремление к сохранению идеологического ядра, способного обеспечить устойчивость партийной власти. Марксизм в его интерпретации – это не просто теория, но инструмент «укрепления партийного руководства», «реализации китайской мечты» и «обеспечения национального возрождения»[119]. Такой подход позволяет говорить о формировании своеобразного неомарксистского синтеза, в котором идеи социальной справедливости, контроля над средствами производства и коллективной солидарности сочетаются с жёсткой иерархией, централизованным управлением и стратегической гибкостью.

Политическая доктрина Си Цзиньпина представляет собой результат синтеза марксистско-ленинского наследия, конфуцианской традиции и прагматического подхода, выработанного в период реформ и открытости. Идеологическое ядро современного китайского политического курса и проводимых государственных и партийных реформ сформировано в логике «национального возрождения» и стремления к сохранению устойчивости партийной власти.

Марксистско-ленинское наследие как идейная основа партийного строительства и управления**.** Владимир Ильич Ленин, будучи убеждённым последовательным марксистом, посвятил себя глубокому изучению трудов Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Марксистская теория стала для него не только философским фундаментом, но и практическим руководством к действию, направленным на преобразование социальной реальности. Он не ограничился

С. 12.

[119] Там же. — С. 29.

переосмыслением классики, а адаптировал её к историческим особенностям России, прежде всего через разработку теории империализма и концепции союза рабочего класса и крестьянства[120].

Отдельно стоит отметить, что для Ленина марксизм не был догмой. Он подчёркивал необходимость научного метода: «самая суть, живая душа марксизма – конкретный анализ конкретной ситуации»[121]. При этом Ленин акцентировал, что применение марксизма требует учёта национальных особенностей, то есть для Великобритании, Франции, Германии и России необходим различный подход.

Как системный мыслитель, Ленин сформулировал тезис, что марксизм объединяет философские, экономические и политические уровни анализа: философия создаёт мировоззренческую основу, экономическая теория Маркса раскрывает механизм социального воспроизводства, а политические принципы позволяют осуществить революцию[122].

Ленин признавал вклад Энгельса в развитие марксистской мысли, особо отмечая его работы по историческому материализму и научной критике утопии как научного инструмента революции[123].

В своих трудах Ленин описал марксизм как идеологическое оружие рабочего класса, способное осознать и преобразовать мировую систему угнетения. Теория революции, диктатуры пролетариата и империализма стала ядром ленинской идеологии, которая обеспечивала мотивацию и стратегию партийного действия в XX веке[124].

Несмотря на рыночную трансформацию экономики, Коммунистическая партия Китая (КПК) придерживаясь марксизма последовательно сохраняет претензию на идеологическое и организационное лидерство. На протяжении различных

---

[120] Ленин В. И. Теория империализма как высшая стадия капитализма. — Москва: Политиздат, 1960. — 200 с. — С. 56–90.

[121] Ленин В. И. Коммунизм. — Электронный выпуск, июнь 1920. // Ленин В. И. Сочинения: в 45 т. Т. 30. — Москва: Политиздат, 1974. — 550 с. — С. 34.

[122] Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Москва: Политиздат, 1964. — 120 с. — С. 10–12.

123 Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке (перевод Энгельса) // Ленин В. И. Сочинения: в 50 т. Т. 20. — Москва: Политиздат, 1961. — 828 с. — С. 120–122.

124 Ленин В. И. Государство и революция. — Москва: Политиздат, 1957. — 150 с. — С. 85–110.

исторических периодов, включая китайскую революцию, периоды строительства и реформ, КПК проводила систематическое изучение и анализ марксистской теории, стремясь ответить на вопросы о сущности марксизма и о его практическом применении в китайском контексте.

Си Цзиньпин подчёркивает необходимость возвращения к истокам, «очищения» партийной линии от уклонов и укрепления партийной дисциплины. Его риторика опирается на ленинскую модель централизованного партийного контроля и идею партийного авангарда как руководящей силы общества[125].

Доктрина «социализма с китайской спецификой» в интерпретации Си Цзиньпина приобретает новое содержание: она уже не столько о модернизации экономики, сколько о контроле над социальной и политической жизнью, централизованном управлении и «наведении порядка» внутри самой партии[126]. В этом аспекте преемственность с ленинизмом проявляется наиболее отчётливо.

Конфуцианские элементы в идеологии партийного управления и реформ. Несмотря на официальное атеистическое и революционное начало марксистской теории в Китае, традиционные философские и моральные категории конфуцианства оказали значительное влияние на китайское марксистское мировоззрение. Конфуцианские идеи, такие как социальная гармония, иерархия, моральное лидерство, служение народу и приоритет коллективного блага над индивидуальными интересами, органично встроились в идеологическую систему Коммунистической партии Китая (КПК), особенно в аспектах партийной дисциплины, идеологического контроля и управленческой этики[127].

В результате исследований и дискуссий на эти темы, особенно под руководством Мао Цзэдуна в период революции, сформировалось уникальное марксистское мировоззрение китайских коммунистов. Мао Цзэдун, возглавляя народ страны в революционный период, уделил особое внимание изучению и анализу

---

[125] Си Цзиньпин. О государственном управлении. — М.: Прогресс-Традиция, 2018. — 620 с. — С. 45.
[126] Браун К. Си Цзиньпин. Власть без границ. — М.: АСТ, 2020. — 320 с. — С. 47–53.
[127] Tang Y., Confucianism, Buddhism, Daoism, Christianity, and Chinese Culture, Beijing: China Social Sciences Press, 2010, p. 82

марксизма и на основе этого смог сформировать свое собственное марксистское мировоззрение, оказавшее значительное влияние на дальнейшее развитие китайской революции и последующее строительство социализма в Китае[128].

Взгляд Мао Цзэдуна на марксизм характеризовался, прежде всего, признанием его методологической ценности, которая, по его мнению, заключалась в способности марксизма непрерывно развиваться и адаптироваться, подстраиваясь под новые исторические условиям. Основоположники марксизма, по мнению Мао Цзэдуна, смогли сформулировать свои теории благодаря непосредственному участию в классовой борьбе и научной практике своего времени. Именно практический опыт, полученный в ходе этих процессов, стал основой для формирования марксистского учения[129].

Подход Мао Цзэдуна к изучению марксизма проявлялся в необходимости противостоять догматическому подходу. Он подчеркивал, что марксизм не является панацеей от всех проблем и не может быть «раз и навсегда»[130]. По его мнению, интеграция теории в практику является объективным требованием для успешного развития китайской революции и главным средством предотвращения и исправления догматизма. Именно поэтому Мао Цзэдун придавал огромное значение проведению исследований, подчеркивая необходимость продвижения эволюции марксистской теории, адаптируя ее к изменяющимся китайским реалиям. Он активно внедрял теоретические инновации, базирующиеся на практическом опыте, и осознанно применял их к изменяющимся условиям концепции марксизма, руководствуясь новыми социальными практиками. Он считал, что только полностью зная и понимая историю страны и нынешние специфические национальные условия, страна сможет эффективно интегрировать идеологическую теорию с национальными условиями, направляя китайскую революцию в сторону светлого будущего[131].

---

[128] Янгутов Л. Е. Буддизм в социально-политической стратегии Коммунистической партии Китая // Oriental Studies. 2020. Т. 13, № 2. — С. 358–367.

[129] Гуанчэн С. Фактор СССР в столетней истории Коммунистической партии Китая в представлениях Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина // Россия и АТР. 2021. № 2. — С. 53–68.

[130] Мао Цзэдун. О правильном разрешении противоречий внутри народа // Избранные произведения: в 5 т. Т. 5. — Пекин: Изд-во на ин. яз., 1967. — С. 390–395.

[131] Яньцю Ч. Китаизация марксизма в современном Китае // Вестник Томского государственного

Мао Цзэдун выступал с резкой критикой традиционного конфуцианства, считая его основой феодального деспотизма, поддерживавшего иерархию, патриархат и идею покорности народа власти. Особенно он критиковал конфуцианские идеи о безусловном повиновении правителю и неподсудности власти народу, считая их несовместимыми с марксистской концепцией классовой борьбы[132]. Однако, несмотря на политическую оппозицию конфуцианству как системе, Мао избирательно заимствовал отдельные элементы этой философии. Так, он разделял представление о нравственной ответственности лидера перед народом – идею, уходящую корнями в учение Мэн-цзы о «благородном муже» (цзюньцзы), обязующем правителя быть моральным примером и служить обществу[133]. В своих речах и текстах Мао не раз утверждал, что партия и её лидеры должны «служить народу», что перекликалось как с марксистскими принципами, так и с традиционной китайской этикой управления и власти, основанной на представлении о взаимных обязанностях между правителем и народом[134].

Начиная с эпохи Дэн Сяопина, можно говорить о постепенном возвращении конфуцианской риторики, которая используется для идеологической консолидации и культурной легитимации власти. Если в годы Культурной революции конфуцианство трактовалось преимущественно как символ феодального прошлого и подвергалось критике, то с началом реформ 1980-х годов подход к традиционным ценностям заметно меняется, приобретая более прагматичный характер. В этот период культурное наследие всё чаще рассматривается как ресурс поддержания социальной стабильности и формирования национальной идентичности. Постепенно в официальный политический дискурс включаются и отдельные конфуцианские категории — прежде всего «хэ» (гармония) и «жэнь» (гуманность). При Ху Цзиньтао данная линия получила дальнейшее развитие в рамках концепции «гармоничного

университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. — С. 240–253.

[132] Мао Цзэдун. О правильном разрешении противоречий внутри народа // Избранные произведения: в 5 т. Т. 5. — Пекин: Изд-во на ин. яз., 1977. — С. 384–391.

[133] Мэн-цзы. Книга Мэн-цзы / Пер. с кит., вступ. ст. и комм. А.И. Кобзева. — М.: Восточная литература, 2009. — С. 75–80.

[134] Mao Zedong. Serve the People (1944) // Selected Works of Mao Tse-tung. Vol. 3. — Beijing: Foreign Languages Press, 1967. — P. 227–229.

общества» (хэсе шэхуэй), закреплённой в числе приоритетных направлений внутренней политики. Основной акцент делался на проблемах социальной справедливости, соотношении развития и стабильности, а также на моральной ответственности власти перед обществом, что в целом соотносится с конфуцианской традицией понимания управления. Этот дискурс говорит о важности социальной справедливости, балансе между развитием и стабильностью, а также о моральной ответственности власти перед обществом. Все это перекликалось с традиционными конфуцианскими представлениями о хорошем управлении.

Конфуцианство как фундамент традиционной политической культуры Китая получает у Си Цзиньпина новое осмысление. Принцип «гармоничного общества», уважение к иерархии, коллективизм и идея «морального правления» служат важными элементами легитимации партийного контроля и пропаганды «правильного поведения»[135]. Си нередко цитирует Конфуция в публичных выступлениях, используя его как опору для идей партийного нравственного превосходства и социальной стабильности.

Более того, в официальной идеологической риторике восстанавливается идея «семейно-государственной» метафоры, где партия выступает в роли заботливого, но требовательного отца, а народ в роли детей, нуждающихся в наставлении и защите[136].

Таким образом, можно говорить о своеобразном синтезе: марксизм в китайской версии вобрал в себя не только европейское материалистическое наследие, но и глубокие корни китайской культурной традиции, особенно конфуцианства, обеспечивая тем самым его устойчивость и приемлемость для массового сознания.

Прагматизм и влияние Дэн Сяопина в контексте государственных и партийных реформ. Идеологическая эволюция КНР после смерти Мао Цзэдуна ознаменовалась переходом от догматического социализма к прагматичной модели развития, провозглашённой Дэн Сяопином. В основу этой модели легла концепция

[135] Bell D. A. The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy. — Princeton: Princeton University Press, 2015. — 280 p. — p. 45.
[136] Tang W. Populist Authoritarianism: Chinese Political Culture and Regime Sustainability. — Oxford: Oxford University Press, 2016. — 320 p. — p. 150.

«социализма с китайской спецификой», призванная соединить рыночные механизмы с руководящей ролью Коммунистической партии. Самым известным символом этого подхода стало высказывание Дэна: «Не важно, чёрная кошка или белая, лишь бы ловила мышей» (не имеет значения, социалистический это метод или капиталистический, если он приносит результат) [137] . Это означало отход от ортодоксального марксизма-ленинизма ради экономической эффективности. Целью также стали развитие производительных сил и повышение уровня жизни.

Си Цзиньпин в целом продолжает экономическую линию реформ, стремится при этом переосмыслить прагматизм Дэна и придать ему более жёсткие идеологические рамки. Экономический курс ориентирован на сохранение рыночных стимулов, поддержку технологических инноваций, а также участие КНР в глобальных инвестиционных проектах (прежде всего в рамках инициативы «Один пояс – один путь» [138]). В политической сфере, в то же время, усиливается тенденция к централизации управления и укреплению партийного руководства. Принцип партийного контроля распространяется не только на государственные институты, но также на судебную систему, университеты, СМИ, интернет-пространство и частный сектор. Это отражает смещение акцента с преимущественно экономических реформ к реформированию механизмов партийного и государственного управления. Особенно подчеркивается «руководящая роль партии во всех сферах китайской жизни»[139].

Подобный подход может быть охарактеризован как форма «идеологизированного прагматизма», при которой реформы и экономический рост допускаются лишь в тех пределах, в которых они не подрывают политическую стабильность и идеологическую монополию КПК. В этом контексте Си не отказывается от наследия Дэн Сяопина, но стремится придать ему более определённые рамки. В своей речи на XIX съезде КПК он прямо заявил: «Социализм

---

[137] Дэн Сяопин. Эмансипация сознания, поиск истины в фактах и единство взглядов, обращённых в будущее // Избранные произведения. Т. 2. — Пекин: Foreign Language Press, 1993. — С. 160–170.
[138] Официальный аккаунт Министерства иностранных дел КНР в WeChat. Публикации по инициативе «Один пояс – один путь». 2023.
[139] Brown, K. Си Цзиньпин: власть без границ. — Москва: АСТ, 2020. — С. 98–100.

с китайской спецификой вступил в новую эпоху»[140]. Подразумевается, что теперь, когда Китай добился экономических успехов, настало время укрепить «духовные корни» нации, опираясь на марксизм, национальную культуру и патриотизм как основы политической консолидации и управляемости.

Помимо идеологического усиления, при Си наблюдается и институциональное укрупнение власти. Так, отмена ограничения по числу президентских сроков в 2018 году стала важным шагом в отказе от системы коллективного лидерства, установленной после Мао[141]. Это ещё один признак отхода от прагматичной модели баланса сил, продвигаемой Дэн Сяопином, в сторону усиления личной власти в рамках единого идеологического курса.

Влияние Дэн Сяопина на политику Си Цзиньпина очевидно, однако в рамках новой эпохи происходит его переосмысление: прагматизм больше не является самоцелью, а подчиняется задаче укрепления национального единства и партийной дисциплины.

Синтез трёх компонентов. Политическая доктрина Си Цзиньпина представляет собой не простое продолжение марксистско-ленинской идеологии, а гибкий и прагматичный синтез трёх взаимодополняющих компонентов — марксизма, конфуцианства и прагматической линии реформ, начатой Дэн Сяопином, — который служит идейной основой государственных и партийных преобразований современного Китая.

Марксизм остаётся основой официальной идеологии КПК, особенно в плане классового анализа, роли рабочего класса и понимания исторического развития через призму противоречий, а также как теоретическая база для обоснования руководящей роли партии в системе государственного управления. В своих работах Си пишет о значении «социализма с китайской спецификой в новую эпоху», что является

[140] Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. 2. — Пекин: Foreign Languages Press, 2017. — С. 215–225.
[141] Buckley, C. “China Moves to Let Xi Stay in Power by Abolishing Term Limit.” The New York Times, 25 Feb. 2018. — URL: https://www.nytimes.com/2018/02/25/world/asia/china-xi-jinping.html

переосмыслением марксистской парадигмы применительно к современному Китаю[142].

Конфуцианские элементы активно используются в легитимации власти. Понятия *жэнь* (гуманность), *ли* (ритуал, порядок), *хэ* (гармония) и особенно *сяо* (сыновняя почтительность) встраиваются в официальную риторику и образовательную политику. Ху Цзиньтао в 2005 году выдвинул идею «гармоничного общества», продолженную в концепции «китайской мечты» Си Цзиньпина. Эти категории поддерживают иерархическую стабильность, моральное превосходство власти, культурную преемственность и легитимацию партийного и государственного управления[143].

Прагматизм, наследие Дэн Сяопина, выражается в отказе от догматического следования теориям и в ориентации на практическую эффективность. Принцип «неважно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей» стал основой политики «реформ и открытости», а в период правления Си Цзиньпина он трансформировался в курс на «великое возрождение китайской нации», где экономика и технологии поставлены на службу укрепления партийного контроля, институциональной управляемости и стратегического суверенитета[144].

В целом можно заключить, что политическая доктрина Си Цзиньпина представляет собой сочетание марксизма, конфуцианства и прагматизма Дэн Сяопина, адаптированное к современным реалиям Китая. Марксизм как идейный фундамент задаёт методологию анализа и обеспечивает партийное лидерство; конфуцианские принципы гармонии и морального правления укрепляют культурную легитимацию власти, тогда как прагматизм связан с обеспечением экономической эффективности в условиях централизованного контроля. Такая модель, основанная на сочетании идеологической преемственности, национальной специфики и стратегической гибкости, формирует идейно-институциональную основу

---

[142] Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. 2. — Пекин: Foreign Languages Press, 2017. — С. 18–21.
[143] Bell, D. A. The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy. — Princeton: Princeton University Press, 2015. — URL: https://www.jstor.org/stable/j.ctt1q1xrbj
[144] Дэн Сяопин. Избранные произведения. Т. 3. — Пекин: Foreign Language Press, 1993. — С. 63–66.

государственных и партийных реформ в период правления Си Цзиньпина. Она позволяет КПК сохранять устойчивость и адаптироваться к внутренним и внешним вызовам, сохраняя курс на «великое возрождение китайской нации».

Выводы по параграфу 1.1

Проведённый анализ показывает, что политическая доктрина Си Цзиньпина формируется на основе идейной преемственности и адаптации классического марксизма к современным социально-политическим условиям Китая. Марксизм в интерпретации китайского руководства выступает не как догматическая система, а как методологическая основа анализа и трансформации общества, а также теоретическое обоснование государственных и партийных реформ.

Важную роль в формировании данной доктрины играет ленинское наследие, прежде всего идеи централизованного партийного руководства, дисциплины и авангардной роли партии, что обеспечивает институциональную устойчивость политической системы КНР и управляемость реформаторских процессов. Существенное значение имеют и конфуцианские элементы, которые используются для культурной легитимации власти, укрепления социальной гармонии и формирования морального авторитета партийного и государственного руководства.

Прагматическая линия реформ, заложенная Дэн Сяопином, в период правления Си Цзиньпина получает новое осмысление и подчиняется задаче укрепления партийного контроля и институциональной консолидации, а также национального единства. В результате формируется своеобразный синтез марксизма, конфуцианства и прагматизма, адаптированный к условиям «новой эпохи» и направленный на обеспечение политической стабильности, управляемости реформ и стратегического развития Китая.

1.2 Политика всестороннего углубления реформ: цели, приоритеты и инструменты реализации

Си Цзиньпин позиционирует курс «всестороннего углубления реформ» как ключевой инструмент модернизации политико-экономической системы КНР и

реформирования механизмов государственного и партийного управления, а также укрепления управляемости государства. Реформаторская повестка при этом представлена не как набор частных инициатив, а как комплексная стратегия, направленная на перестройку институтов управления, обновление механизмов регулирования в системе партии и государства и повышение эффективности партийно-государственной системы.

В 1992 году Дэн Сяопин, инициировав экономически ориентированный подход к реформам, предложил стратегическую цель всесторонней модернизации социализма для создания собственного социализма с китайской спецификой, что и привело к иному пути развития Китая [145]. Вместе с тем, Си Цзиньпин, будучи убеждённым в необходимости продолжения реформ, осознаёт их сложность и говорит о неотложной потребности провести всестороннее углубление и ускорение преобразований, подчёркивая необходимость сохранения политико-институциональной устойчивости государственных и партийных институтов и управляемости государства (в том числе в рамках принципа «Одна страна — две системы»)[146]. Его способность отвечать на вызовы и решать возникающие проблемы опирается на политическую мощь Коммунистической партии Китая как ключевого субъекта реформ, наследницы марксистской идеологии, которая сочетает в себе марксизм, реформаторские идеи Ленина и Дэн Сяопина, а также приоритет сохранения культурной идентичности[147].

Вопрос реформ в Китае изначально носил не только экономический, но и глубоко политический характер. Анализ взаимосвязи между государственным управлением и рыночными механизмами представляет собой сложную задачу, требующую объективного подхода. Со начала провозглашения политики реформ и открытости в 1978 году и вплоть до успешного проведения XX Национального конгресса, реформирование экономической системы неизменно сопровождалось

---

[145] Дэн Сяопин. Речь на южном турне в 1992 году // *Собрание трудов Дэн Сяопина*. — Пекин, 1993. — Т. 3. — С. 100–110.

[146] Материалы XX съезда Коммунистической партии Китая. — Пекин, 2022. — URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html

[147] Си Цзиньпин. О государственном управлении. — М.: Прогресс-Традиция, 2018. — С. 45–50.

институциональными и управленческими изменениями, оставаясь приоритетным направлением преобразований в Китае[148].

Программа «всестороннего углубления реформ», официально провозглашённая на Третьем пленуме XVIII съезда ЦК КПК в ноябре 2013 года, представляет собой не просто этап в социально-экономическом развитии страны, но и выбранное направление современной партийной стратегии под руководством Си Цзиньпина, ориентированной на реформирование системы государственного и партийного управления. В этой повестке сосредоточено стремление к обновлению моделей управления, модернизации государственного механизма, устранению институциональных барьеров и укреплению партийного контроля как гаранта стабильности[149].

Формула «всестороннего углубления реформ» символизирует отказ от частичных изменений и переход к системному подходу в преобразовании экономической, социальной, культурной, правовой и политической систем Китая. Важно отметить, что, несмотря на декларативную направленность на либерализацию и снижение бюрократических издержек, реформы не предполагают ослабления партийного контроля. Напротив, с середины 2010-х годов реформы разворачиваются в тесной связке с усилением надзора, расширением идеологического влияния и централизацией власти, что и отличает подход эпохи Си Цзиньпина от реформаторских линий предшествующих лидеров.

Реформы, инициированные после XVIII съезда, стали новым этапом развития курса «социализма с китайской спецификой» и институционального переустройства партийно-государственной системы. В отчёте на XIX съезде КПК Си Цзиньпин указал на то, что реформы — это «двигатель» модернизации страны и инструмент укрепления партийной власти, поскольку «реформы затрагивают самую суть системы управления и управления партией и государством»[150].

---

[148] Мяо Т. Мышление «дедлайн» Си Цзиньпина в государственном устройстве // Общество: политика, экономика, право. — 2023. — № 8. — С. 89–93.
[149] Си Цзиньпин. О государственном управлении. — Москва: Прогресс-Традиция, 2018. — С. 45.
[150] Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. 2. — Пекин: Foreign Languages Press, 2017. — С. 45–49.

Экономическое измерение курса «всестороннего углубления реформ» предполагает расширение роли рыночных механизмов при сохранении решающей функции государства в стратегическом регулировании и макроуправлении под руководством партии. В официальной риторике при Си Цзиньпине подчёркивается необходимость повышения эффективности распределения ресурсов, усиления конкуренции и формирования более прозрачных правил для субъектов хозяйствования при одновременном укреплении контроля над ключевыми секторами и государственными корпорациями.

Исходя из вышесказанного, политика всестороннего углубления реформ рассматривается не только как экономическая модернизация, но и как способ укрепления государственной управляемости, идейного единства, управляемости и идеологической гегемонии КПК в условиях внутреннего и внешнего давления. Она сочетает в себе принципы прагматизма и ортодоксального партийного контроля, выступая ответом на комплексные вызовы XXI века.

Целеполагание реформ в официальной риторике увязывается с задачами долгосрочного развития государства и партии и проектом национального возрождения («Китайская мечта»), что придаёт реформам выраженное политико-идеологическое измерение и закрепляет их в качестве элемента стратегии укрепления легитимности партийного руководства[151].

Главные цели политики всестороннего углубления реформ можно представить в виде нескольких стратегических направлений:

1. Совершенствование структуры государственного и партийного управления.

Создание такой системы государственного и партийного контроля, которая была бы эффективнее существующей, в том числе путём перераспределения полномочий, реформы центральных ведомств, упрощения процедур, управления и усиления надзора.

2. Углубление экономических преобразований в рамках партийно-государственного регулирования.

[151] Xi Jinping. The Governance of China. Vol. 1. — Beijing: Foreign Languages Press, 2014. — P. 83.

Развитие смешанной экономики, укрепление роли рынка при сохранении ведущей роли государства, стимулирование частного предпринимательства и модернизация промышленного сектора при сохранении стратегического контроля со стороны партии.

3. Институционализация власти и законности в системе партии и государства.

Продвижение концепции «правового государства» с китайской спецификой, реформирование судебной системы, борьба с коррупцией, развитие партийной дисциплинарной практики и надзорных механизмов.

4. Совершенствование механизмов социального управления и обеспечения справедливости.

Расширение доступа к образованию, здравоохранению, пенсионной системе; сглаживание региональных и имущественных диспропорций как элементов устойчивости государственного управления.

5. Усиление идеологического контроля и партийного руководства.

Интеграция марксистской теории в систему образования и партийной подготовки, продвижение единой культурной повестки, активизация цензурного контроля в медиасреде и интернете как инструментов поддержания политической стабильности.

Эти цели зафиксированы в таких стратегических документах, как Постановление Третьего пленума XVIII съезда[152], а также в материалах XX съезда КПК[153]. Си Цзиньпин считает, что реформы «не могут идти по заранее заданному маршруту» и требуют гибкости, сочетания идеологии и прагматизма, но при этом строгого соблюдения принципов партийного руководства и недопущения западной модели разделения властей или многопартийности[154].

---

[152] Постановление Третьего пленума XVIII Центрального комитета КПК. // Xinhuanet. — 2013. — URL: http://www.xinhuanet.com/english/special/18cpcplenary/index.htm

[153] XX съезд Коммунистической партии Китая. — Пекин, 2022. — URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html

[154] Guo, S. The Ideological Evolution of the Chinese Communist Party: A Multidimensional Analysis // Journal of Chinese Political Science. — 2012. — Vol. 17, № 3. — P. 207–225.

Важной отличительной чертой реформаторской политики Си Цзиньпина стало стремление к институционализации преобразований и созданию устойчивых механизмов их реализации в рамках партийно-государственной системы. В центре данной стратегии стоит переосмысление роли и структуры партийных и государственных институтов, направленное на укрепление централизованного руководства, повышение эффективности управления и обеспечение подотчетности органов власти.

Особое внимание уделено укреплению политической дисциплины и централизации полномочий. Как отмечается в материалах XIX и XX съездов КПК, эффективное проведение реформ невозможно без надлежащего партийного контроля и слаженной работы всех уровней управления[155]. Поэтому значение координацию и мониторинг реформ во всей системе управления, усилилась (Центральный комитет КПК и его профильные комиссии).

В виде эффективного инструмента реализации реформ стало активное использование «дорожных карт» и пяти- и десятилетних планов развития. Эти документы задают конкретные индикаторы и критерии оценки успеха государственных и партийных реформ. В рамках XIV пятилетнего плана (2021-2025 гг.) приоритетом является технологический суверенитет, реформа госкомпаний, инновациии в системе государственного управления и устойчивое развитие[156].

В 2026 году в Китае была утверждена 15-я пятилетняя программа социально-экономического развития (2026–2030 гг.) [157][158], которая задаёт новые ориентиры реформ и позволяет уточнить их направленность на современном этапе. В отличие от

---

[155] Материалы XIX съезда Коммунистической партии Китая. — Москва: Прогресс-Традиция, 2018. — С. 21–27.

[156] Outline of the 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and the Long-Range Objectives Through the Year 2035. — [Электронный ресурс]. — Georgetown: Center for Strategic and International Studies (CSET), 2021. — URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0284_14th_Five_Year_Plan_EN.pdf

[157] Xinhua News Agency. Full Text: China's 15th Five-Year Plan (2026–2030). — 2025.

[158] Предложения ЦК КПК по разработке 15-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития (приняты 4-м пленумом ЦК КПК 20-го созыва 23 октября 2025 г.) // Russian.News.Cn. – 2025. – 29 октября. – URL: https://en.theorychina.org.cn/c/2025-10-29/1534664.shtml

предыдущих планов, акцент в ней смещается с количественных показателей роста к обеспечению его качества, устойчивости и технологической независимости, что отражает переход к более сложной модели развития в условиях нарастающей внутренней и внешней неопределенности.

Ключевым приоритетом становится формирование так называемых «производительных сил нового качества»[159][160], предполагающее опору на научно-технологическое развитие, цифровизацию и ускоренное внедрение инноваций. Данная концепция ориентирована на структурную трансформацию экономики и переход к более высокой добавленной стоимости, что свидетельствует о стремлении Китая занять лидирующие позиции в глобальной технологической конкуренции. Особое внимание уделяется развитию искусственного интеллекта, квантовых технологий и полупроводников[161][162], что напрямую связано с задачей достижения технологического суверенитета в условиях усиливающегося внешнего давления и ограничений на доступ к передовым технологиям.

Важной особенностью новой пятилетки является переориентация экономической модели на внутренний спрос. На фоне сохраняющихся структурных проблем — включая слабое потребление, кризис в секторе недвижимости и рост безработицы среди молодежи[163][164] — государство усиливает внимание к социальной политике, расширению среднего класса и повышению уровня благосостояния населения. Такая политика направлена не только на стимулирование экономического

---

[159] Предложения ЦК КПК по разработке 15-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития (приняты 4-м пленумом ЦК КПК 20-го созыва 23 октября 2025 г.) // Russian.News.Cn. – 2025. – 29 октября. – URL: https://en.theorychina.org.cn/c/2025-10-29/1534664.shtml

[160] Xinhua News Agency. Full Text: China’s 15th Five-Year Plan (2026–2030). — 2025.

[161] Xinhua News Agency. Full Text: China’s 15th Five-Year Plan (2026–2030). — 2025.

[162] Предложения ЦК КПК по разработке 15-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития (приняты 4-м пленумом ЦК КПК 20-го созыва 23 октября 2025 г.) // Russian.News.Cn. – 2025. – 29 октября. – URL: https://en.theorychina.org.cn/c/2025-10-29/1534664.shtml

[163] Там же.

[164] Chinese Academy of Social Sciences (CASS). Annual Report on China’s Governance. — Beijing: CASS, 2024.

роста, но и на поддержание социальной стабильности, которая рассматривается как ключевое условие устойчивого развития.

Одновременно программа отражает изменение внешнеэкономических условий. Усиление торгово-экономического противостояния с США стимулирует курс на «самодостаточность»[165] и укрепление внутренних производственных цепочек, что позволяет рассматривать реформы не только как инструмент модернизации, но и как механизм обеспечения национальной безопасности[166]. В данном контексте экономическая политика всё в большей степени приобретает стратегический и геополитический характер, что сближает задачи экономического развития и обеспечения суверенитета[167].

Дополнительным направлением становится развитие «зелёной» экономики[168][169]. Китай декларирует переход к более жёстким экологическим стандартам, включая установление абсолютных целей по сокращению выбросов и расширение использования возобновляемых источников энергии. Это не только отвечает внутренним экологическим вызовам, но и формирует новые конкурентные преимущества в глобальной экономике, особенно в условиях усиления международного регулирования в сфере климатической политики

Таким образом, 15-я пятилетка фиксирует переход к новому этапу реформ, в рамках которого экономическая эффективность, технологическая независимость и социальная устойчивость рассматриваются как взаимосвязанные элементы единой стратегии развития[170]. При этом важной особенностью является усиление роли

---

[165] Предложения ЦК КПК по разработке 15-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития (приняты 4-м пленумом ЦК КПК 20-го созыва 23 октября 2025 г.) // Russian.News.Cn. – 2025. – 29 октября. – URL: https://en.theorychina.org.cn/c/2025-10-29/1534664.shtml

[166] Development Research Center of the State Council. China’s Economic Reform in the New Era. — Beijing, 2023.

[167] Предложения ЦК КПК по разработке 15-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития (приняты 4-м пленумом ЦК КПК 20-го созыва 23 октября 2025 г.) // Russian.News.Cn. – 2025. – 29 октября. – URL: https://en.theorychina.org.cn/c/2025-10-29/1534664.shtml

[168] Там же.

[169] Xinhua News Agency. Full Text: China’s 15th Five-Year Plan (2026–2030). — 2025.

[170] Chinese Academy of Social Sciences (CASS). Annual Report on China’s Governance. — Beijing: CASS, 2024.

государства в координации этих процессов, что свидетельствует о формировании модели управляемой модернизации.

Это позволяет рассматривать 15-ю пятилетнюю программу не только как экономический документ, но и как инструмент институционального закрепления курса на всестороннее углубление реформ, направленного на адаптацию китайской модели развития к новым глобальным и внутренним вызовам[171].

Значимым направлением также стали реформы в кадровой политике. В рамках выдвинутого Си Цзиньпином курса на «всеобщее руководство партии» стала заметнее зависимость профессионального продвижения от политической лояльности и способности реализовывать стратегические приоритеты центрального руководства[172]. Система отбора и ротации кадров стала более централизованной и ориентированной на отбор «надёжных исполнителей реформ.

На практике это вылилось в значительное усиление роли партийных комитетов в учреждениях, корпорациях и университетах, что позволило обеспечить политическое единство и контроль за внедрением инициатив[173] Параллельно были созданы механизмы поощрения регионов и ведомств, успешно реализующих целевые показатели как часть системы KPI, встроенной в вертикаль государственного и партийного управления и контроля реализации реформ.

Наряду с этим был существенно расширен функционал надзорных и дисциплинарных структур. Центральная комиссия КПК по проверке дисциплины (ЦКПД) и созданная в 2018 году Государственная надзорная комиссия (ГНК) получили полномочия, позволяющие им не только бороться с коррупцией, но и контролировать исполнение решений ЦК КПК[174].

---

[171] Development Research Center of the State Council. China’s Economic Reform in the New Era. — Beijing, 2023.

[172] Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. II. — М.: Изд-во «Прогресс-Традиция», 2018. — С. 93–97.

[173] Brown, K. Xi Jinping: The Governance of China. — Beijing: Foreign Languages Press, 2017. — P. 66–69.

[174] Guo, X. The Politics of Anti-Corruption in China: Who Monitors the Powerful? — Cambridge: Cambridge University Press, 2019. — P. 104–110.

Институциональный механизм всестороннего углубления реформ представляет собой совокупность координируемых партийных и государственных структур, реализующих курс государственных и партийных реформ, направленных на обеспечение устойчивости, управляемости и идеологического единства в реализации стратегического курса Китая.

Центральная комиссия по всестороннему углублению реформ (ЦКВУР), созданная в 2018 году в ходе институциональной реструктуризации, стала основным органом в системе стратегического управления реформами государства и партии. Она заменила прежнюю Центральную группу по всестороннему углублению реформ, действовавшую с 2013 года, и получила огромный мандат на постоянную координацию, надзор, анализ и предложение новых инициатив.

В «Разъяснениях к решению Центрального комитета Коммунистической партии Китая по ряду важнейших вопросов, касающихся всестороннего углубления реформ» [175] Си Цзиньпин подчеркнул, что обязанности и роль правительства заключаются, прежде всего, в поддержании макроэкономической стабильности, укреплении и оптимизации государственных услуг, обеспечении честной конкуренции, усилении надзора за рынком, поддержании рыночного порядка, содействии устойчивому развитию и всеобщему процветанию, а также компенсации провалов рынка, которые не могут быть скорректированы и распределены рынком и требуют государственного макроконтроля[176]. Для достижения баланса между спросом и предложением, а также для обеспечения социальной справедливости необходимо обеспечить здоровое и стабильное функционирование экономического порядка посредством эффективных административных мер. Правильное регулирование отношений между рынком и государством способствует повышению эффективности реформы экономической системы Китая и ускорению национального развития[177].

---

[175] Центральный комитет Коммунистической партии Китая. Решение по ряду важнейших вопросов, касающихся всестороннего углубления реформ. — Пекин: Синьхуа, 2013. — URL: https://www.xinhuanet.com/english/special/cpcplenum2013/focus.htm

[176] Центральный комитет Коммунистической партии Китая. Решение по ряду важнейших вопросов, касающихся всестороннего углубления реформ. — Пекин: Синьхуа, 2013. — URL: https://www.xinhuanet.com/english/special/cpcplenum2013/focus.htm

[177] Си Цзиньпин. «Разъяснения к решению Центрального комитета Коммунистической партии Китая

ЦКВУР функционирует как партийный орган при Центральном Комитете КПК, возглавляемый лично Си Цзиньпином. Эта структура играет двойную роль: с одной стороны, она формирует политическую рамку реформ, а с другой оперативно сопровождает и контролирует реализацию этих реформ. Концентрация полномочий в руках партийного органа позволяет проводить реформы в соответствии с идеологическими установками и исключать инерционность в действиях ведомств и регионов[178].

Комиссия заседает регулярно (как правило, несколько раз в год), а её решения сопровождаются публикацией резолюций, одобренных проектов и поручений органам власти. По имеющимся оценкам, за период 2018–2024 гг. было проведено более 25 заседаний, на которых утверждено свыше 200 инициатив[179]. Тематика охватывает широкий спектр областей. Начиная от социальной политики и цифрового управления до финансовых механизмов, реформ госкомпаний, экологической повестки и модернизации судопроизводства.

Еще одной функцией комиссии является обеспечение межведомственной координации в рамках реализации государственных и партийных реформ. В условиях многоуровневой иерархии власти в Китае эта задача имеет критическое значение. ЦКВУР разрабатывает механизм «сквозного управления», в котором партийное руководство направляет усилия административных органов к согласованной реализации реформ. Это поможет устранить фрагментарность и конкуренцию между ведомствами, которые нередко мешают стратегическим преобразованиям[180].

Показательно, что в публичных заявлениях Си Цзиньпина неоднократно подчеркивалась роль комиссии как «ядра» реформ и гаранта их соответствия общей

по вопросам всестороннего углубления реформ». — Пекин, 2013. — URL: https://www.xinhuanet.com/english/special/cpcplenum2013/focus.htm

[178] Си Цзиньпин. О государственном управлении. В 2 т. Т. 2. — М.: Прогресс-Традиция, 2018. — С. 142–145.

[179] Zhongyang quanmian shenhua gaige weiyuanhui yaodian [Ключевые положения Центральной комиссии по всестороннему углублению реформ] // Синьхуа. — 2024. — URL: https://www.xinhuanet.com/english/special/cpcplenum2013/focus.htm

[180] Mertha A. “Soft Centralization” in China: Coordination, Conflict, and the Role of the Central Leading Small Groups // The China Quarterly. — 2009. — № 200. — P. 987–1008.

линии партии и курсу государственных и партийных преобразований [181] . Следовательно, подход к реформам — это не результат согласования интересов различных акторов, а централизованный управляемый процесс, направленный на обеспечение «великого возрождения китайской нации».

Также важным элементом деятельности ЦКВУР является мониторинг исполнения решений в сфере государственных и партийных реформ. Комиссия следит за внедрением утверждённых реформ в регионах и отраслях, в том числе проеряет периодическую отчётность, а также проводит выездные проверки. Такие меры, по оценкам экспертов, минимизировали свойственный всем предыдущим периодам саботаж и формальный подход к реформам[182].

Центральная комиссия по всестороннему углублению реформ является ключевым институтом, обеспечивающим стратегическое реформирование системы государственного и партийного управления и обладающим необходимой политической поддержкой и административными ресурсами.

Через деятельность комиссии, ориентированную на трансформацию ключевых институтов государства и партии в различных сферах, обеспечивается связка между долгосрочными целями «великого возрождения» и практическими мерами реформирования. Речь идёт не только о стратегических установках, но и об их поэтапной реализации в управленческой практике. В рамках курса на всестороннее углубление реформ особое значение имеет перестройка экономической структуры и дальнейшее развитие рыночных механизмов. Соотношению различных форм собственности и условиям их функционирования уделяется особое внимание, поскольку именно здесь проявляются ограничения и дисбалансы экономической системы.

Регулирование взаимодействия государственной и негосударственной собственности рассматривается как часть более широких институциональных

[181] Brown K. Xi Jinping: The Governance of China. — Beijing: Foreign Languages Press, 2017. — 416 p. — P. 68.
[182] Го С. Политика антикоррупции в Китае: кто контролирует власть? — Кембридж: Изд-во Кембриджского университета, 2019. — 320 с. — С. 151–155.

преобразований, направленных на повышение устойчивости экономики и её управляемости. Негосударственный сектор дополняет государственный, с одной стороны, но и с другой — выполняет компенсирующую функцию, способствуя структурной адаптации экономики. Приоритетными направлениями реформ являются: расширение участия негосударственных акторов, формирование современной корпоративной среды и постепенное снятие сдерживающих развитие частного сектора барьеров. Это способствует объединению интересов владельцев капитала и работников, увеличению налоговых поступлений и подчеркивает роль смешанной собственности в экономике страны[183][184].

В условиях динамично развивающейся рыночной системы способность к быстрой адаптации и стратегическому управлению изменениями становится важным фактором устойчивого развития и процветания Китая в рамках проводимых государственных и партийных реформ. Приоритетной задачей является обеспечение сбалансированного соотношения спроса и предложения на всех уровнях экономической системы, создание справедливых и прозрачных рыночных механизмов, внедрение модели управления негативными списками, упрощение процедур регистрации предприятий, снижение административных барьеров и повышение открытости рынка для различных категорий инвесторов и товаров[185].

Совершенствование системы рыночного надзора, включая модернизацию правовой базы для борьбы с недобросовестной конкуренцией, считается приоритетной задачей институциональных экономических реформ. Необходимо ликвидировать нормативные и практические барьеры для формирования единого рынка и честной конкуренции, а также принять меры по устранению местной защиты

---

[183] Коммунистическая партия Китая. Постановление Третьего пленума XVIII съезда ЦК КПК «О всестороннем углублении реформ» [Электронный ресурс]. — Пекин, 2013. — URL: http://www.china.org.cn/chinese/2014-01/16/content_31209298.htm

[184] Си Цзиньпин. Речь на заседании Центральной комиссии по всестороннему углублению реформ (24 февраля 2015 г.) // Синьхуа [Электронный ресурс]. — URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-02/25/c_1114463472.htm

[185] Центральный комитет Коммунистической партии Китая. Ключевые положения Центрального комитета по всестороннему углублению реформ [Электронный ресурс] // Синьхуа. — 2024. — URL: http://www.news.cn/politics/2024-01/15/c_1124002185.htm

административной монополии. Такие меры обеспечат прозрачное функционирование рыночной системы и создание условий для свободного и равноправного обращения товаров[186][187].

Модернизация рыночной системы обусловливает создание новой открытой экономической модели, которая состоит из либерализации инвестиционного доступа, создания режимов свободной торговли, расширения внешней открытости, интеграции экспортно-импортных операций и консолидации внутренних и международных рынков. Все эти меры направлены на адаптацию экономики к вызовам глобализации в рамках стратегических задач партийно-государственного развития и обеспечение устойчивого развития Китая[188].

Углубление реформы бюджетной и налоговой системы стало важнейшим элементом государственного управления и институциональной модернизации. Для качественного функционирования экономики была необходима современная фискальная и налоговая система, отвечающая требованиям развития страны. В этой связи предполагается совершенствование законодательства, реформирование налоговой системы, уточнение полномочий органов власти, повышение прозрачности бюджетного процесса и стабилизацию налогового бремени. Научно обоснованная фискальная политика позволит объединить усилия центральных и местных органов власти в продвижении реформ[189].

Помимо экономических преобразований, политика всестороннего углубления реформ охватывает и социально-политическую сферу, рассматриваемую как часть реформирования механизмов государственного и партийного управления, где особое внимание уделяется усилению участия народа в управлении страной и реализации

---

[186] Коммунистическая партия Китая. Постановление Третьего пленума XVIII съезда ЦК КПК «О всестороннем углублении реформ» [Электронный ресурс]. — Пекин, 2013. — URL: http://www.china.org.cn/chinese/2014-01/16/content_31209298.htm

[187] Mertha A. China's 'Soft Centralization': Coordination, Conflict, and the Role of the Central Leading Small Groups // The China Quarterly. — 2009. — Vol. 200. — P. 987–1008.

[188] Си Цзиньпин. Полный текст доклада на XIX съезде Коммунистической партии Китая (18 октября 2017 г.) // Сайт газеты «Жэньминь жибао» [Электронный ресурс]. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2017/1027/c31521-9285686.html

[189] Wang H. Fiscal Reform and Economic Development in China // Journal of Chinese Political Economy. — 2021. — Vol. 7, No. 3. — P. 45–66.

принципа «народ — хозяин страны». Именно это направление укрепит легитимность власти и повысит социальную стабильность.

Происходит укрепление роли народа как хозяина страны в рамках институциональных реформ политической системы. Реформы, проводимые в Китае, направлены не только на повышение экономического благосостояния, но и на улучшение качества образования и социальной жизни граждан. Центральным принципом руководства страны является положение о том, что народ является хозяином страны. Концепция «народ превыше всего» реализуется как в экономической, так и в социальной сферах. Си Цзиньпин неоднократно говорил о важности поддержки народа в качестве хозяев страны под руководством партии (Си Цзиньпин, выступления на XIX съезде КПК, 2017)[190].

Большинство населения Китая составляют обычные граждане, и для того, чтобы наделить их статусом хозяев страны, в рамках государственных и партийных реформ необходимо учитывать мнение широких масс и расширять участие населения в управлении государством. Вовлечение граждан, находящихся на низком уровне способно изменить традиционную модель взаимодействия народа с властью, при которой чиновники зачастую предоставляют лишь позитивную информацию. Активное участие граждан в политической жизни способствует реализации их политических прав и защите демократических ценностей в интерпретации китайской политической системы (Постановление Третьего пленума XVIII съезда ЦК КПК, 2013)[191].

В некоторых отдалённых районах Китая доля образованного населения была низкой из-за чего у граждан не было особого интереса к национальной политике, они были довольно отчуждены от политических процессов страны. Чиновники, обладающие властью, способствовали установлению преференциальных режимов,

---

[190] Си Цзиньпин. Полный текст доклада на XIX съезде Коммунистической партии Китая (18 октября 2017 г.) // Сайт газеты «Жэньминь жибао» [Электронный ресурс]. — URL: http://russian.people.com.cn/n3/2017/1027/c31521-9285686.html

[191] О некоторых крупных вопросах углубления всеобъемлющих реформ: Постановление Третьего пленума XVIII съезда ЦК КПК. — Пекин: Центральный комитет КПК, 2013 [Электронный ресурс] // Сайт «China.org.cn». — URL: http://www.china.org.cn/chinese/2014-01/16/content_31209298.htm

которые не помогали решать актуальные проблемы и не доносили нужды населения до государственных структур. Все это ущемляло права и интересы граждан и замедляло национальное развитие в контексте недостаточной эффективности механизмов государственного управления (Исследование Центра социального управления при КПК, 2022)[192].

В связи с вышеописанными проблемами, важной задачей государственных и партийных реформ является увеличение представительства простых граждан во Всекитайском собрании народных представителей, совершенствование системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК, а также развитие механизмов местного самоуправления. Расширение форм демократического участия должно обеспечивать защиту прав граждан, включая доступ к информации, участие в общественной деятельности, выражение мнений и общественный контроль (Доклад Центральной комиссии по реформам, 2024) [193] . Эффективная защита прав и интересов народа — это ключ к подлинной реализации принципа «народ — хозяин страны» и залог устойчивого развития Китая.

Наряду с масштабными экономическими преобразованиями, которые были рассмотрены ранее, в политике всестороннего углубления реформ особое внимание уделяется развитию правового государства и совершенствованию системы социального управления как важнейших направлений государственных и партийных реформ. Комплексный подход к реформам, включающий законодательные инновации и социальные меры, необходим для обеспечения устойчивого развития страны и повышения качества жизни населения[194].

Обеспечение верховенства закона является краеугольным камнем реформы системы государственного управления. Согласно «Решению ЦК КПК по ряду

---

[192] Центральный комитет Коммунистической партии Китая. Доклад Центральной комиссии по реформам [Электронный ресурс]. — 2024. — URL: https://epress.nus.edu.sg/cpcfutures/9789811852060-9.pdf

[193] Zhongyang quanmian shenhua gaige weiyuanhui yaodian [Ключевые положения Центрального комитета по всестороннему углублению реформ]. // Синьхуа, 2024.

[194] Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая «О ряде вопросов всестороннего углубления реформ» // XIII пленум ЦК КПК, 2013 [Электронный ресурс]. — Пекин, 2013. — URL: http://www.china.org.cn/chinese/2014-01/16/content_31209298.htm.

важнейших вопросов всестороннего углубления реформ»[195], трансформация функций правительства основана на управлении в соответствии с законом, что обеспечивает защиту прав граждан и общественных интересов.

Административные органы реализуют законодательные акты, обеспечивают правопорядок и равенство всех перед законом [196] . В выступлениях Си Цзиньпина подчёркивается необходимость укрепления «научного законодательства», справедливого правоприменения и соблюдения права как составляющей партийной стратегии, особенно в контексте «всестороннего управления государством по закону» (речь на Центральной конференции 2020 года и органы политики правового управления)[197198].

Проблемы и отставание в социальной сфере: образование, здравоохранение, жилищные условия и доходы остаются слабыми, несмотря на высокие экономические показатели — ВВП Китая в 2025 году составил $20,01–20,3 трлн (около 140,19 трлн юаней), показав рост на 5% по сравнению с предыдущим годом[199]. Однако такие достижения не всегда находят отражение в сокращении социального неравенства и улучшении качества жизни населения[200].

Одной из причин отставания в социальной сфере является исторический акцент реформ, который был направлен на развитие экономики, при этом социальные и управленческие аспекты долгое время оставались вторичными. Как следствие, в стране присутствует несбалансированное развитие и усиление напряженности между регионами и слоями населения.

---

[195] Там же.
[196] Там же.
[197] Выступления Си Цзиньпина на Центральной конференции по политико-правовым вопросам. Январь 2019 г. // Interpret: China. — URL: https://interpret.csis.org
[198] Xi Jinping Thought on the Rule of Law. Документы Центральной конференции по правовому управлению, ноябрь 2020 года // Министерство юстиции КНР. — URL: https://en.moj.gov.cn
[199] National Bureau of Statistics of China. National Economy Pushed Forward with Innovation-led and High-quality Development and Expected Targets Achieved Successfully in 2025 [Электронный ресурс]. — Beijing, 19 January 2026. — URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202601/t20260119_1962328.html
[200] Financial Times. GDP and inequality data for China 2023. — URL: https://www.ft.com

К инициативе по совершенствованию социальной системы и управлению относится концепция «Пять в одном»: экономика, управление, культура, экология, общество, закреплённая в партийных стратегических документах. Правительство как приоритет выдвинуло создание устойчивой системы обеспечения справедливой социальной политики и социального обеспечения[201].

В выступлениях Си Цзиньпина неоднократно подчёркивается необходимость реформирования системы социального управления, повышения качества государственных услуг и расширения участия населения в решении вопросов на местном уровне — при сохранении партийного контроля над этими процессами. Речь идёт о перераспределении управленческих акцентов в сторону социальной проблематики, включая здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение и систему социальной защиты [202][203] . Это связывается с задачами обеспечения социальной справедливости и поддержки уязвимых групп населения, а также с утверждением принципа «народ превыше всего.

В результате проводимых реформ государственное управление претерпевает изменения: при сохранении ведущей роли партии наблюдается отход от исключительно жёстких форм контроля в сторону более гибкой модели, допускающей ограниченное участие общества в управлении. Такой подход, основанный на контролируемом государством социальном прогрессе и общественном согласии, отражает глубокие внутренние преобразования и адаптацию государственной системы к современным вызовам[204].

Важным элементом развития стало формирование уникальной модели управления, сочетающей партийное руководство и институциональную

---

[201] Концепция «Пять в одном», выдвинутая на XIX съезде КПК, 2017 // Википедия. — URL: https://zh.wikipedia.org

[202] Концепция народоцентризма в речах Си Цзиньпина // Interpret: China [Электронный ресурс]. — URL: https://interpret.csis.org

[203] Xi Jinping Thought on the Rule of Law. Документы Центральной конференции по правовому управлению, ноябрь 2020 года // Министерство юстиции КНР [Электронный ресурс]. — URL: https://en.moj.gov.cn

[204] Коммунистическая партия Китая. Постановление Третьего пленума XVIII съезда ЦК КПК «О всестороннем углублении реформ» [Электронный ресурс]. — Пекин, 2013. — URL: https://www.gov.cn/jrzg/2013-11/15/content_2528179.htm

эффективность. Современная система государственного управления — это процесс оптимизации и структурной модернизации, осуществляемый в рамках партийного контроля, который может значительно повысить качество реализации государственных функций и уровень жизни населения[205][206].

При этом существует реформаторское направление — делегирование полномочий при сохранении централизованного руководства. Внедрение иерархического аудита и административного контроля в государственных органах способствует повышению ответственности и эффективности работы бюрократического аппарата, особенно на региональных и местных уровнях[207]. Такая система позволяет предотвратить ситуацию, когда обязанности и решения «перекладываются» между ведомствами без четкого их исполнения[208].

Частью институциональных реформ партийного контроля также является создание специализированных органов с расширенными полномочиями для повышения исполнительской дисциплины и борьбы с коррупцией в системе государственного управления. Это способствует поддерживанию доверия общества к государственным институтам и укрепляет партийный контроль[209]. Для обеспечения прозрачности и качественного функционирования государство особенно уделяет внимание реформе кадровой системы и точному распределению сфер ответственности между ведомствами[210].

Таким образом, цель углубления реформ государственного управления в Китае — создать устойчивую и адаптивную систему, способную оперативно реагировать на

---

[205] Mertha A. China's 'Soft Centralization': Coordination, Conflict, and the Role of the Central Leading Small Groups // The China Quarterly. — 2009. — Vol. 200. — P. 987–1008.

[206]Си Цзиньпин. Полный текст доклада на XIX съезде Коммунистической партии Китая (18 октября 2017 г.) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.xinhuanet.com/english/special/2017-11/03/c_136725942.htm

[207] Wang H. Fiscal Reform and Economic Development in China // Journal of Chinese Political Economy. — 2021. — Vol. 7, No. 2. — P. 45–60.

[208] Brown K. Xi Jinping: The Governance of China. — Beijing: Foreign Languages Press, 2017. — P. 113–116.

[209] Guo X. The Politics of Anti-Corruption in China: Who Monitors the Powerful? — Cambridge: Cambridge University Press, 2019. — P. 151–155.

[210] Центральный комитет Коммунистической партии Китая. Решение по ряду важнейших вопросов, касающихся всестороннего углубления реформ [Электронный ресурс]. — Пекин: Синьхуа, 2013. — URL: http://www.china.org.cn/chinese/2014-01/16/content_31209298.htm

современные вызовы и поддерживать баланс между централизованным контролем и участием общества в принятии решений.

В контексте углубления реформы государственной системы Китая, ключевым аспектом является трансформация когнитивного подхода государственных служащих. Проблема в том, что некоторые из них уклоняются от исполнения своих должностных обязанностей из-за собственной пассивности и безразличия к общественно значимым вопросам. Данное поведение снижает уровень доверия к правительству со стороны общества и отдаляет его от народа и требует институциональных решений в рамках партийных реформ управления**.**

В связи с этим, есть необходимость изменить общественное восприятие образа государственного служащего. Для достижения этой цели требуется разработать определенные системы и механизмы, направленные на ограничение полномочий государственных служащих в рамках реформ социального управления и внедрение системы общественной оценки их деятельности. Для того, чтобы граждане проявили желание проводить периодическую оценку, необходимо обеспечить конфиденциальность личной информации участников. Таким образом, результаты оценки буду объективными и достоверными. На второй сессии Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва Си Цзиньпин высказал мнение, что «в центре внимания социального управления должны быть городские и сельские общины, ведь когда возможности общественных работ и управления сильны, то и фундамент социального управления становится прочным»[211].

Управление городскими и сельскими сообществами в Китае имеет статус автономии в рамках системы государственного и партийного управления. Успешное развитие сельской автономии играет одну из главных ролей в социальном управлении на национальном уровне, так как большинство населения страны все еще проживает в сельской местности. Поэтому государство, разрабатывая стратегии экономического и социального развития, учитывает потребности и особенности районов

[211] Си Цзиньпин. Выступление на второй сессии Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва, 2015 г. [Электронный ресурс] // Китайская Народная Республика. — 2015. — URL: https://www.kitaichina.com/se/node_83242.htm

национальной автономии, придавая им особое стратегическое значение ради ускорения их развития[212].

В сельском самоуправлении Китая существует ряд проблем, например сложности с организацией управления сельскими делами и участием жителей в коллективном принятии решений. Исследования выявили недостаточную открытость и прозрачность сельского управления в некоторых районах, а также факты принятия решений на собраниях без участия сельского населения, что нарушает принципы автономии и права сельчан.

Все это ослабляет социальное управление и препятствует социальному развитию страны. Поэтому помимо создания механизмов управления при осуществлении сельского самоуправления, необходимо установить и механизмы наказания в рамках реформ системы государственного и партийного контроля, для тех, кто нарушает процедуры избирательного процесса, подрывает демократические принципы и угрожает стабильности выборов[213].

В связи с этим необходимо принять определенные законы и правила, которые бы обеспечили здоровое самоуправление. Немаловажным является разработка и установка механизмов обратной связи для своевременного выявления и решения проблем, возникающих в сфере сельского управления.

Наконец, усиление контроля над членами партии, поддержка дисциплины среди сельских кадров и отраслевых комитетов — все это важные и необходимые государству меры ради расширения и укрепления демократии в сельской местности. Массовый надзор со стороны сельского населения предполагает их непосредственное участие в контроле за деятельностью администрации[214].

---

[212] Центр социального управления при КПК. Исследования и отчеты по сельскому самоуправлению в КНР [Электронный ресурс] // Cyberleninka. — 2022. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-selskogo-mestnogo-samoupravleniya-v-novoy-normalnosti-kitaya-aktivnost-izbirateley-i-vliyanie-nunmingun-na-selskie-vybory

[213] Постановление Центрального комитета Коммунистической партии Китая по всестороннему углублению реформ, 2013 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. — 2024. — URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202407/t20240721_11457436.html

[214] Постановление Центрального комитета Коммунистической партии Китая по всестороннему углублению реформ, 2013 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской

Для обеспечения легитимности и эффективности общественного контроля необходимо сформировать инициативную группу, которая станет представлять интересы жителей села. В целях повышения ответственности и подотчётности органов власти перед населением, необходимо чётко и публично закрепить обязанности группы, а также обеспечить прозрачность в вопросах управления, включая финансовую деятельность.

В докладе 19-го Национального конгресса КПК было предложено укрепить создание системы социального обеспечения в рамках комплексной реформы социального управления. В докладе говорится, что «в соответствии с требованиями установления чистой прибыли, создания плотной сети и создания механизмов мы будем всесторонне строить многоуровневую систему социального обеспечения, которая охватывает все население, координирует городские и сельские районы, имеет четкие права и обязанности и обеспечивает соответствующие и устойчивые гарантии»[215].

Как подчёркивает Си, комплексное совершенствование системы социального обеспечения должно включать в себя модернизацию механизмов социальной помощи, развитие институтов общественного благосостояния и благотворительности, а также создание качественной системы поддержки льготных категорий граждан[216].

Также Генеральный секретарь подчёркивает необходимость уделить особое внимание вопросам по улучшению системы здравоохранения и поддержке детей, женщин и пожилых людей, проживающих в сельской местности, учитывая миграцию трудоспособного населения в города. Кроме того, в докладе отмечается важность совершенствования системы поддержки лиц с ограниченными возможностями и предоставления для них всех необходимых реабилитационных услуг.

Народной Республики. — 2024. — URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202407/t20240721_11457436.html

[215] Доклад 19-го Национального конгресса Коммунистической партии Китая, 2017 г. [Электронный ресурс] // Синьхуа. — 2017. — URL: https://russian.news.cn/19cpcnc/by1.htm

[216] Доклад 19-го Национального конгресса Коммунистической партии Китая, 2017 г. [Электронный ресурс] // Синьхуа. — 2017. — URL: https://russian.news.cn/19cpcnc/by1.htm

Дисбаланс между городскими и сельскими районами представляет собой одно из наиболее серьезных препятствий для экономического прогресса Китая, являясь острым противоречием современной экономической системе страны. Различия между городом и деревней охватывают не только экономический уровень, но и качество среды обитания, доходы населения, доступность образования, медицинского обслуживания и социального обеспечения[217].

Существующий дисбаланс требует особого внимания и неотложного решения со стороны правительства. В текущий период китайское правительство в рамках всестороннего углубления государственных и партийных реформ активно работает над формированием новой системы взаимодействия между городом и сельской местностью. В рамках углубления реформ, государство направляет значительные трудовые и финансовые ресурсы на развитие сельских районов[218].

Период стремительной индустриализации в Китае вызвал обострение экологических проблем, особенно в сельских регионах. Массовое загрязнение воздуха, воды и почвы, нерациональное использование природных ресурсов, а также неэффективная утилизация отходов стали системной угрозой устойчивому развитию.

Одним из наглядных примеров стал феномен «белого загрязнения» — повсеместного распространения пластиковых отходов, особенно в низко урбанизированных районах. Как отмечается в исследовании Министерства экологии и окружающей среды КНР, только в 2022 году объём бытовых пластиковых отходов в сельской местности превысил 6,5 млн тонн, а доля переработки оставалась крайне низкой — около 22 %[219].

Правительство Китая признаёт необходимость комплексных и инновационных подходов к решению экологических проблем как части реформ системы

---

[217] Financial Times. China land sales in smaller cities hit lowest level in a decade [Электронный ресурс]. — 2024. — URL: https://www.ft.com/content/b3e73b22-2497-4eba-a609-54a9b0098be1

[218] Zhongyang quanmian shenhua gaige weiyuanhui yaodian [Ключевые положения Центральной комиссии по всестороннему углублению реформ] [Электронный ресурс] // Синьхуа. — 2024. — URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202407/t20240721_11457413.html

[219] Ministry of Ecology and Environment of the People's Republic of China. China Ecological Environment Bulletin 2022. – Beijing, 2023. – URL: https://english.mee.gov.cn/Resources/Reports/Ecological_Environment/202306/t20230615_1022922.shtml

государственного управления на местном уровне, особенно на фоне неравномерного развития между городом и деревней. Так, в рамках реализации национальной программы «Красивая деревня», впервые представленной в Докладе XIX съезда КПК, с 2018 года стала внедряться политика создания «экологических деревень» с акцентом на санитарную инфраструктуру, зелёные зоны и агроэкологическое производство[220].

Одним из приоритетов стало строительство и модернизация пунктов сбора и переработки отходов в каждом административном уезде и сельском округе. По данным Государственного комитета по развитию и реформам, к 2023 году более 90 % сельских поселений в приоритетных провинциях были охвачены системой раздельного сбора мусора, а численность санитарных работников в деревнях увеличилась на 30 % по сравнению с 2015 годом[221].

Кроме того, правительство активно поддерживает создание демонстрационных агроэкологических зон, где сельскохозяйственное производство сочетается с мерами по восстановлению почв и водных ресурсов. Например, в провинции Чжэцзян успешно реализуется проект «Зелёное сельское хозяйство», включающий биологические методы борьбы с вредителями, использование органических удобрений и восстановление биоразнообразия[222].

Таким образом, экологические реформы в Китае, особенно в сельской местности, осуществляются в рамках всестороннего углубления государственных и партийных реформ, в контексте более широкой стратегии устойчивого развития. Они опираются как на законодательные механизмы, так и на институциональные преобразования, включающие участие граждан, цифровизацию мониторинга и расширение экологического просвещения среди населения.

Система здравоохранения Китая, несмотря на выполнение своей основной функции по охране здоровья населения, сталкивается с рядом серьёзных проблем, что

---

[220] Си Цзиньпин. Доклад XIX съезду Коммунистической партии Китая // Жэньминь жибао. – 2017. – 18 октября. – URL: https://www.gov.cn/zhuanti/19da/index.htm

[221] National Development and Reform Commission (NDRC) of the People's Republic of China. Annual Report on Rural Infrastructure Development. – Beijing, 2024. – URL: https://en.ndrc.gov.cn/

[222] FAO China. Promoting Agroecological Models in Zhejiang Province. – 2023. – URL: https://www.fao.org/china/news/detail-events/en/c/1628970/

обусловило включение здравоохранения в повестку всестороннего углубления реформ государственного управления. В стране все еще нет единой модели развития здравоохранения, что привело к существенным различиям в уровне медицинского обслуживания между городскими и сельскими районами. В частности, наблюдаются различия в охвате и качестве базовых программ медицинского страхования для городских служащих (Urban Employee Basic Medical Insurance, UEBMI), городских жителей (Urban Resident Basic Medical Insurance, URBMI) и сельских районов (New Rural Cooperative Medical Scheme, NRCMS)[223].

Экономическое неравенство между развитыми и бедными регионами обусловило неравномерное распределение медицинских ресурсов, в том числе оборудования и квалифицированного персонала. По оценкам Национальной комиссии здравоохранения КНР: в 2021 году в городских районах приходилось вдвое больше врачей на 10 000 человек населения, чем в сельских[224]. Современная медицинская инфраструктура сосредоточена преимущественно в мегаполисах Восточного Китая, что затрудняет доступ к получению качественной помощи для сельского населения.

Кроме того, уровень квалификации медицинского персонала в отдалённых и бедных районах часто не соответствует актуальным стандартам клинической практики. Повышение численности врачей, модернизация сельских клиник и стимулирование молодых специалистов к работе в отдалённых районах стали приоритетами новой волны институциональных реформ, объявленной на заседании Госсовета в 2022 г.[225]. Для устойчивого развития здравоохранения в Китае необходимо устранить структурные диспропорции, инвестировать в инфраструктуру и внедрять интегрированные модели управления здравоохранением с учётом демографических и экономических реалий страны.

---

[223] Yip, W., Hsiao, W. The Chinese health system at a crossroads // Health Affairs. — 2008. — Vol. 27, No. 2. — P. 460–468.
[224] Национальное бюро статистики Китая. Годовой статистический отчёт Китая 2022 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2022/indexeh.htm
[225] Xinhua News Agency. China to improve rural healthcare system // Xinhua, 2022. — URL: https://english.news.cn/20220110/38b02fc2c273486c92aa31db8e5e9b55/c.html

Одним из направлений всестороннего углубления реформ в Китае выступает устранение структурных диспропорций в сфере социального обеспечения, включая не только здравоохранение, но и систему образования как ключевой элемент государственной социальной политики.

Проблемы, аналогичные здравоохранению, характерны и для сферы образования. В рамках концепции социальной модернизации особое внимание уделяется снижению образовательного неравенства между городом и деревней. Хотя в начале XXI века был провозглашён курс на интеграцию образовательных систем и обеспечение равных возможностей получения качественного образования вне зависимости от места проживания, на практике сохраняется институциональное и содержательное расслоение[226]. В частности, сельские школы испытывают острый дефицит квалифицированных кадров и ограничены в ресурсах, необходимых для полноценной реализации учебного плана. Преподавание в них зачастую сводится к базовым дисциплинам, тогда как предметы эстетического, физического и гуманитарного циклов остаются вне фокуса образовательной практики, что нарушает идеологическую установку на всестороннее развитие личности («дэ чжи ти мэй лао»)[227].

Местные органы управления образованием, руководствуясь принципами экономической эффективности, не проявляют должного интереса к развитию сельских школ, что усугубляет кадровый кризис. Остро стоит проблема недостатка молодых и узкоспециализированных педагогов, а также низкой цифровой и методической компетенции старшего поколения учителей. Это приводит к снижению престижа профессии в сельской местности и препятствует реализации задач, поставленных в рамках программы возрождения сельских территорий. Для преодоления этих проблем в рамках реформ государственного управления образованием в государственном управлении образованием делается акцент на

[226] Шестаков А. В. Реформа системы образования КНР в условиях «новой эры» // Азия и Африка сегодня. — 2022. — № 5. — С. 43–49.
[227] Козлова А. А. Роль образования в реализации стратегии «Сельского возрождения» в КНР // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2022. — Вып. 27. — С. 132–135.

институционализацию механизмов стимулирования и социальной поддержки сельских педагогов, что должно обеспечить устойчивость кадрового состава и постепенное повышение качества образования в аграрных регионах[228].

Вектор реформы в сфере образования и медицины отражает стратегию сбалансированного и инклюзивного развития, реализуемую в рамках курса на всестороннее углубление реформ, при сохранении китайской специфики.

Современные тенденции в системе государственного управления КНР отражают стратегическую направленность на институциональное развитие, устойчивое социально-экономическое планирование и структурную модернизацию аграрных регионов. Основным вектором стала политика «всестороннего углубления реформ», запущенная с 2013 года по инициативе Си Цзиньпина. Её центральной задачей провозглашено «дальнейшее освобождение и развитие производительных сил, а также активизация социальной и управленческой инициативы»[229].

Переосмысление функций государства происходило в логике реформ партийно-государственного управления, которая ориентирована не только на вертикальное администрирование, но и на горизонтальное вовлечение местных сообществ, специалистов и негосударственных структур. Это особенно важно в аграрных районах, где централизованные решения не всегда отвечают локальным социально-экономическим условиям.

Как отмечается в материалах Третьего пленума ЦК КПК XVIII созыва, прошедшего в 2013 году, реформы должны «опираться на институциональные механизмы, обеспечивающие долгосрочную устойчивость, эффективность и общественный контроль»[230]. В КНР это выразилось в создании новых форматов работы сельских администраций, росте роли сельских кооперативов и усилении программ целевой поддержки, включая кадры.

---

[228] Козлова А. А. Роль образования в реализации стратегии «Сельского возрождения» в КНР // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2022. — Вып. 27. — С. 135–140.
[229] Си Цзиньпин. О государственном управлении. В 3 т. Т. 2. — Москва: Прогресс-Традиция, 2020. — 620 с. — С. 135–140.
[230] Коммюнике третьего пленума ЦК КПК XVIII созыва от 12 ноября 2013 г. // China.org.cn. — URL: http://www.china.org.cn/chinese/2013-11/12/content_30626805.htm

Так, в сфере образования упор идет на стабилизацию кадрового состава путём институционализации систем мотивации и социальной поддержки сельских учителей. В частности, в ряде провинций приняты региональные подпрограммы обеспечения жильём, повышения квалификации и социальных льгот[231]. Эти меры должны обеспечить привлекательность работы в отдалённых регионах и способствовать выравниванию качества образовательных услуг между урбанизированными и сельскими территориями.

Подобные меры увязываются с логикой диалектического подхода, свойственного китайской управленческой мысли. Стратегия Си Цзиньпина состоит в поиске баланса между стабильностью и реформами: «Нельзя идти вперёд без устойчивости, но нельзя и оставаться в застое, боясь изменений»[232]. Именно поэтому практический курс реформ в КНР осуществляется по принципу «перехода реки, нащупывая камни» — метафоре осторожного, поэтапного движения.

Кроме того, в Китае реформы в аграрной сфере сопровождаются активным включением гражданского общества: проектная деятельность местных сообществ, вовлечение негосударственных организаций в сферу образования, медицины, сельскохозяйственного консультирования [233] . Вследствие вовлечения граждан в государственное управление КНР, в рамках управляемых институциональных реформ, в большей степени проявляется характер совместного управления (*co-governance*), опирающегося на синергию вертикальных институтов и горизонтальных инициатив.

Таким образом, процессы трансформации государственного управления в аграрных регионах характеризуются институционализацией, направленной на повышение устойчивости и эффективности систем образования, занятости и социальной инфраструктуры. Как показывает опыт КНР, устойчивое развитие таких

---

[231] Там же.
[232] Xi Jinping. The Governance of China. Vol. 2. — Beijing: Foreign Languages Press, 2017. — 619 p. — P. 88–91.
[233] Brookings Institution. Cai Fang. The Great Migration: How China's Rural-Urban Migration is Reshaping the Economy. — Washington, DC: Brookings Press, 2018. — 312 p. — P. 87-93.

территорий требует выстроенной и согласованной системы стимулов, гибкой трансформации функций органов власти и привлечения всех уровней общества к управленческому процессу. Эти принципы могут быть частично адаптированы и в российской практике модернизации аграрного сектора при условии учёта специфики регионального развития.

Подводя итоги, можно сказать, что всестороннее углубление реформ под руководством Си Цзиньпина представляет собой системную модель модернизации государственного и партийного управления, охватывающую экономические, социальные, правовые и политические сферы. Основанная на марксистской идеологии, конфуцианских принципах и прагматизме Дэн Сяопина, она направлена на укрепление партийного контроля, совершенствование государственного управления и достижение «Китайской мечты» о национальном возрождении. Реформы, начатые с 2013 года, включают институционализацию власти, развитие рыночной экономики при сохранении макроуправления, усиление социальной справедливости и экологической устойчивости, а также повышение роли народа в управлении. Центральная комиссия по всестороннему углублению реформ координирует и мониторит, гарантируя идеологическое единство и качество преобразований, в следствие чего Китаю легче адаптироваться к глобальным вызовам, сохраняя при этом политическую стабильность и национальную идентичность.

Выводы по параграфу 1.2

Политика «всестороннего углубления реформ», закреплённая в решениях Третьего пленума XVIII созыва ЦК КПК (2013), представляет собой комплексную стратегию модернизации, ориентированную на обновление институтов государственного и партийного управления и повышение эффективности партийно-государственной системы. В отличие от более ранних этапов реформ, курс эпохи Си Цзиньпина сочетает расширение управленческих и рыночных инструментов с усилением централизации и партийного контроля, что отражает приоритет политической устойчивости и находит дальнейшее развитие в установках 15-й

пятилетней программы[234], где акцент делается на сочетании рыночных механизмов с усилением координирующей роли государства, включая нарастающую геополитическую напряжённость, что отражает учёт новых условий развития, включая нарастающую геополитическую напряжённость, технологические ограничения и усложнение глобальной экономической среды, что усиливает значение управляемости и стратегической автономии.

Цели реформ увязаны с задачами долгосрочного развития и проектом национального возрождения, в рамках которого особое значение придаётся достижению технологического суверенитета и развитию «производительных сил нового качества» [235] . Благодаря этому реформаторская повестка приобретает выраженное политико-идеологическое измерение и служит основой легитимации усиливающейся роли партии в управлении государством, а также всё более тесно увязывается с задачами обеспечения национальной безопасности, включая экономическую, технологическую и социальную её составляющие. Реализация реформ обеспечивается институционализацией механизмов координации и надзора, развитием плановых инструментов (пятилетние планы, «дорожные карты»), реформированием кадровой политики и расширением функций дисциплинарно-надзорных структур в рамках единой управленческой вертикали, что обеспечивает более жёсткую связку между стратегическим планированием и практической реализацией реформ на всех уровнях управления.

При этом в структуре реализации реформ чётко прослеживается разграничение уровней: партийный уровень обеспечивает стратегическое руководство, идеологическое сопровождение и контроль исполнения, тогда как государственный уровень отвечает за институционализацию реформ, их нормативно-правовое оформление и практическую реализацию в административной системе.

Таким образом, «всестороннее углубление реформ» выступает не только экономической программой, но и ключевым механизмом трансформации модели государственного и партийного управления, направленным на укрепление партийного

---

[234] Xinhua News Agency. Full Text: China’s 15th Five-Year Plan (2026–2030). — 2025.
[235] Xi Jinping. The Governance of China. Vol. 1. — Beijing: Foreign Languages Press, 2014. — P. 83.

руководства, обеспечивающим согласование стратегических целей с административными ресурсами и контроль их исполнения. В современных условиях данная модель всё в большей степени ориентирована на обеспечение устойчивости развития за счёт внутреннего потенциала, что отражает переход к более автономной и менее зависимой от внешних факторов модели экономического роста[236].

1.3 Антикоррупционная кампания как инструмент внутрипартийной консолидации и политической мобилизации

На XIV Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая Цзян Цзэминь отметил, что борьба с коррупцией и содействие честности являются запросом общества. Он подчеркнул, что Китай находится на начальной стадии социализма, уровень развития страны требует радикальных мер, однако в обществе сохраняются пережитки феодализма и других эксплуататорских классов, стремящихся к личной выгоде. Проводимые реформы и открытость миру, наряду с позитивными достижениями, привнесли и негативные элементы капиталистического общества, что создает трудности в построении социалистической рыночной экономики с китайской спецификой. Сложный процесс трансформации общества, сопровождаемый беспрецедентными проблемами и незавершенность некоторых реформ, создали благоприятную почву для развития коррупции. В связи с этим, партия должна настойчиво и последовательно предотвращать её возникновение в процессе институционального и кадрового обновления партийно-государственной системы[237]. Исторические, культурные, социальные и политические особенности Китая обусловили системный характер коррупционных рисков, что сделало их неотъемлемым вызовом в ходе социалистической модернизации[238]. В современных условиях данные риски приобретают дополнительную значимость в контексте курса

[236] Development Research Center of the State Council. China’s Economic Reform in the New Era. — Beijing, 2023.
[237] Ли Бокай. Взгляды на чистое правительство трёх поколений партийных лидеров // Журнал Лоянского педагогического университета. — 2007. — № 1. — С. 4–5.
[238] Chinese Academy of Social Sciences (CASS). Annual Report on China’s Governance. — Beijing: CASS, 2024.

на технологическую автономию и повышение качества экономического роста, закреплённого в 15-й пятилетней программе, где эффективность государственного управления напрямую связывается с уровнем антикоррупционной дисциплины[239].

В КНР бытует мнение что, устроившись работать в одну из государственных структур, можно заметно улучшить свое материальное положение. Подобные установки формируют искаженную мотивацию государственной службы, при которой личная выгода начинает доминировать над общественными интересами. Такие люди не думают об общественном благе и не стремятся развивать страну. Если у политика в самом начале его карьеры отсутствуют чистые мотивы, значит государственная служба будет восприниматься им лишь как способ достижения личного комфорта. Следовательно, коррупционные явления будут неизбежны, поскольку личные интересы ставятся выше общественных.

Как показано на рисунке 1[240], к 2023 году среднесуточное рабочее время на частных предприятиях в Китае выросло до 9,8 часов, не включая обед и время пути до рабочего места. Данный феномен иллюстрирует контраст между рыночной дисциплиной частного сектора и мотивационными искажениям в системе государственной службы, что усиливает общественный запрос на справедливость, контроль и подотчётность власти, формируя тем самым социальную базу легитимации антикоррупционной политики как инструмента не только контроля, но и поддержания доверия к государственным институтам[241].

В условиях высокой конкуренции на рынке труда, получило свое развитие отсутствие выходных дней у работников в субботу и воскресенье. Внутрикорпоративная культура многих частных компаний в Китае характеризуется негласным соревнованием под лозунгом «кто уйдет позже». Сотрудники, покидающие

---

[239] 中华人民共和国国民经济和社会发展第十五个五年规划纲要（2026—2030 年） // 中华人民共和国国务院. URL: https://www.gov.cn/

[240] Национальная экономика продолжает восстанавливаться и восстанавливаться в апреле [Электронный ресурс] // Национальное бюро статистики Китая. – 16.05.2023. – URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202305/t20230516_1939486.html

[241] Chinese Academy of Social Sciences (CASS). Annual Report on China’s Governance. — Beijing: CASS, 2024.

рабочее место в установленное время, воспринимаются руководством как недостаточно вовлеченные в рабочий процесс — это увеличивает риск увольнения.

Ужесточение условий на рынке труда, особенно в постпандемийный период, усиливает стремление работников демонстрировать лояльность и высокую трудоспособность как способ сохранить занятость. Подобные практики становятся всё более распространёнными и оказывают влияние на социальные ожидания, в том числе в отношении справедливости и ответственности власти. В этих условиях возрастает общественный запрос на институционализированные меры противодействия коррупции. Вместе с тем усиление репрессивных механизмов без параллельного развития правовых гарантий может порождать риски избыточной административной нагрузки и снижения инициативности управленческих кадров[242].

В Китае, исторически прошедшем длительный период феодального развития, подобные представления сохраняли заметное влияние на общественно-политическую жизнь. Несмотря на приход марксизма с революцией 1911 года, феодальная мысль, хоть и отступила на некоторый период все же демонстрирует свое возвращение, возобновляя такие декадентские идеи, как чиновничество, патриархальная иерархия и самодержавные идеи. Эти идеи по-прежнему пронизывают многие уголки общественно-политической жизни Китая, что является одним из важных субъективных факторов, порождающих коррупцию. Представления о том, что «отличная учеба ведет к государственной службе» и «процветание приходит с успехом», серьезно исказили жизненные ориентиры, противоречащие принципам партийной дисциплины и социалистической этики, что и обусловило необходимость институционального антикоррупционного курса. В современной политике КПК данные факторы интерпретируются как требующие не только идеологической коррекции, но и институционального ограничения через механизмы дисциплинарного и цифрового контроля[243].

---

[242] Li Wei. Anti-Corruption Governance and Political Discipline in China under Xi Jinping // Social Sciences in China. — 2023. — Vol. 44, No. 2. — P. 45–62.

[243] Central Commission for Discipline Inspection (CCDI). Annual Report on Anti-Corruption Work. — Beijing, 2023.



Рисунок 1 — Рабочее время на частных предприятиях Китая

Моралисты считают, что коррупция возникает из-за преданности семье и друзьям, которая превосходит лояльность к государству и нации. Это обусловлено влиянием семейных ценностей, которые полностью соответствует феодально-патриархальной идеологии Китая. Многие китайцы выбирают должность чиновника не только как кратчайший путь к богатству, но и как единственный способ почтить память предков, сделав свое имя известным в обществе. Более того, общественное мнение очень часто одобряет кумовское поведение, поскольку одобрение в обществе для китайца является эталоном. И, если чиновник придерживается закона, кодекса поведения, основанного на принципах праведности, приличия и мудрости, его семья может критиковать его и говорить, что он недобрый, несправедливый и не признает родственные связи [244]. Именно данные ценностные установки рассматриваются руководством КПК как социально-культурный фактор, требующий институционального и идеологического регулирования в рамках государственных и партийных реформ.

После реформ и политики открытости, Китай представил выдающиеся достижения западной цивилизации и в страну проникло много декадентских

[244] Горюнов В. Е. Формирование понимания сущности коррупции и ее проявлений // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — Т. 5, № 3. — С. 40–49.

западных капиталистических идей и культур, таких как гедонизм, поклонение деньгам, крайний индивидуализм и праздный образ жизни. Эти идеи серьезно подорвали моральные устои некоторых слабовольных чиновников в партийных и правительственных органах Китая. Чиновники, утрачивая свою честность и моральные нормы, не смогли противостоять искушениям: деньги, женщины и прочие материальные блага. В результате их убеждения пошатнулись, ценности исказились, а сами они вступили на путь коррупции, наносящий ущерб интересам страны и народа[245]. В официальном дискурсе КПК подобные процессы рассматриваются как следствие недостаточного идеологического и дисциплинарного контроля, что и послужило основанием для усиления антикоррупционных механизмов в период правления Си Цзиньпина.

В результате децентрализации местных органов власти, ранее высокоцентрализованная и унифицированная административная система претерпела существенную фрагментацию и привела к значительному расширению полномочий отдельных ведомств и департаментов. Однако, возникший дефицит процедурных норм и механизма контроля, поспособствовал развитию произвола со стороны правоохранительных органов и распространению скрытых неформальных практик. Данные структурные дисбалансы были осознаны центральным руководством как институциональный источник коррупции, требующий восстановления вертикали партийного контроля и перераспределения управленческих полномочий, что в дальнейшем реализовалось в институциональных реформах периода Си Цзиньпина, направленных на усиление координации между центральным и региональным уровнями управления[246].

Конкурентоспособность необходима для развития рынка страны. По мере перехода от начальной стадии к развитой, рыночные операции становятся все более рискованными и спекулятивными. В результате участники могут как мгновенно

[245] Машков В. Д. Китайский опыт управления экономикой // Вестник экономики, права и социологии. — 2024. — № 3. — С. 277–281.

[246] Zhang Ming. Institutionalization of Supervision in Contemporary China // Chinese Political Science Review. — 2022. — Vol. 7, No. 3. — P. 389–405.

обогатиться, так и потерять все свои активы. Некоторые госслужащие используют свои связи для создания неравных условий на рынке в свою пользу, вместо того чтобы достигать экономического успеха или зарабатывать состояние честным путем[247]. Например, привилегированный доступ к рынку, установление непропорциональных правил или получение особых льгот от государства. Как следствие, другие участники рынка остаются ни с чем.

В рамках политики всестороннего углубления реформ такие практики рассматриваются как подрыв справедливого экономического порядка и предмет усиленного надзора со стороны партийных и контрольных органов. В долгосрочной перспективе данные меры направлены на формирование более предсказуемой и регулируемой экономической среды, необходимой для реализации инновационной модели развития[248].

Негативные последствия подобной рыночной экономики являются объективным фактором воздействия на сознание общества, приводя к поклонению деньгам и спекулятивной психологии. В результате, вместо того чтобы стремиться к созданию ценностей и инноваций, люди сосредотачиваются на краткосрочных выгодах и спекулятивных операциях, создавая нестабильность и кризисы в экономике[249][250]. С точки зрения партийного руководства, такие процессы усиливают необходимость морально-идеологического регулирования и дисциплинарного контроля в системе государственного управления.

Демократический централизм, являющийся традиционной моделью принятия решений в Китае, не функционирует должным образом. Поэтому происходит

---

[247] Капустин Н. А., Капустин А. А. Цифровой шелковый путь как инструмент повышения отраслевой конкурентоспособности Китая // Вопросы инновационной экономики. — 2023. — Т. 13. — № 2. — С. 1053–1070.

[248] Development Research Center of the State Council. China’s Economic Reform in the New Era. — Beijing, 2023.

[249] Трощинский П. Борьба с коррупцией в Китае при Си Цзиньпине // Мировая экономика и международные отношения. — 2023. — Т. 67, № 12. — С. 49–59. — Режим доступа: https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2023/12-t-67/china-domestic-and-foreign-policies/fighting-corruption-in-china-under-xi-jinping

[250] Li Wei. Anti-Corruption Governance and Political Discipline in China under Xi Jinping // Social Sciences in China. — 2023. — Vol. 44, No. 2. — P. 45–62.

ослабление и дезорганизация низовых структур, неэффективность кадров и отсутствие организационных механизмов для борьбы с коррупцией. Решения принимаются не коллективно, а узким кругом лиц или высшим руководством. Возникает парадокс: «демократия наверху, а централизация внизу, хотя должно быть наоборот». В период правления Си Цзиньпина подопбные дисфункции были обозначены как институциональная проблема, требующая реформирования системы партийного контроля и кадровой ответственности. При этом сохраняется риск чрезмерной централизации принятия решений, способной ограничивать обратную связь и адаптивность управленческой системы[251].

Приоритет отдается местным интересам, свободе и децентрализации, что ставит интересы отдельных лиц, подразделений и населенных пунктов выше общих. Несмотря на усилия правительства по расследованию и борьбе с коррупцией, крупные местные коррупционные дела остаются без должного внимания. Изменения в китайских правительственных органах способствовали моральному разложению некоторых местных членов партии и кадров и распространили коррупцию[252]. Именно это обстоятельство стало одним из обоснований централизации антикоррупционной политики и расширения полномочий надзорных органов.

Механизм внешнего надзора, несмотря на свою важность, обладает существенными недостатками. Одним из наиболее заметных изъянов является отсутствие должной защиты прав субъектов надзора. В соответствии с Конституцией КНР, Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) — это орган, через который народ доносит свою идеи до государственной власти. ВСНП наделено полномочиями по избранию и смещению членов Постоянного комитета ВСНП. Все национальные, административные, судебные, прокурорские и иные полномочия находятся под его контролем. Однако, председатели постоянных комитетов местных собраний народных представителей обязаны следовать указаниям партийных

[251] Zhang Ming. Institutionalization of Supervision in Contemporary China // Chinese Political Science Review. — 2022. — Vol. 7, No. 3. — P. 389–405.
[252] Лифанова М. В. Китайская модель борьбы с коррупцией // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 6. — С. 166–168.

комитетов того же уровня в соответствии с центральными постановлениями. В результате, после принятия Постоянным комитетом ВСНП правительственных решений, для Всекитайского собрания народных представителей довольно затруднительно реализовывать свои контрольные функции в полной мере [253].

К примеру, обращения граждан, содержащие информацию о злоупотреблениях, проходят через несколько инстанций, прежде чем попасть к адресату, в отношении которого выдвинуты обвинения. Несовершенство механизмов обеспечения конфиденциальности приводит к тому, что граждане опасаются открыто заявлять о фактах коррупции, в то время как недостаточная административная прозрачность затрудняет эффективное осуществление народного контроля[254]. Данные ограничения традиционных форм общественного надзора были впоследствии обозначены руководством КПК как фактор, снижающий эффективность антикоррупционной политики и усиливающий зависимость антикоррупционных механизмов от внутрипартийных инструментов контроля[255].

Отсутствие правовых гарантий независимости и свободы слова не позволяют СМИ в полной мере выполнять функцию независимого наблюдателя и контролера. В результате, вместо критического анализа и объективного освещения действий и решений властей, СМИ в Китае, как правило, выполняют роль официальных рупоров правительства, не способствуя надлежащему осуществлению надзорной и контрольной функции. В этих условиях ключевая роль в выявлении и пресечении коррупции была возложена не на внешние институты контроля, а на внутрипартийные дисциплинарные и надзорные структуры[256].

Механизм надзора должен быть основан на прочном законодательном и нормативном уровнях. В последние годы на всех уровнях власти — от центрального

---

[253] Иващенко Т. В. Антикоррупционная политика Китая в период полномочий председателя Си Цзиньпина: основные направления и динамика // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. — 2020. — № 10. — С. 175–181.

[254] Юсин Х. Становление и развитие китайского уголовного законодательства // Вопросы российского и международного права. — 2022. — Т. 12. — № 3. — С. 121–128.

[255] Zhang Ming. Institutionalization of Supervision in Contemporary China // Chinese Political Science Review. — 2022. — Vol. 7, No. 3. — P. 389–405.

[256] Central Commission for Discipline Inspection (CCDI). Annual Report on Anti-Corruption Work. — Beijing, 2023.

правительства до местных органов — было разработано множество политических установок и правил, касающихся надзора. При этом на практике их реализация сталкивается с рядом проблем: отставание и отсутствие унификации нормативной базы, абстрактный характер некоторых конкретных институциональных правил, гибкость стандартов их применения, неопределенность относительно самих законов и нормативных актов, неоднозначность функций надзора. Наличие указанных проблем во многом объясняет курс на институциональную централизацию антикоррупционной политики в период правления Си Цзиньпина.

Профессор Хитоми Такемура отмечает, что само по себе наращивание правовых норм может носить формальный характер, если государственная власть не обладает достаточными ресурсами, её установки остаются неопределёнными, а приоритеты смещаются в сторону извлечения выгод [257] . Иными словами, это указывает на необходимость усиления идейно-нравственной подготовки управленческих кадров и формирования устойчивого антикоррупционного механизма, ориентированного на предупреждение коррупции, что также соответствует подходу КПК, сочетающему правовое регулирование и идеологическое воздействие.

В экспертных оценках и официальной риторике антикоррупционная политика также связывается с развитием образовательных и информационных практик, направленных на формирование устойчивого неприятия коррупции и укрепление дисциплины среди партийных кадров.

Си Цзиньпин, в свою очередь, акцентирует внимание на практических мерах, предлагая конкретные направления упорядочения рыночной среды. Он считает, что улучшение рыночного порядка – это неизбежное требование для развития социалистической рыночной экономики. В данном контексте антикоррупционная политика рассматривается как элемент обеспечения справедливых и прозрачных условий функционирования рынка.

---

[257] Кравчук Н. В. Современные вопросы права прав человека: Европа и Азия // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. — 2019. — № 1. — С. 194–198.

Антикоррупционная кампания, начатая с приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 году, стала не только механизмом очищения государственного и партийного аппарата от злоупотреблений, но и инструментом консолидации власти и партийной мобилизации. В отличие от прежних локальных и краткосрочных антикоррупционных инициатив, новый курс носил системный и долговременный характер, охватывая не только чиновников среднего звена, но и представителей высшего эшелона власти, так называемых «тигров» (lǎohǔ), в отличие от «мух» (cāngying), низового управленческого звена[258].

Кампания имела широкий резонанс в обществе, ведь она совпала с массовым общественным запросом на справедливость и подотчетность власти. Она сопровождалась активной информационной поддержкой со стороны партийных СМИ, публикацией данных о расследованиях и приговорах, что создавало атмосферу «наказания неизбежного» и усиливало эффект мобилизации.

На первом этапе (2012-2015 гг.) были проведены расследования против высокопоставленных чиновников, включая Чжоу Юнкана – бывшего члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, а также других фигур, таких как Лин Цзихуа, Го Босюн и Сун Чжэнцай[259]. Это показало, что ни один чиновник не застрахован от ответственности, независимо от его положения, и обозначило принцип неотвратимости наказания как один из институциональных ориентиров новой модели партийного управления.

Антикоррупционная риторика Си Цзиньпина опиралась на моральную легитимацию партии, а не только на юридические нормы. Она активно использовала традиционные китайские ценности, в том числе конфуцианские представления о честности (lián) и служении народу. В речах Си подчёркивалась необходимость восстановления доверия к партии через «внутреннее очищение», что позволило

[258] Си Цзиньпин. О государственном управлении. – М.: Прогресс-Традиция, 2018. — Т. 2. — С. 125–130.
[259] Ху Аньган. Китайская модель: политическая меритократия и экономическая мобилизация. – М.: URSS, 2019. — 288 с. — С. 115–120.

увязать антикоррупционную кампанию с более широкой программой партийных и государственных реформ[260].

В политологической литературе подчеркивается, что кампания носила не только карательный, но и дисциплинарный характер, формируя новые нормы поведения партийных кадров. Согласно Мао Чжэньхуа, борьба с коррупцией была «формой морального и политического перевоспитания партийной элиты, закрепляющей доминирующую роль партийной линии Си Цзиньпина» [261] . В этом смысле антикоррупционная политика выступала элементом институционального реформирования партийного корпуса.

Дополнительно, антикоррупционная кампания усилила централизованный контроль, передав функции дисциплинарного надзора новому надпартийному органу, а именно Государственному наблюдательному комитету (ГНК), учреждённому в 2018 году в результате слияния Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины (ЦКППД) с антикоррупционными структурами Государственного совета. Данное институциональное преобразование стало частью реформы системы надзора, укрепило вертикаль партийной власти и позволило вывести контроль за чиновниками на новый институциональный уровень[262].

Во многих западных исследованиях кампания представляется как способ устранения политических конкурентов. Например, Кристофер Джонсон (CSIS) пишет: «Борьба с коррупцией стала механизмом стратегического перераспределения власти в пользу центрального аппарата, при этом не нарушая формальной структуры партийного управления» [263] . Такие высказывания подразумевают, что антикоррупционные реформы, сочетающие институциональные и политические цели, могут иметь двойственный характер.

---

[260] Кутырёв В. А. Политика и мораль в Китае: борьба с коррупцией как фактор консолидации общества // Полис. Политические исследования. — 2019. — № 2. — С. 102–113.

[261] Шестаков Д. А. Политико-правовые аспекты антикоррупционной политики Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2020. — Т. 11, № 1. — С. 87–105.

[262] Стрелков А. Н. Антикоррупционная политика Китая: стратегия, институты, механизмы // Восток (Oriens). — 2021. — № 3. — С. 17–28.

[263] Pei M. China’s Crony Capitalism: The Dynamics of Regime Decay. — Harvard University Press, 2016. — 336 p. — P. 123.

Антикоррупционная политика также способствовала укреплению идеологической дисциплины. В рамках борьбы с коррупцией, наряду с репрессивными, встраивались воспитательные меры, например, «образовательные кампании», где партийцев обязывали изучать партийные документы, «мысль Си Цзиньпина» и моральные кодексы поведения[264].

В то же время в ряде работ обращалось внимание на отсутствие системной судебной реформы, непрозрачность процедур, а также на риск использования антикоррупционной кампании в политической борьбе. Это порождало риски селективного правоприменения и усиливало зависимость правового регулирования от партийной воли[265]. Данные ограничения рассматривались как институциональный вызов дальнейшему углублению реформ.

Опыт государств с относительно низким уровнем коррупции, таких как Сингапур и Финляндия, нередко используется в сравнительных исследованиях как пример институционального сочетания жёсткого контроля, прозрачности и материальной мотивации государственных служащих. В китайском контексте данные модели рассматриваются не как прямой объект заимствования, а как аналитический ориентир, позволяющий выявить роль институциональной среды и доверия к государству в эффективности антикоррупционной политики. В политологической литературе подчёркивается, что высокая и социально гарантированная заработная плата, наряду с неизбежностью наказания за коррупционные правонарушения, способствует снижению стимулов к злоупотреблениям. В китайском контексте данные модели рассматриваются не как прямой объект заимствования, а как аналитический ориентир, позволяющий выявить роль институциональной среды и доверия к государству в эффективности антикоррупционной политики.

В контексте повышения квалификации руководящих кадров первостепенное значение имеет модернизация образовательного процесса, культивирование

[264] Manion, M. Corruption by Design: Building Clean Government in Mainland China and Hong Kong. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. — 280 p. — P. 195.
[265] Wang, Y. The Rise of the Chinese State-led Anti-Corruption Campaign: Political Logic and Institutional Constraints // Journal of Chinese Political Science. — 2017. — Vol. 22, No. 3. — P. 277–294.

коммунистических идеалов и политической добросовестности, а также укрепление способности служения народу. Эти установки вписываются в реформаторскую задачу обновления кадрового корпуса КПК. Цели партии и нужды народа должны рассматриваться как основное предназначение и смысл деятельности руководящих кадров, заключающийся в служении людям. Необходимо полностью искоренить порочную практику коррупции и решительно бороться с недостойным стилем работы.

В условиях современного научно-технического прогресса Китай активно внедряет информационные технологии в государственное управление. Развитие электронного правительства, онлайн-сервисов и других технологических решений способствует повышению прозрачности деятельности государственных органов[266]. Дополнительно цифровизация расширяет возможности превентивного контроля, включая использование больших данных для выявления коррупционных рисков на ранних стадиях[267][268].

Также предлагается ввести практику открытых заседаний партийных комитетов, народных собраний и других органов власти, за исключением случаев, когда сохранение конфиденциальности действительно необходимо. Расширение доступа к информации интерпретируется как элемент реформы механизмов подотчетности, дополняющий дисциплинарные меры. Протоколы заседаний и отчеты о работе должны быть доступны для общественности, а средства массовой информации должны иметь возможность освещать процесс принятия решений. Кроме того, необходимо обеспечить свободный доступ к правительственным документам, таким как законы, постановления и другие акты. Конфиденциальная информация также может быть рассекречена по истечении определенного срока или при соблюдении определенных условий[269].

---

[266] Шарипов Ф. Ф., Чжу Ч. Инновации в сфере информационных технологий КНР // Ученые записки Российской академии предпринимательства. — 2021. — Т. 20, № 1. — С. 41–49.

[267] Chinese Academy of Social Sciences (CASS). Annual Report on China’s Governance. — Beijing: CASS, 2024.

[268] Central Commission for Discipline Inspection (CCDI). Annual Report on Anti-Corruption Work. — Beijing, 2023.

[269] Чанхай Л. Уголовное право и международное сотрудничество Китая в борьбе с коррупцией // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. — 2023. — № 4. — С. 42–48.

В современном Китае коррупция во власти нередко рассматривается как проявление институциональных противоречий переходного периода, обусловленных дисбалансом между политической и экономической системами. В официальной риторике данный дисбаланс трактуется как обоснование необходимости углубления реформ государственного управления, совершенствования механизмов контроля и укрепления институциональной дисциплины. Данный вид коррупции не является институциональным и не связан с социалистической системой. Борьба с коррупцией требует создания долгосрочного механизма противодействия, улучшения экономической системы и системы управления, совершенствования механизмов контроля, развития правовой системы и устранения имеющихся пробелов.

Исходя из вышесказанного, антикоррупционная кампания, развернутая в Китае с приходом к власти Си Цзиньпина, стала одним из ключевых элементов реформирования партийно-государственной системы. Она носит не только карательный, но и мобилизационный характер, отвечая общественному запросу на справедливость и подотчетность власти, одновременно укрепляя централизованное руководство КПК. В современных условиях антикоррупционная политика также становится инструментом адаптации системы управления к внешним ограничениям и внутренним структурным вызовам, включая замедление экономического роста и усложнение социальной структуры [270]. Антикоррупционная кампания привела к устранению наиболее резонансных проявлений коррупции в партийном и государственном аппарате. Одновременно она выполняла функции политической консолидации, идеологического воздействия и укрепления лидерских позиций Си Цзиньпина.

Её отличительной чертой стало не только расширение охвата (включая различные уровни власти), но и сочетание правовых, моральных и воспитательных механизмов. Важным результатом стала и институционализация контроля, закреплённая в рамках реформ периода правления Си Цзиньпина.

[270] Development Research Center of the State Council. China’s Economic Reform in the New Era. — Beijing, 2023.

В то же время в ходе кампании проявились и структурные ограничения существующей системы управления: проблемы правового регулирования, зависимость надзорных механизмов от партийных решений, а также риск избирательного применения антикоррупционных мер. Антикоррупционная политика рассматривается не как разовая кампания, а как элемент более широкой стратегии реформ, направленной на повышение управляемости, укрепление политической устойчивости и легитимацию власти.

Выводы по параграфу 1.3

Антикоррупционная кампания, развернутая в Китае с приходом к власти Си Цзиньпина, стала одним из ключевых инструментов внутрипартийной консолидации и политической мобилизации в рамках реформирования партийно-государственной системы. В отличие от прежних эпизодических инициатив, она носит системный и долговременный характер, охватывая все уровни партийно-государственного аппарата и сочетая карательные, дисциплинарные и воспитательные меры, а также всё в большей степени интегрируя цифровые инструменты мониторинга и анализа данных, что усиливает превентивный характер контроля и расширяет возможности выявления коррупционных рисков[271][272].

Кампания опирается не только на правовые механизмы, но и на морально-идеологическую легитимацию, включая использование традиционных конфуцианских ценностей честности и служения народу. Институционализация антикоррупционной политики как элемента государственных и партийных реформ, в том числе через создание Государственного надзорного комитета, способствовала усилению централизованного контроля и укреплению вертикали власти. Одновременно это усиливает зависимость эффективности системы от качества централизованного управления и координации[273].

---

[271] Li Wei. Anti-Corruption Governance and Political Discipline in China under Xi Jinping // Social Sciences in China. — 2023. — Vol. 44, No. 2. — P. 45–62

[272] Central Commission for Discipline Inspection (CCDI). Annual Report on Anti-Corruption Work. — Beijing, 2023.

[273] Zhang Ming. Institutionalization of Supervision in Contemporary China // Chinese Political Science Review. — 2022. — Vol. 7, No. 3. — P. 389–405.

При этом в рамках данной политики прослеживается разграничение уровней: партийный уровень реализует функции дисциплинарного контроля, идеологического воздействия и кадровой очистки, тогда как государственный уровень обеспечивает институциональное оформление антикоррупционных мер, включая правовое регулирование, деятельность надзорных органов и внедрение административных механизмов контроля.

Следовательно, борьба с коррупцией в эпоху Си Цзиньпина выступает не только средством повышения управленческой эффективности, но и составной частью стратегии партийных и государственных реформ, а также элементом стратегии авторитарной модернизации, направленной на укрепление партийной дисциплины, легитимизацию личного лидерства и обеспечение политической устойчивости режима, что позволяет рассматривать антикоррупционную кампанию как элемент более широкой стратегии адаптации китайской модели управления к условиям глобальной нестабильности[274].

1.4 Концепция «Китайской мечты» как идеологическое основание государственных и партийных реформ в политическом дискурсе КПК

Концепция «Китайской мечты», выдвинутая Си Цзиньпином в 2012 году, представляет собой не только лозунг национального возрождения, но и результат идеологического синтеза – адаптации марксистской теории к китайским культурным и историческим реалиям. Она формируется в контексте углубления государственных и партийных реформ, выступая их ценностным и мировоззренческим сопровождением. Как подчеркивают исследователи, «Китайская мечта» соединяет прагматизм социалистической модернизации с обращением к цивилизационному наследию, в первую очередь – к конфуцианским ценностям. В этом смысле она становится продолжением и переработкой ленинско-марксистского мировоззрения через призму традиционного китайского гуманизма.

[274] Chinese Academy of Social Sciences (CASS). Annual Report on China’s Governance. — Beijing, 2024.

С одной стороны, «Китайская мечта» коренится в марксистском представлении о социальной справедливости, равенстве и историческом прогрессе. Согласно официальным документам КПК, она выражает стремление к построению «модернизированной социалистической державы», что отражает марксистскую установку на преодоление эксплуатации и реализацию общественного интереса в условиях трансформации партийно-государственной системы управления[275]

С другой стороны, эта концепция апеллирует к коллективной идентичности, морали и социальной гармонии – понятиям конфуцианской этики. Такие категории, как «великая гармония» (dàtóng), «семейная ответственность», «добродетельное правление», получают новое звучание в политическом дискурсе XXI века. По мнению Л.П. Репиной, в «Китайской мечте» гармонично сочетаются «революционная легитимность марксизма и культурная легитимность конфуцианской традиции»[276].

Возвращение к конфуцианству – это не просто культурная риторика. С начала 2000-х годов в Китае наблюдается активное институциональное «переприсвоение» конфуцианских норм. Государственные учреждения, образовательные программы и даже партийные курсы включают изучение трудов Конфуция и его последователей.

Си Цзиньпин в своих речах неоднократно подчеркивал значимость конфуцианской мысли для понимания «китайской специфики социализма»[277]. Так, в речи, посвящённой 2565-летию со дня рождения Конфуция, он отметил: «Без 5000 лет великой цивилизации, без богатого культурного наследия китайского народа не было бы нынешней формы китайского пути»[278].

Конфуцианская культура, являясь неотъемлемой частью традиционной культуры Китая на протяжении тысячелетий, оказала глубокое влияние на китайскую нацию. В китайской мечте отражены многие духовные идеалы конфуцианства:

---

[275] Си Цзиньпин. О государственном управлении. — М.: Изд-во «Прогресс-Традиция», 2018. — 802 с. — С. 37–41.

[276] Репина Л. П. Китайская мечта: культурные основания идеологического проекта Си Цзиньпина // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. № 1. С. 28–37.

[277]Кобзева М. И. Возвращение Конфуция: политика культурного наследия в КНР // Восток (Oriens). — 2016. — № 5. — С. 23–32.

[278] Си Цзиньпин. Выступление на симпозиуме, посвященном 2565-летию со дня рождения Конфуция (2014) [Электронный ресурс]. — URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-09/25/content_33604431.htm

концепция «народ – основа страны», теории, ориентированные на человека, стремление к великой гармонии, построение общества среднего достатка, доброжелательность, справедливость, этикет, мудрость и доверие, а также основные социалистические ценности.

Конфуцианская культура исторически способствовала национальному процветанию и развитию, поэтому Китаю необходимо сохранять ее духовную силу и использовать в качестве двигателя китайской мечты. Под руководством коммунистической партии Китая, начиная с ее основания 95 лет назад, китайский народ прошел путь революции, строительства и реформ, успешно выработав путь социализма с китайской спецификой. Исторический прогресс неизбежен, и, достигая выдающихся результатов в социалистической модернизации, важно сохранять трезвость мышления и осознавать, что этот процесс представляет собой период огромных возможностей для великих свершений[279].

Конфуцианство становится не только символом культурной преемственности, но и инструментом идеологического обоснования партийного курса. Оно способствует формированию «духовного единства нации» и укреплению моральной легитимности власти.

Марксизм, в свою очередь, предлагает более глубокое и научное объяснение взаимоотношений человека и общества, развития личности и общественного развития. Согласно марксистской теории, «человек есть самое настоящее общественное животное, которое может быть независимым только в обществе». Эта концепция подчеркивает, что человек не может существовать вне общества и что его развитие возможно только в коллективном взаимодействии с другими людьми[280].

Человек, отличаясь от примитивных существ, обретает социальную природу, что кардинально отличает его от животного мира. Социальные связи приносят пользу человеку, формируют договорные правила социального управления, которые требуют

---

[279] Трощинский П. В. Правовая культура Китая: от традиции к современности // «Закон». — 2022. — № 9. — С. 16–29.

[280] Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. — М.: Народное издательство, 1972. — С. 8.

от индивида соблюдения социальной этики и выполнения социальных обязанностей. При этом человек обладающий уникальными характеристиками, чертами и качествами, воспринимает действительность, опираясь на реальность, собственные правила и цели.

В этой связи необходимо отметить, что передовой характер марксистской социальной этики заключается в том, что при выполнении социальных обязанностей, исходной предпосылкой становится свобода воли. Люди, как основные представители общества и хозяева своей страны, обладают правом выбора и свободного выполнения обязанностей, неся ответственность за последствия своего выбора[281]

Многие китайские и зарубежные аналитики отмечают, что синтез марксизма и конфуцианства в рамках «Китайской мечты» проявляется в особом типе авторитарного легитимизма. Этот гибрид основан на сочетании марксистской идеи «научного управления обществом» с конфуцианской моделью морального лидерства. В условиях углубления государственных и партийных реформ данный тип легитимности служит идеологическим обоснованием централизации власти и усиления управляемости политической системы. Как утверждает Чжан Вэйвэй (Zhang Weiwei), «Китайская мечта» реализуется через механизм «демократического авторитаризма», где политическое лидерство основывается не на формальной демократической легитимности, а на эффективности и моральном авторитете[282].

При этом, Р. Якобсон говорит о том, что в отличие от западного понимания мечты как индивидуального проекта самореализации, в Китае она выступает как коллективная цель, направленная на возрождение нации и укрепление государственного суверенитета в рамках единой партийно-государственной стратегии развития[283].

---

[281] Сухомлинова В. В. Признаки синтеза конфуцианства с марксизмом в идее Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой Новой эпохи // Концепт: философия, религия, культура. — 2020. — Т. 4. — № 1. — С. 30–38.

[282] Zhang W. The China Wave: Rise of a Civilizational State. — Singapore: World Century Publishing Corporation, 2012. — 208 p. — P. 83–138.

[283] Jacobson R. Dreams and Realities: The Meaning of the “Chinese Dream” // Asian Perspective. — 2016. — Vol. 40, No. 2. — P. 199–222.

Переосмысление конфуцианства в контексте «Китайской мечты» означает не простое возвращение к традициям, а их интеграцию, используемую в качестве ценностного фундамента реформаторской политики. Она не преследует целей гегемонии или реализации узкокорыстных интересов в ущерб интересам всего человечества. Она, напротив, ориентирована на более равномерное распределение результатов развития человеческой цивилизации. В этом смысле концепция «китайской мечты» выступает как рамка, задающая ориентиры для формирования представлений о гармоничном и устойчивом мировом порядке.

Опыт развития Китая, связанный с реализацией стратегии национального возрождения, всё чаще рассматривается как возможный ориентир для развивающихся стран при выборе собственных моделей развития. Подобная интерпретация соотносится с более широкими тенденциями трансформации мирового порядка и поиском альтернативных путей модернизации. Реализация «китайской мечты» приобретает значение не только для внутреннего развития страны, но и для её позиционирования в глобальном контексте.

Конфуцианские принципы — такие как «гармония» (хэ), «человечность» (жэнь), «долг» (и), а также идея учёности и самосовершенствования (сюэ) — всё чаще используются в публичной риторике и находят отражение в образовательной политике. Их институционализация сопровождает реформирование системы идеологического воспитания и кадровой подготовки. Так, с 2010-х годов в КНР активно реализуется политика «воспитания в духе традиционных ценностей», охватывающая школы, вузы, СМИ и культуру. В 2014 году Си Цзиньпин в своей речи в Юньнане подчеркнул, что «китайский народ должен впитать в себя мудрость традиционной культуры, чтобы укрепить нравственные основы общества»[284].

Одновременно с этим «гармоничное общество» – один из главных терминов как в теории Ху Цзиньтао, так и в «Китайской мечте». Он опирается на конфуцианскую концепцию социальной иерархии и взаимных обязательств между правителем и народом. При этом марксистский акцент на классовой борьбе отступает, уступая

[284] Си Цзиньпин. О государственном управлении. В 3 т. Т. 1. — Москва: Прогресс-Традиция, 2018. — 620 с. — С. 89.

место более прагматичной модели идеологического управления, соответствующей задачам политической стабильности и управляемости в период реформ.

«Китайская мечта» в новую эпоху не может быть реализована путем простого копирования старых моделей или же посредством нисходящего массового движения, инициированного политическими лидерами. Успех в достижении этой мечты требует не только тщательного планирования надстройки общества, но и активной поддержки широких народных масс. Поэтому важнейшим условием реализации «китайской мечты» является сознательное участие каждого гражданина, согласованные усилия руководства страны и народа, а также совместные действия, направленные на достижение общей цели в рамках единой стратегии государственных и партийных преобразований[285].

Конфуцианская философия придает особое значение ответственности индивидуума перед социумом и миром в целом, формируя глубокую эмоциональную связь с морально-этическими нормами. В конфуцианской культуре чувство ответственности перед нацией достигает степени жертвенности индивидуума ради общего блага. Чувство ответственности проявляется в осознании гражданами своей роли, в выполнении гражданских обязанностей и защите интересов страны. В современных условиях данные установки используются как ценностная основа мобилизации общества и поддержки курса государственных и партийных преобразований. В связи с этим, политический лидер Си Цзиньпин акцентирует внимание на трансформации конфуцианства, стремясь к его актуализации и адаптации к современным условиям

С точки зрения внутренней риторики, особенно в образовательной и пропагандистской сфере, происходит сакрализация образа правителя. В духе конфуцианской традиции, лидер (в данном случае – Си Цзиньпин) преподносится как нравственный ориентир, «учитель нации». Данная практика выполняет функцию символического укрепления партийного руководства в условиях институциональных реформ. Это проявляется, например, в серии изданий «Си Цзиньпин о

[285] Там же.

государственном управлении», где его речи оформляются как философские наставления[286].

Несмотря на сохранение марксистской риторики и символики, «Китайская мечта» представляет собой гибридную конструкцию, где марксизм утрачивает революционный заряд, а его основные положения адаптированы под задачу легитимации власти КПК и обоснования современного курса государственного и партийного управления. К примеру, концепция «первоначального этапа социализма» позволяет допустить рыночные механизмы, социальное неравенство и конкуренцию, которые в классическом марксизме считаются признаками капиталистической системы.

Такая адаптация марксизма позволяет Партии сохранять идеологическую монополию, одновременно интегрируя в свою доктрину элементы экономического прагматизма и национализма, что роднит её с традициями китайского государственного мышления. Как отмечает исследователь Р. Макгрегор, «в Китае сегодня марксизм выполняет ту же функцию, что и религия в авторитарных режимах: он объединяет, легитимирует и структурирует власть»[287].

Можно утверждать, что «Китайская мечта» представляет собой идеологический синтез, в котором:

1. Марксизм выполняет функцию официальной идеологии и базы легитимности правящей партии.
2. Конфуцианство обеспечивает этическую, культурную и цивилизационную опору.
3. Национализм и прагматизм служат инструментами мобилизации и экономического роста в рамках централизованной модели управления.

Этот синтез направлен не только на укрепление национальной идентичности, но и на формирование специфически китайской модели модернизации,

---

[286] Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. 1. — М.: Прогресс-Традиция, 2018. — 620 с. — С. 41–42.
[287] McGregor, R. The Party: The Secret World of China's Communist Rulers. HarperCollins, 2010. — 416 p. — P. 58–63.

противопоставляемой западным демократическим и либеральным моделям. В этом контексте «Китайская мечта» становится новой версией «идеального государства», в котором моральная традиция, экономическая мощь и централизованная власть взаимодействуют в единой парадигме.

Концепция «Китайской мечты» отражает стремление китайского руководства соединить марксистскую теорию, конфуцианские ценности и прагматический подход к управлению в рамках единой модели развития. В отличие от западного индивидуалистического понимания, она формулируется как коллективная цель, связанная с национальным возрождением и укреплением государства.

Такое сочетание идей позволяет адаптировать социалистическую доктрину к культурно-историческим условиям Китая и задаёт идейные ориентиры проводимого реформаторского курса.

Выводы по параграфу 1.4

Концепцию «Китайской мечты» в политической доктрине Си Цзиньпина можно рассматривать как сложный идеологический конструкт, формирующийся на основе сочетания марксистских представлений о социальной справедливости и конфуцианских идей гармонии, коллективной ответственности и морального правления.

В отличие от западных индивидуалистических моделей, она задаёт рамку коллективной цели, связанной с национальным возрождением, и используется как средство консолидации общества и укрепления государственного суверенитета. В этом контексте «Китайская мечта» выступает не только как ценностный ориентир, но и как идейная основа курса государственных и партийных реформ, обеспечивая легитимацию политического курса КПК.

Обращение к конфуцианским ценностям в рамках данной концепции позволяет соотнести марксистскую доктрину с историко-культурными особенностями Китая. Это способствует усилению морального авторитета политического руководства и формированию специфической модели легитимации, опирающейся на эффективность управления, поддержание социальной стабильности и символическое

конструирование образа лидера, что в конечном счёте способствует устойчивости данной модели государственного и партийного управления в условиях текущих трансформаций.

Выводы по главе 1

Проведённый в первой главе анализ позволил выявить идейные основания и внутреннюю логику политической доктрины Си Цзиньпина, а также определить ключевые механизмы её реализации в сфере государственных и партийных реформ КНР. Показано, что современный политический курс КНР представляет собой результат целенаправленного идеологического и институционального конструирования, ориентированного на укрепление руководящей роли Коммунистической партии Китая и обеспечение устойчивости политического режима в условиях внутренних и внешних трансформаций[288].

Идейная основа политической доктрины Си Цзиньпина формируется на стыке марксистско-ленинского наследия, конфуцианской традиции и опыта реформ и открытости. Марксизм в китайской интерпретации сохраняет роль официальной идеологии и методологической базы партийного руководства; конфуцианство придаёт власти культурно-нравственное измерение, тогда как прагматизм реформ используется для адаптации государственных и партийных институтов к меняющимся социально-экономическим условиям. В результате КПК сочетает идеологическую преемственность с относительной гибкостью управленческих решений.

Политика всестороннего углубления реформ показывает, что курс Си Цзиньпина ориентирован не на либерализацию политической системы, а скорее на её институциональное укрепление и усиление централизации. Реформы затрагивают экономическую, социальную, правовую и административную сферы. Однако в их реализации прослеживается усиление партийного контроля, а также перераспределение полномочий в пользу центральных органов. Параллельно формируются более устойчивые механизмы стратегического управления в системе государственного и партийного управления. В результате реформы всё в большей степени используются как инструмент политической консолидации, а не только как средство социально-экономической модернизации. При этом проведённый анализ

[288] Борох О.Н. Приоритеты экономического развития Китая в современной официальной идеологии // Журнал экономической теории. — 2023. — Т. 20, № 1. — С. 189–215.

позволяет разграничить уровни реализации реформ: партийный уровень связан с усилением внутрипартийной дисциплины, централизацией и идеологическим контролем, тогда как государственный уровень ориентирован на повышение эффективности управления, модернизацию административных механизмов и адаптацию социально-экономической политики.

Таким образом, реформы носят двойственный характер, охватывая как партийный, так и государственный уровни управления.

Антикоррупционная кампания периода правления Си Цзиньпина носит неоднозначный характер и выполняет сразу несколько функций. С одной стороны, она направлена на устранение злоупотреблений в партийном и государственном аппарате. С другой — используется как инструмент поддержания внутрипартийной дисциплины и политической мобилизации, а также как средство идеологического воздействия в рамках реформирования системы партийного контроля.

В ходе её реализации усиливается централизованный контроль, формируются новые требования к поведению партийных кадров. Одновременно заметно усиливается персонализация власти и возрастает степень подчинения институтов единой партийной линии.

В современных условиях данные механизмы дополняются инструментами цифрового управления, включая использование больших данных и технологий мониторинга, что позволяет расширить превентивный характер антикоррупционной политики и повысить прозрачность функционирования государственных институтов[289].

Концепция «Китайской мечты» занимает центральное место в современной политической доктрине КНР и используется как идеологическая рамка, через которую оформляется стратегия национального возрождения и социально-политической консолидации. При этом китайская трактовка «мечты» заметно отличается от индивидуалистических интерпретаций, распространённых в западных обществах: акцент смещён в сторону коллективной идентичности, моральной ответственности и

[289] Chinese Academy of Social Sciences (CASS). Annual Report on China’s Governance. — Beijing, 2024.

подчинения личных целей задачам государства и партии. Это позволяет использовать «Китайскую мечту» как инструмент легитимации государственных и партийных реформ, мобилизации общества и укрепления идеологического единства.

В целом, первая глава демонстрирует, что внутренняя политика КНР при Си Цзиньпине основывается на целостной и системной политической доктрине, в которой идеология, институциональные механизмы и практики управления взаимосвязаны и подчинены задаче сохранения политической стабильности и усиления роли КПК.

Современный этап реформ также характеризуется их адаптацией к новым внутренним и внешним вызовам, включая замедление экономического роста, усложнение социальной структуры и усиление внешнеэкономического давления, что отражает переход к более сложной модели управляемой модернизации[290].

Данный идейно-институциональный фундамент определяет не только внутренние преобразования в сфере партийного и государственного строительства, но и логику внешнеполитического курса Китая, что позволяет перейти к анализу внешней политики КНР и её международных стратегий в последующей главе исследования.

[290] Development Research Center of the State Council. China’s Economic Reform in the New Era. — Beijing, 2023.

ГЛАВА 2. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ПАРТИЙНЫХ РЕФОРМ В ЭПОХУ СИ ЦЗИНЬПИНА

2.1 Институциональные инновации и внешнеполитические механизмы реализации стратегии развития КНР в условиях партийных и государственных реформ

Государственные и партийные реформы периода правления Си Цзиньпина оказали влияние не только на внутреннюю организацию политической системы КНР, но и на формирование внешнеполитического курса страны. Усиление роли партийных институтов, централизация принятия решений и развитие новых механизмов стратегического управления нашли отражение во внешнеполитической деятельности Китая. В связи с этим анализ внешней политики КНР представляется необходимым для понимания практической реализации реформаторского курса Си Цзиньпина.

Институциональные преобразования периода правления Си Цзиньпина, включая реформу партийно-государственного управления, усиление координирующей роли КПК и создание новых механизмов стратегического планирования, оказали непосредственное влияние на процесс формирования и реализации внешнеполитического курса КНР.

В условиях современной геополитической обстановки, Китай следует традициям собственной международной стратегии, адаптируется к новым политическим и экономическим реалиям. Формирование современной китайской стратегии обусловлено множеством новых концепций, идей и мер. Мировая экономика переживает эпоху реформ, характеризующуюся неравномерным развитием, усилением торгового протекционизма и нарастающим давлением. В современных условиях мировая политическая и военная обстановка остаётся напряжённой и подверженной усложнению. Глобализационные процессы продолжают оказывать влияние на мировую политическую экономику, одновременно усиливаются вызовы в сфере безопасности, а механизмы глобального управления сталкиваются с нарастающими трудностями. Поэтому для КНР возрастает значение институционального укрепления внешнеполитических механизмов. При этом опора

делается на результаты внутренних партийных и государственных реформ, рассматриваемых как основа адаптации к изменяющемуся мировому порядку.

В данном контексте реформы партийно-государственного управления выступают не только инструментом внутренней модернизации, но и фактором повышения эффективности внешнеполитического курса, поскольку обеспечивают концентрацию ресурсов, координацию внешнеполитических решений и согласованность стратегических приоритетов развития КНР.

Если смотреть с точки зрения внутреннего развития, социализм с китайской спецификой вступил в новый этап. Изменился характер социальных противоречий — это сопровождалось ростом напряжённости и появлением новых внутренних и внешних рисков. Реформы приобретают для Китая практическое значение как инструмент адаптации к меняющейся геополитической ситуации и одновременно способ укрепления позиций страны в системе глобального управления. Соответственно, внешнеполитическую активность Китая в период правления Си Цзиньпина трудно рассматривать изолированно: она во многом связана с внутренними изменениями в системе управления и реакцией на накапливающиеся противоречия развития.

Существенную роль в трансформации социальных противоречий играют демографические изменения, включая старение населения и постепенное сокращение доли трудоспособного населения. Эти процессы усиливают нагрузку на социально-экономическую систему и требуют адаптации государственной политики, в том числе в сфере занятости, социальной поддержки и инновационного развития, что также отмечается в современных аналитических исследованиях, посвящённых структурным вызовам развития КНР[291].

Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине всё больше опирается на укрепление институциональной базы, через которую реализуются глобальные инициативы Пекина. На фоне трансформации мирового порядка (ослабления западноцентричной модели и роста конкуренции за правила игры) Китай делает

[291] World Bank. China | Data [Электронный ресурс]. – URL: https://data.worldbank.org/country/china

ставку на развитие собственных механизмов и одновременно стремится влиять на реформирование уже существующих.

Дополнительным фактором, усиливающим институциональную трансформацию внешней политики КНР, выступает обострение торгово-экономических и технологических противоречий с США. В 2025–2026 гг. эскалация тарифных мер, расширение экспортных ограничений и рост конкуренции в стратегических секторах (включая полупроводники и искусственный интеллект) привели к существенному снижению взаимной торговли и ускорению перераспределения глобальных производственных цепочек. В этих условиях Китай активизирует развитие собственных институтов и механизмов внешнеэкономического взаимодействия, рассматривая их как инструмент обеспечения стратегической автономии и снижения зависимости от внешних ограничений[292][293].

Во многом это связано с позиционированием себя как представителя «глобального Юга». В результате данные процессы проявляются в форме институциональных новаций — постепенного изменения форм участия Китая в международной политике, экономике, вопросах безопасности и гуманитарном взаимодействии.

Институциональные инновации в КНР охватывают как внутренние изменения — административные и партийные реформы, — так и внешние процессы, включая создание новых международных институтов и участие в реформировании уже действующих. Китайская традиция рассматривает институты не только как формальные структуры, но и как носителей культурной и идеологической специфики. Согласно Си Цзиньпину, «Китай должен продвигать новую концепцию глобального управления, отражающую дух сотрудничества, равенства и взаимной выгоды»[294]. Таким образом, институциональные инновации во внешней политике КНР опираются

---

[292] The U.S.-China Trade Relationship: What's Behind the Competition? // Council on Foreign Relations. – URL: https://www.cfr.org/backgrounders/contentious-us-china-trade-relationship

[293] Bown C. P. The Trump-China Trade Wars: Five Takeaways from U.S. Imports in 2025 // Peterson Institute for International Economics. – URL: https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/2026/trump-china-trade-wars-five-takeaways-us-imports-2025

[294] Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. 3 — Москва: Прогресс-Традиция, 2018. — 620 с. — С. 410-415.

на результаты партийно-государственных реформ и воспроизводят их ключевые принципы – централизацию стратегического планирования, управляемость и приоритет партийного руководства.

Важно подчеркнуть, что развитие внешнеполитических институтов и форматов при Си Цзиньпине опирается на внутреннюю модель управления, предполагающую координацию государства, рынка и общества и усиление стратегического планирования. В этом смысле “социалистическая модернизация с китайской спецификой” выступает не только как внутренняя программа развития, но и как источник принципов внешней политики — ориентации на управляемость, долгосрочные цели и институциональную устойчивость. Тем самым внешние инициативы КНР рассматриваются как продолжение внутренних механизмов модернизации и укрепления роли КПК в стратегическом целеполагании. В этом контексте внешнеполитические инициативы КНР выступают формой институционального экспорта внутренней модели управления, сформированной в ходе реформ партийного и государственного аппарата.

Таким образом, институциональные инновации внешней политики КНР при Си Цзиньпине не являются изолированным направлением, а органично вписываются в общую логику трансформации системы государственного и партийного управления. Усиление роли КПК, централизация стратегического планирования и формирование специализированных координационных механизмов внутри страны создают институциональную основу для более активного и системного внешнеполитического курса. Внешнеполитические инициативы Китая в этой связи выступают продолжением внутренних реформ, направленных на повышение управляемости, предсказуемости и стратегической автономии КНР в условиях глобальной трансформации.

Наиболее наглядно взаимосвязь внутренних реформ и внешнеполитических механизмов проявляется в институционально оформленных инициативах глобального масштаба. К примеру, платформа «Один пояс – один путь»[295] представляет собой не

[295] Официальный аккаунт Министерства иностранных дел КНР в WeChat. Публикации по инициативе «Один пояс – один путь». 2023.

только экономическую инициативу, но и институциональную сеть, включающую банк AIIB, Фонд шелкового пути и различные координационные механизмы. Все эти структуры обладают элементами инновационного управления – гибкой архитектурой, региональной инклюзивностью, приоритетом инфраструктурной связности и суверенитета партнёров. Наиболее наглядно данные институциональные подходы проявляются в рамках конкретных внешнеполитических инициатив и форматов сотрудничества, которые сочетают экономические, дипломатические и нормативные элементы.

Дипломатическая стратегия «Сообщество судьбы», выдвинутая Си Цзиньпином, представляет собой современную интерпретацию марксистских дипломатических концепций и социалистической дипломатической практики, адаптированную к китайским условиям. Внутренняя структура состоит из трех аспектов: исторический, ценностный и практический.

Исторический аспект отражает эволюцию дипломатического стратегического мышления китайских лидеров, демонстрируя синтез традиций и новаторства. Ценностный аспект характеризуется тем, что «Сообщество судьбы» интегрирует историческую миссию «Китайской мечты» о национальном возрождении и миссию «Земной мечты» о глобальном мирном развитии. Практический аспект ориентирован на формирование взаимовыгодных партнерских отношений в рамках китайской дипломатии[296]. Именно в этой связи стратегические идеи Си Цзиньпина о «мире с единым будущим» открывают новые горизонты для внешней политики Китая.

Одной из главных внешнеполитических инноваций стало создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (AIIB) в 2015 году. Эта институция не просто альтернатива МВФ или Всемирному банку, но образец китайского подхода к управлению: отсутствие навязывания политических условий, быстрая процедура одобрения проектов, гибкое распределение голосов. По мнению исследователей, AIIB стал «символом наступающей полицентричности мировой экономики»[297].

---

[296] Се Ипин. Стратегический курс и особенности многосторонней дипломатии Китая (1978–2020 гг.): дис. ... канд. полит. наук. — Москва, 2021. — 210 с. — С. 31-50.

[297] Subacchi P. The AIIB and the Challenge to the Global Financial Order // Foreign Affairs. 2017. — URL:

Создание AIIB стало возможным благодаря внутренней институциональной консолидации системы стратегического управления КНР, в рамках которой партия получила решающую роль в формировании и координации внешнеэкономических инициатив.

Тем самым создание AIIB может рассматриваться как практический результат государственных и партийных реформ, направленных на укрепление управленческого потенциала КНР и расширение возможностей реализации её внешнеполитической стратегии.

Другой пример «Форум по сотрудничеству Китай», Африка (FOCAC). Этот формат отличается институциональной устойчивостью, регулярностью саммитов и наличием планов действий. Инновационным аспектом является принцип «юг-юг» (*South-South*), который противопоставляется западной модели «север-юг». Через такие форумы Китай институционализирует альтернативные нормы взаимодействия: отказ от вмешательства, взаимная выгода, инфраструктурный обмен, долгосрочное партнёрство.

Использование подобных форматов стало возможным благодаря реформированию механизмов стратегического планирования и усилению координирующей роли партийных институтов, обеспечивающих долгосрочную реализацию внешнеполитических инициатив Китая.

Особое место в институциональных инновациях занимает партийная дипломатия. ЦК КПК активно использует механизм международных межпартийных связей для трансляции идей «социализма с китайской спецификой». Как отмечает исследователь Трощинский П. В., «Китайская партийная дипломатия становится инструментом продвижения собственных концептов международных отношений и модели модернизации»[298]. Партийная дипломатия тем самым выступает внешним продолжением реформ партийного управления, расширяя сферу влияния КПК за

https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-02-13/aiib-and-challenge-global-financial-order

[298] Трощинский П. В. Правовая культура Китая: от традиции к современности // Закон. — 2022. — № 9. — С. 16–29.

пределы национального государства и институционализируя идеологическое измерение внешней политики.

Подобная модель сочетает прагматизм и идеологическую трансляцию. Одновременно с институционализацией инициатив вроде BRI, Китай демонстрирует усилия по формированию новой нормативной базы – например, концепция «сообщества единой судьбы человечества» последовательно интегрируется в документы ООН, ШОС и БРИКС. Это отражает попытку институционально оформить альтернативный универсализм.

В эпоху глобальной трансформации традиционная система международных отношений, основанная на западных институтах, испытывает серьезные вызовы. Китай, с учётом своих масштабов и усиливающегося влияния, всё активнее продвигает идею многополярного мирового порядка. Одновременно делается акцент на изменении существующих правил и механизмов глобального управления — с расчётом на их большую гибкость и учёт интересов разных стран.

Одним из заметных направлений стала концепция «сообщества единой судьбы человечества»[299]. В её основе — представление о взаимозависимости государств и необходимости совместного решения глобальных проблем. Эта идея начала активно продвигаться в период правления Си Цзиньпина и впоследствии получила отражение в ряде международных площадок, включая ООН[300].

Китай всё активнее участвует в формировании новых международных форматов и одновременно пытается влиять на работу уже существующих организаций. Заметную роль играет участие в БРИКС и ШОС, а также стремление укрепить позиции в глобальных финансовых структурах, включая МВФ и Всемирный банк.

Расширение участия КНР в международных институтах отражает результаты внутренних реформ системы государственного и партийного управления, позволивших повысить уровень внешнеполитической координации и усилить стратегическое присутствие страны на глобальном уровне.

---

[299] Xinhua. China proposes building a community with a shared future for mankind at UN // Xinhua News Agency, 2017. — URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-09/21/c_136631466.htm

[300] Там же.

Параллельно развиваются собственные институты — такие как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (AIIB) и Фонд Шёлкового пути. Они используются не только для поддержки экономических проектов, но и как площадки для отработки новых форм сотрудничества между странами с разным уровнем развития. Это даёт Китаю дополнительные возможности усиливать своё влияние на международной арене.

Как отмечает исследователь Питер Сабакки, «AIIB представляет собой важный элемент стратегии Китая по формированию альтернативной финансовой архитектуры, способной со временем повлиять на глобальную экономическую систему» [301] . Чтобы понять логику подобных институциональных шагов, стоит обратиться к концепции модернизации в китайском стиле. Именно она задаёт рамку как для внутренних преобразований, так и для внешнеполитического курса КНР.

Современный модернизационный проект Китая строится на взаимодействии государства, рынка и общества. Это проявляется и в принципах управления на разных уровнях. Си Цзиньпин подчеркивает важность баланса между этими элементами, чтобы обеспечить устойчивость и эффективность реформ.

Модернизация по китайскому образцу включает в себя различные аспекты, основывается на китайских марксистских идеях и неотделима от специфических национальных условий Китая. Это исторически обусловленный процесс, осуществляемый китайским народом под руководством марксистской идеологии. Именно он является ответом на объективные потребности общественного развития и модернизации страны[302].

На XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин заявил, что модернизация, проводимая Китаем, хотя и имеет общие черты с модернизацией других стран, в то же время обладает уникальными особенностями, обусловленными национальными условиями Китая. Это заявление подчеркивает, что

[301] Subacchi P. The AIIB and the Challenge to the Global Financial Order // Foreign Affairs. 2017. — URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-02-13/aiib-and-challenge-global-financial-order
[302] Чжан Я. К вопросу о созидательности социалистического пути с китайской спецификой // Власть. — 2024. — Т. 32, № 1. — С. 208-220

китайская модернизация не является простым копированием западных моделей, а представляет собой самостоятельный путь развития, учитывающий специфику страны[303].

Модернизация в китайском стиле характеризуется фундаментальной и неизменной траекторией социалистического развития, что отличает ее от западной модели капиталистической модернизации. Под руководством Коммунистической партии Китая, объединившей все этнические группы государства, принципы социализма пронизывают все этапы этого процесса. Движущей силой модернизации выступает народ, а ее целью является достижение всеобщего процветания.

Направление модернизации в китайском стиле изначально было определено Дэн Сяопином после проведения реформ. В процессе расширения практики модернизации, китайский путь объединил китайскую нацию, социализм и модернизацию, соответствуя тенденциям развития, существующим реалиям и ярко выраженным китайским особенностям.

Путь модернизации в китайском стиле – это путь, направленный на общее процветание. Си Цзиньпин на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая заявил, что всеобщее процветание является долгосрочным процессом и представляет собой важнейшее условие китайского социализма[304].

Таким образом, большинство рассматриваемых внешнеполитических инноваций имеют прямую связь с реформированием партийно-государственной системы КНР и отражают перенос внутренних механизмов стратегического управления на международный уровень.

Подводя итоги по вышесказанному, институциональные инновации составляют основу модернизационного проекта Китая при Си Цзиньпине, обеспечивая адаптацию к глобальным вызовам и укрепление позиций КНР в системе мирового

---

[303] Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. 3. — М.: Прогресс-Традиция, 2018. — 620 с. — С. 330–350.

[304] «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой»: Си Цзиньпин выступил с речью на заключительном заседании XX съезда КПК [Электронный ресурс] // Rossiyskaya Gazeta. — 2022. — 24 окт. — Режим доступа: https://rg.ru/2022/10/24/si-czinpin-vystupil-s-rechiu-na-zakliuchitelnom-zasedanii-xx-sezda-kpk.html

управления. Через создание новых институтов, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и инициативы «Один пояс – один путь»[305], а также благодаря реформированию существующих международных структур, Китай продвигает концепцию «сообщества единой судьбы человечества», основанную на равенстве, взаимной выгоде и уважении суверенитета стран. Внутренние реформы, сочетающие государственное регулирование, рыночные механизмы и вовлечение общества, поддерживают устойчивость социалистической модернизации, ориентированной на всеобщее процветание и гармоничное развитие. Этот подход, опирающийся на марксистские принципы, национальные особенности и прагматизм, дает возможность Китаю формировать альтернативную модель глобального порядка, избегая западного капиталоцентризма и ставя мнение народа как приоритет в процессе развития.

В совокупности институциональные инновации КНР формируют многоуровневый механизм внешнеполитической реализации стратегии развития, включающий финансовые, дипломатические, партийно-политические и нормативные инструменты. Тем самым институциональные инновации во внешней политике КНР следует рассматривать как результат системной трансформации партийно-государственного управления, а не как набор разрозненных инициатив, что обеспечивает преемственность внутреннего и внешнего политического курса Си Цзиньпина. Их значение заключается не столько в отдельных институтах, сколько в способности Китая выстраивать устойчивую архитектуру глобального присутствия, которая затем получает конкретное воплощение в рамках инициативы «Один пояс — один путь» и в позиционировании КНР в международных кризисах.

Выводы по параграфу 2.1

Институциональные инновации во внешней политике КНР при Си Цзиньпине выступают ключевым механизмом реализации стратегии развития страны в условиях глобальной трансформации. Создание и активное использование новых

[305] Официальный аккаунт Министерства иностранных дел КНР в WeChat. Публикации по инициативе «Один пояс – один путь». 2023.

международных институтов и форматов сотрудничества, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, инициатива «Один пояс – один путь»[306], а также усиление партийной дипломатии, отражают стремление Китая перенести логику внутренней партийно-государственной модернизации во внешнеполитическую сферу и институционально закрепить собственные подходы к глобальному управлению. Эти механизмы сочетают прагматические цели экономического развития с идеологической задачей продвижения альтернативной модели международного взаимодействия, основанной на принципах суверенитета, взаимной выгоды и отказа от западного универсализма.

Существенным фактором, усиливающим значение институциональных инноваций во внешней политике КНР, выступает обострение международной конкуренции, прежде всего в отношениях с США. Эскалация торгово-экономических и технологических противоречий в 2025–2026 гг., включая рост тарифных ограничений, расширение экспортного контроля и перераспределение глобальных производственных цепочек, стимулирует Китай к формированию более автономной и устойчивой системы внешнеэкономических и внешнеполитических механизмов. В этих условиях институциональные инновации приобретают дополнительное значение как инструмент обеспечения стратегической независимости и адаптации китайской модели развития к меняющимся условиям мировой экономики[307].

Важным результатом проведённого анализа является вывод о том, что институциональные инновации внешней политики КНР непосредственно связаны с государственными и партийными реформами периода правления Си Цзиньпина. Усиление роли КПК в стратегическом управлении, централизация механизмов принятия решений, развитие координационных структур и совершенствование системы партийно-государственного управления создали институциональные условия для реализации более активного и системного внешнеполитического курса.

---

[306] Официальный аккаунт Министерства иностранных дел КНР в WeChat. Публикации по инициативе «Один пояс – один путь». 2023.

[307] The U.S.-China Trade Relationship: What's Behind the Competition? // Council on Foreign Relations. – URL: https://www.cfr.org/backgrounders/contentious-us-china-trade-relationship

Тем самым внешнеполитические механизмы КНР следует рассматривать как одно из практических проявлений реформаторского курса Си Цзиньпина на международном уровне.

В совокупности указанные механизмы формируют устойчивую внешнеполитическую архитектуру, функционирующую в тесной взаимосвязи с внутренними государственными и партийными реформами и стратегическим руководством КПК. Это обеспечивает КНР расширение глобального присутствия, укрепление международного влияния и более эффективную реализацию долгосрочных целей развития в условиях трансформации мирового порядка.

2.2 Инициатива «Один пояс — один путь» как инструмент реализации внешнеполитической стратегии и глобального позиционирования Китая

Инициатива «Один пояс – один путь»[308] (ОПОП) рассматривается не только как инструмент внешнеэкономической политики, но и как практическое продолжение курса государственных и партийных реформ, направленных на модернизацию системы управления и усиление международной роли Китая.

ОПОП, провозглашённая председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2013 года в ходе визитов в Казахстан и Индонезию, стала одной из стратегий китайской внешней политики XXI века. Её цель – создать разветвлённую сеть экономических, инфраструктурных и культурных связей, объединяющих страны Азии, Европы, Африки и Латинской Америки в единую систему взаимовыгодного сотрудничества. Как отмечает Си Цзиньпин, «ОПОП – это путь к совместному развитию, основанный в духе Шёлкового пути: мире и сотрудничестве, открытости и инклюзивности, взаимном обучении и взаимной выгоде» [309] . Данный раздел раскрывает идеологические основы инициативы и её практическую реализацию в международном контексте.

[308] Официальный аккаунт Министерства иностранных дел КНР в WeChat. Публикации по инициативе «Один пояс – один путь». 2023.
[309] Си Цзиньпин. Об управлении Китаем. Т. 3. – М.: Foreign Languages Press, 2020. — 620 с. — С. 122–130.

В рамках данной логики инициатива ОПОП рассматривается не как изолированный внешнеэкономический проект, а как институциональное продолжение внутренней партийно-государственной модернизации и стратегического целеполагания КПК.

Рассмотрим идеологические инициативы концепции «Один пояс – один путь»[310].

Марксистская основа и социалистическая модернизация. Инициатива ОПОП уходит корнями в марксистскую теорию, акцентирующую развитие производительных сил и устранение глобальных диспропорций и адаптированная к современным условиям Китая. Марксистская философия и экономическая теория служат фундаментом для понимания глобальных структурных изменений и противоречий мировой экономики. В частности, Китай опирается на критический анализ капитализма, изложенный К. Марксом и Ф. Энгельсом, который подчёркивает эксплуататорский характер капиталистической системы, существующую глобальную неравномерность развития и необходимость трансформации международных отношений в сторону равноправия и справедливости[311]. Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал, что экономическое сотрудничество должно способствовать созданию «сообщества с единой судьбой человечества», где ресурсы распределяются справедливо и учитываются интересы всех участников[312].

Основная идея марксистской теории, интегрированная в концепцию ОПОП, заключается в том, что капиталистическая модель развития, доминировавшая в мире, порождает дисбалансы и препятствует устойчивому развитию стран с различным уровнем экономического и социального развития. В этом контексте Китай предлагает альтернативный путь, основанный на взаимной выгоде, кооперации и совместном

---

[310] Официальный аккаунт Министерства иностранных дел КНР в WeChat. Публикации по инициативе «Один пояс – один путь». 2023.
[311] Чжао Ц. Китаизация марксистской философии. // Свободная мысль. — 2020. — №3. — С. 45–62.
[312] Там же.

развитии, что отражается в принципах инициативы – «взаимное уважение, равноправие, взаимовыгодное сотрудничество и мирное сосуществование»[313].

Социалистическая модернизация с китайской спецификой – идея, лежащая в основе инициативы «Один пояс – один путь»[314]. В отличие от западной модели, которая базируется на капиталистических принципах и ориентирована на конкурентное доминирование, китайская модернизация ориентируется на социалистические ценности: коллективизм, социальную справедливость и приоритет общественных интересов над частными[315]. Под руководством Коммунистической партии Китая модернизация рассматривается как процесс, в котором технологическое развитие и экономический рост сопровождаются укреплением институциональной базы, развитием социальной политики и экологической ответственностью. Это проявляется в стремлении обеспечить «всеобщее процветание» и сократить социальное неравенство как внутри страны, так и в отношениях с партнёрами по инициативе[316]. Кроме того, социалистическая модернизация в китайском понимании – это не только экономическое развитие, но и культурное возрождение, гармоничное сосуществование с природой и формирование новой системы международных отношений, основанной на уважении и взаимопомощи. Именно эти принципы лежат в основе практических действий Китая в рамках ОПОП, включая проекты по развитию инфраструктуры, научному и культурному обмену, а также поддержании устойчивого развития[317].

---

[313] Верченко А.Л. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» // Китай в мировой и региональной политике. — «История и современность». — 2022. — Т. 27, №27. — С. 71–83.

[314] Официальный аккаунт Министерства иностранных дел КНР в WeChat. Публикации по инициативе «Один пояс – один путь». 2023.

[315] Ли Ч. Диалектика Си Цзиньпина и китайская модернизация: теория, особенности и практика // Вестник Московского университета. Серия 18. — «Социология и политология». — 2023. — Т. 29, №3. — С. 220–240.

[316] Си Цзиньпин. Об управлении Китаем. — Т.3. изд. — Москва: Foreign Languages Press, 2020. — 408 с. — С. 155–172.

[317] Юйфэн С. Отношение к традиционной культуре в контексте модернизации: китайский контекст // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. — 2023. — №1. — С. 117–120.

ОПОП является инструментом реализации социалистической модернизации, позволяющим Китаю продвигать свою модель развития, основанную на синтезе марксизма, традиционной китайской философии и современных вызовов глобализации.

Реализация данной инициативы стала возможной благодаря реформированию системы партийно-государственного управления, усилению стратегического планирования и концентрации ресурсов в рамках единой модели развития, сформированной в период правления Си Цзиньпина. В этом смысле ОПОП выступает не только внешнеполитическим проектом, но и практическим результатом государственных и партийных реформ, обеспечивших институциональные возможности для его реализации.

Тем самым внешнеэкономическое измерение инициативы подчиняется общей логике партийного руководства развитием, где внешняя активность служит укреплению внутренней устойчивости модели социализма с китайской спецификой.

В официальной риторике китайского руководства проекты ОПОП часто связываются с задачами устойчивого развития и сокращения социально-экономических разрывов. За счёт этого инициатива подаётся как вклад в развитие стран-партнёров и продвижение идеи «совместного процветания».

Вместе с тем в научной и экспертной литературе обращается внимание на ряд ограничений и рисков, связанных с реализацией инициативы «Один пояс — один путь». В частности, отмечаются проблемы долговой устойчивости отдельных стран-участниц, особенно в условиях слабых институциональных систем и высокой исходной долговой нагрузки. Ряд исследований указывает на неоднородность эффектов инициативы: при благоприятных условиях она способствует экономическому росту и повышению способности обслуживать государственный долг, однако в иных случаях может усиливать долговые риски[318] .

Кроме того, реализация инфраструктурных проектов нередко сопровождается политическими и институциональными рисками, включая нестабильность в

[318] Zhang H., Jiang Y., Hou C. How Does the “Belt and Road” Initiative Affect Debt Sustainability? // *Sustainability*. – 2024. – Vol. 16. – No. 23. – Art. 10512. – URL: https://doi.org/10.3390/su162310512

принимающих странах, коррупционные практики и общественное сопротивление, что может приводить к задержкам или пересмотру проектов[319]. В более широком контексте инициатива также рассматривается как инструмент расширения геоэкономического и геополитического влияния Китая, что вызывает настороженность со стороны ряда государств и усиливает стратегическую конкуренцию на международной арене[320].

Конфуцианская философия и принцип гармонии. Конфуцианская традиция исторически занимает важное место в формировании культурной и политической идентичности Китая. Понятие «хэ» (гармония) связано с установкой на развитие международного сотрудничества без жёсткой конфронтации. Речь, при этом, идёт не о выравнивании или единообразии, а о сосуществовании различий, признании многообразия и поиске баланса между интересами человека, общества и окружающей среды. В рамках инициативы «Один пояс – один путь»[321] упомянутый принцип выступает в качестве одного из идейных оснований внешнеполитического курса Китая. Данный подход коррелирует с внутренним управленческим принципом КПК, предполагающим приоритет стабильности, управляемости и предотвращения конфликта как внутри страны, так и во внешней среде. Как отмечает Юйфэн, китайская дипломатия ориентируется на построение мирных отношений, основанных на взаимном уважении суверенитета и отсутствии вмешательства во внутренние дела партнёрских стран[322].

В этом смысле концепция гармонии выступает как альтернатива конфликтам и противостояниям, характерным для западной модели международных отношений. Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал важность гармонии как в национальном, так и

---

[319] Skidmore D. The Complex Politics of China's Belt and Road Initiative // *The Diplomat*. – 2025. – URL: https://thediplomat.com/2025/09/the-complex-politics-of-chinas-belt-and-road-initiative

[320] Zhao M. Geopolitical Impacts of China's Belt and Road Initiative: Opportunities and Risks Across Asia, Africa, and Europe // Proceedings of the 4th International Conference on Business and Policy Studies. – 2025.

[321] Официальный аккаунт Министерства иностранных дел КНР в WeChat. Публикации по инициативе «Один пояс – один путь». 2023.

[322] Юйфэн С. Отношение к традиционной культуре в контексте модернизации: китайский контекст // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. — 2023. — №1. — С. 117–120.

в международном масштабе. В своей речи на XIX съезде КПК он отметил, что Китай стремится к построению «сообщества единой судьбы человечества», где взаимопонимание и сотрудничество преобладают над соперничеством и конфликтами[323].

Философия гармонии также проявляется в культурных и социальных аспектах инициативы ОПОП, где стимулируется диалог между цивилизациями, взаимное обогащение культур и уважение к традициям каждого народа. По мнению Верченко, такой подход способствует формированию позитивного международного имиджа Китая и снижению напряжённости в международных отношениях[324]. Принципы «взаимного уважения», «мирного сосуществования» и «партнёрства без гегемонии» лежат в основе концепции ОПОП[325]. Китайский подход предполагает поиск компромиссов и недопущение навязывания своей воли другим государствам.

Принцип гармонии и конфуцианская философия в целом служат не только культурной опорой, но и практическим инструментом в реализации инициативы «Один пояс – один путь»[326], способствуя формированию устойчивых и справедливых международных отношений.

Идея «Сообщества единой судьбы человечества». Концепция «Сообщества единой судьбы человечества»[327] стала идеей в стратегическом видении Китая XXI века, получив широкое распространение с началом правления Си Цзиньпина. Она была выдвинута Си Цзиньпином на XIX и XX съездах КПК и служит философской рамкой ОПОП. Эта идея выражает понимание глобальной взаимозависимости и

---

[323] Си Цзиньпин. Об управлении Китаем. — Т. 3. изд. — Москва: Foreign Languages Press, 2020. — 408 с. — С. 223–230.

[324] Верченко А.Л. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2022. — Т. 27, №27. — С. 71–83.

[325] Юйфэн, С. Отношение к традиционной культуре в контексте модернизации: китайский контекст // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. — 2023. — № 1. — С. 117–120.

[326] Официальный аккаунт Министерства иностранных дел КНР в WeChat. Публикации по инициативе «Один пояс – один путь». 2023.

[327] Верченко А.Л. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» // Китай в мировой и региональной политике. — «История и современность». — 2022. — Т. 27, №27. — С. 71–83.

необходимости совместного решения комплексных вызовов, с которыми сталкивается современное мировое сообщество. Согласно официальной позиции китайского руководства, построение такого сообщества предполагает отказ от конфронтации и односторонних действий в пользу многостороннего сотрудничества, взаимного уважения, равенства и совместного развития[328]. Страны мира взаимосвязаны, а их безопасность и процветание неделимы. Инициатива стремится решать глобальные вызовы – изменение климата, бедность, неравенство – через совместные действия, а не через соперничество[329]. В институциональном плане концепция «сообщества единой судьбы человечества» выполняет функцию нормативного сопровождения инициативы ОПОП, легитимируя расширение внешнеполитической активности Китая в терминах коллективной ответственности и взаимной выгоды[330].

Подобное расширение внешнеполитической активности стало возможным вследствие преобразований в системе партийного руководства и внешнеполитической координации, обеспечивших более тесную интеграцию внутренних стратегических целей и международных инициатив КНР.

Инициатива «Один пояс – один путь»[331] служит практическим инструментом для реализации этих принципов, создавая платформу для интеграции экономик, развития инфраструктуры и культурного обмена между странами Евразии, Африки и Латинской Америки. Как отмечает А.Л. Верченко, идея сообщества является ответом Китая на вызовы современной глобализации, в частности, на кризис доверия между странами и растущие риски международных конфликтов. В рамках этой концепции Китай стремится трансформировать мировую систему, сделав её более справедливой и устойчивой[332].

---

[328] Си Цзиньпин. Об управлении Китаем. — Т. 3. изд. — Москва: Foreign Languages Press, 2020. — 408 с. — С. 215-221.

[329] Верченко, А. Л. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2022. — Т. 27, № 27. — С. 71–83.

[330] Там же.

[331] Официальный аккаунт Министерства иностранных дел КНР в WeChat. Публикации по инициативе «Один пояс – один путь». 2023.

[332] Верченко А.Л. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2022. — Т. 27, №27. — С. 71–83.

Это соответствует марксистскому подходу к исторической миссии социалистического государства в формировании нового мирового порядка, где каждая страна, независимо от размера и уровня развития, имеет право голоса и доступа к ресурсам. Идея сообщества затрагивает и экологическую повестку. С учётом глобальных климатических изменений, Китай всё активнее продвигает подход «зелёного развития» и устойчивого взаимодействия. Это, в частности, выражается в формировании «зелёного Шёлкового пути» как одного из направлений инициативы ОПОП[333]. Здесь делается акцент на ответственности государств за общее будущее и на необходимости совместных действий по сохранению природных ресурсов. В своих выступлениях Си Цзиньпин не раз отмечал, что «человечество живёт в одном мире и должно стремиться к совместному процветанию, безопасности и устойчивому развитию»[334]. Это можно рассматривать как выражение идеи взаимозависимости и солидарности, которая постепенно занимает заметное место в идеологическом оформлении современной внешней политики Китая. Концепция «Сообщества единой судьбы человечества» важна не только для понимания внутренних процессов в стране, но и для оценки её роли в международных отношениях. Она связана с переходом к модели глобального управления, где большее значение придаётся многосторонности, взаимной выгоде и уважению культурного разнообразия[335].

Цивилизационный подход и культурный обмен. В рамках ОПОП акцент делается не только на экономическом взаимодействии[336], но и на развитии диалога между культурами. Возможно, это должно способствовать лучшему взаимопониманию и снижению конфликтности в международных отношениях. В

---

[333] Бояркина А.В. Китайская инициатива «Пояс и путь» в контексте концепции Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества» // Theories and Problems of Political Studies. — 2020. — №9. — С. 120–126.

[334] Си Цзиньпин выступление на XIX съезде КПК, 2017 г. [Электронный ресурс] // Российский сайт китайских новостей. – Режим домтупа: http://russian.china.org.cn/china/txt/2017-10/19/content_41745988.htm

[335] Верченко А.Л. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» // Китай в мировой и региональной политике. — «История и современность». — 2022. — Т. 27, №27. — С. 71–83.

[336] Ломанов А.В. Инновация и традиция в трактовке демократии в современной идеологии КПК // Полис. Политические исследования. — 2023. — №5. — С. 88–105.

таком ключе китайская внешнеполитическая линия в рамках инициативы трактуется как попытка отойти от западоцентричной модели глобализации и усилить акцент на равноправном взаимодействии различных цивилизаций[337] Он предполагает развитие межцивилизационного диалога, укрепление взаимного доверия и обмена знаниями. Это отражается в стремлении Китая выступать как «мост» между различными регионами и моделями развития[338].

Согласно заявлениям Си Цзиньпина, реализация инициативы должна «соединить государства не только железными дорогами и морскими путями, но и общими ценностями дружбы, сотрудничества и взаимного уважения» [339] . Цивилизационный подход ОПОП предполагает отказ от концепции «столкновения цивилизаций», предложенной С. Хантингтоном, и продвижение идеи «гармоничного сосуществования», где каждая культура имеет право на собственный путь развития и участие в глобальном управлении[340].

Идеологическая база ОПОП объединяет марксистский анализ глобализации, конфуцианскую этику гармонии, стратегию построения сообщества единой судьбы и цивилизационный подход к международным отношениям. Эти основы задают проекту особый характер, отличающий его от традиционных геополитических инициатив, и формируют образ Китая как ответственного мирового лидера.

В отличие от западных моделей «мягкой силы», ориентированных на культурную универсализацию, китайский цивилизационный подход в рамках ОПОП подчинён задаче институционального доверия и долгосрочной стабильности партнёрств.

Главными инструментами реализации инициативы стал культурный обмен как инструмент укрепления сотрудничества: расширение гуманитарных связей и обменов

---

[337] Там же.

[338] Ли, Ч. Диалектика Си Цзиньпина и китайская модернизация // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2023. — Т. 29, № 3. — С. 220–240.

[339] Си Цзиньпин. Об управлении Китаем. — Т. 3. изд. — М.: Foreign Languages Press, 2020. — 408 с. — С. 180–190

[340] Верченко А.Л. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2022. — Т. 27, №27. — С. 71–83.

в сфере образования, науки, искусства и туризма. Китай активно создаёт культурные институты и программы, поддерживающие этот процесс: «Институты Конфуция» в странах-участницах инициативы способствуют изучению китайского языка и культуры, формированию позитивного имиджа Китая[341].

Программы академических обменов и стипендии для студентов из стран-партнёров стимулируют научное сотрудничество и подготовку специалистов в сфере международных отношений и экономики[342]. Сотрудничество в сфере медиа и киноиндустрии, направленное на создание совместных культурных продуктов и популяризацию идеи мирного развития Китая[343].

ОПОП укрепляет позиции Китая в международных организациях, содействует созданию новых форматов сотрудничества (например, Китай + Центральная Азия, 17+1). Эти механизмы создают альтернативу западным институтам глобального управления[344].

Тем самым инициатива демонстрирует, каким образом результаты государственных и партийных реформ трансформируются во внешнеполитические механизмы долгосрочного глобального позиционирования Китая и расширения его институционального присутствия в мировой политике.

Китайская стратегия в этой области опирается на концепцию «мягкой силы», призванной дополнять экономические и политические механизмы влияния культурной дипломатией. Как отмечает Бояркина, культурные проекты в рамках ОПОП способствуют «формированию новой идентичности международного взаимодействия, основанной на уважении традиций и взаимной выгоде»[345].

---

[341] Бояркина А.В. Китайская инициатива «Пояс и путь» в контексте концепции Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества» // Theories and Problems of Political Studies. — 2020. — №9. — С. 120–126.

[342] Троцук И. Дискурсивные репрезентации (капиталистических) итогов "китайского экономического чуда" // Социологическое обозрение. — 2020. — Т. 19, №2. — С. 310–347.

[343] Федоренко У.В. Дипломатический курс Китая в новом десятилетии: «эпоха Си Цзиньпина» // American Scientific Journal. — 2020. — №44. — С. 29–32.

[344] Федоренко, У. В. Дипломатический курс Китая в новом десятилетии // American Scientific Journal. — 2020. — № 44. — С. 29–32.

[345] Бояркина А.В. Китайская инициатива «Пояс и путь» в контексте концепции Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества» // Theories and Problems of Political Studies. — 2020. — №9. — С. 120–126.

Цивилизационный и культурный компонент инициативы ОПОП направлен на снижение рисков недоверия и конфликтов, наращивание социального капитала международных отношений. Китай продвигает идею «пути шелка душ», где ключевыми целями являются укрепление дружбы и совместное развитие через культурную интеграцию, что рассматривается как неотъемлемый элемент построения «Сообщества единой судьбы человечества»[346].

С 2021 года Китай активизировал продвижение концепции «Зелёного шёлкового пути» (Green Silk Road) как составной части инициативы «Один пояс – один путь»[347] (ОПОП). Эта стратегия была озвучена Си Цзиньпином на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где он заявил, что Китай «откажется от строительства новых угольных электростанций за рубежом и будет увеличивать поддержку развивающихся стран в освоении зелёной энергетики и низкоуглеродного развития»[348]. Основная цель инициативы заключается в «сочетании экономического роста с экологической безопасностью», что соответствует задачам «устойчивого развития» и международным обязательствам Китая в рамках Парижского соглашения по климату[349].

Экологическое измерение инициативы «Один пояс – один путь»[350] отражает адаптацию китайской внешнеполитической стратегии к новым требованиям глобального управления и одновременно соотносится с внутренним курсом КНР на построение «экологической цивилизации» и устойчивого развития[351]. В этом контексте в рамках ОПОП формируется направление «Зелёного шёлкового пути»,

---

[346] Си Цзиньпин. Об управлении Китаем. Т. 4. — М.: Foreign Languages Press, 2022. — 171 с. — С. 90–110.

[347] Официальный аккаунт Министерства иностранных дел КНР в WeChat. Публикации по инициативе «Один пояс – один путь». 2023.

[348] Си Цзиньпин. Выступление на общем дебатном заседании 76-й сессии Генеральной Ассамблеи

[349] Международная коалиция по зелёному развитию в рамках инициативы «Пояс и Путь». Доклад о зелёном развитии 2023 года. — Пекин: China Environmental Publishing Group. — 2023. — 112 с.

[350] Официальный аккаунт Министерства иностранных дел КНР в WeChat. Публикации по инициативе «Один пояс – один путь». 2023.

[351] Международная коалиция по зелёному развитию в рамках инициативы «Пояс и Путь». Доклад о зелёном развитии 2023 года. — Пекин: China Environmental Publishing Group. — 2023. — 112 с.

ориентированное на интеграцию экономического роста с экологической ответственностью.

Существует несколько направлений «Зелёного шёлкового пути»:

1. Инвестиции в зелёную энергетику. Китай постепенно сокращает финансирование угольных проектов за рубежом и увеличивает вложения в солнечную, ветровую и гидроэнергетику. По данным Центра экологических инвестиций ОПОП, в 2022 году более 57 % новых проектов в рамках инициативы были связаны с возобновляемыми источниками энергии[352].

2. «Зелёные» инфраструктурные стандарты. В 2019 году Китай совместно с Программой ООН[353] по окружающей среде (UNEP) и Всемирным банком разработал принципы «Зелёного инвестирования ОПОП» (Green Investment Principles for Belt and Road), которые стали основой экологической сертификации проектов[354].

3. Снижение выбросов углерода и устойчивый транспорт. В рамках проектов создаются сети высокоскоростных железных дорог и экологичных портов, что позволяет сократить выбросы CO_2 в логистической сфере[355].

4. Охрана биоразнообразия и водных ресурсов. Китай развивает проекты в сфере «зелёного сельского хозяйства» и устойчивого землепользования, чтобы снизить ущерб для экосистем стран-участников инициативы[356].

В глобальной климатической политике «Зелёный шёлковый путь» позиционируется Пекином как вклад Китая в глобальное управление экологической сферой. Он позволяет: укрепить международное сотрудничество по климату; продвигать китайские стандарты экологических технологий за рубежом; усилить «мягкую силу» Китая через участие в международных проектах по устойчивому

---

[352] Официальный аккаунт Министерства иностранных дел КНР в WeChat. Публикации по инициативе «Один пояс – один путь». 2023..

[353] Организации Объединённых Наций // Организация Объединённых Наций. — 21 сентября 2021 г. — URL: https://gadebate.un.org/en/76/china

[354] Принципы зелёных инвестиций для инициативы «Пояс и Путь». — Лондон: City of London Corporation, 2019. — URL: https://www.clc.com/green-investment-principles

[355] Программа ООН по окружающей среде. Зелёное финансирование и инициатива «Пояс и Путь». — Найроби: UNEP, 2022. — 56 с. — С. 32-33.

[356] Ли С., Чэнь Л. Экологическое сотрудничество в рамках инициативы «Пояс и Путь»: китайский взгляд // Journal of Cleaner Production. — 2023. — Т. 389. — С. 135–147.

развитию[357]. Как отмечают Чжан и Ван, «экологический компонент «Пояса и пути» становится важнейшим элементом дипломатии Китая, способствуя формированию его имиджа как ответственного глобального лидера в борьбе с изменением климата»[358].

Инициатива «Один пояс – один путь»[359] представляет собой стратегический инструмент Китая для укрепления глобального влияния и формирования справедливого международного порядка. Она сочетает марксистские принципы, социализм с китайской спецификой, конфуцианскую традицию и прагматизм современной дипломатии. В долгосрочной перспективе ОПОП служит платформой для интеграции экономик, культур и политических систем различных стран в интересах устойчивого развития и коллективной безопасности, что позволяет рассматривать ОПОП как центральный механизм внешнеполитической реализации стратегии развития КНР в эпоху реформ Си Цзиньпина.

Выводы по параграфу 2.2

Инициатива «Один пояс — один путь» в политической доктрине Си Цзиньпина представляет собой не только масштабный экономико-инфраструктурный проект, но и комплексный внешнеполитический инструмент стратегического позиционирования Китая в глобальной системе международных отношений. ОПОП выполняет функцию практического воплощения ключевых идеологических установок современного китайского политического мышления, включая социализм с китайской спецификой, марксистскую критику глобальных дисбалансов, конфуцианский принцип гармонии и концепцию «сообщества единой судьбы человечества».

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что инициатива «Один пояс — один путь» является одним из наиболее наглядных проявлений государственных и партийных реформ периода правления Си Цзиньпина на международном уровне. Её

---

[357] Чжао Х. Роль Китая в глобальном климатическом управлении в рамках инициативы «Пояс и Путь» // Climate Policy. — 2023. — Т. 23, № 6. — С. 764–780.

[358] Чжан Ю., Ван С. Инициатива «Зелёный Пояс и Путь»: достижения и перспективы // Environmental Science & Policy. — 2022. — Т. 135. — С. 85–93.

[359] Официальный аккаунт Министерства иностранных дел КНР в WeChat. Публикации по инициативе «Один пояс – один путь». 2023.

институциональная архитектура отражает результаты централизации стратегического управления, усиления координирующей роли КПК и формирования новых механизмов реализации долгосрочных национальных целей.

В рамках инициативы формируется альтернативная модель международного сотрудничества, основанная на принципах равноправия, взаимной выгоды, уважения суверенитета и отказа от навязывания политических условий. Через развитие инфраструктурных проектов, расширение культурного и гуманитарного обмена, а также институционализацию новых форматов взаимодействия Китай стремится интегрировать экономические, цивилизационные и нормативные измерения глобального развития.

Особое значение в структуре ОПОП приобретает экологическое направление, представленное концепцией «Зелёного шёлкового пути», отражающее стремление КНР сочетать экономический рост с задачами устойчивого развития и глобальной климатической ответственности. В совокупности идеологические и практические аспекты инициативы «Один пояс — один путь» свидетельствуют о качественной трансформации внешнеполитической стратегии Китая от преимущественно региональной активности к формированию многоуровневой модели глобального присутствия и участия в реформировании мирового порядка.

Инициатива «Один пояс — один путь» демонстрирует, каким образом результаты государственных и партийных реформ получают внешнеполитическое воплощение на международном уровне. Сочетая идеологические установки, институциональные механизмы и практические инструменты сотрудничества, ОПОП обеспечивает интеграцию внутренней модернизации КНР с задачами её глобального позиционирования.

2.3. Позиция Китая в международных кризисах и формирование стратегии глобального присутствия: институциональный аспект

Подход Китая к международным кризисам формируется в условиях трансформации партийно-государственных институтов, обеспечивающих более

высокий уровень централизации принятия решений и координации внешнеполитической деятельности.

В начале третьего десятилетия XXI века Китай утвердился в статусе второй по величине экономики мира. Стремительный рост совокупной национальной мощи позволил Китаю занять полноправное место на международной арене, что привело к быстрому распространению зарубежных интересов страны по всему миру.

Возвышение Китая оказало значительное влияние на национальном, региональном и глобальном уровнях. Как отмечает Г. Киссинджер в своей работе «Мировой порядок»: «Китай играет ключевую роль в современном мире и является важным элементом международного порядка XXI века»[360]. В связи с этим особый интерес вызывают вопросы, касающиеся способности Си Цзиньпина разрешить кризисные ситуации: тайваньский вопрос и ситуация в Южно-Китайском море.

Си Цзиньпин в своей дипломатической стратегии по тайваньскому вопросу исходит из того, что Тайвань исторически, культурно и юридически является частью Китая. Проблема Тайваня возникла во времена гражданской войны между Гоминьданом и КПК. В результате этой войны, 1 октября 1949 года, была основана Китайская Народная Республика, а Гоминьдан отступил на Тайвань, где при поддержке иностранных сил начал противостоять центральному правительству КНР. В 2000 году Госсовет КНР в официальном документе «Принцип одного Китая и тайваньский вопрос» обозначил, что тайваньский вопрос – это следствие незавершённого разделения между двумя сторонами пролива, возникшее по окончании гражданской войны[361].

В официальной интерпретации КНР тайваньская проблема в её современном виде рассматривается как следствие вмешательства Соединённых Штатов Америки. После завершения Второй мировой войны, когда Китай ожидал ухода гоминьдановских сил и готовился к воссоединению Тайваня. США,

---

[360] Киссинджер Г. Мировой порядок / пер. с англ. — М.: АСТ, 2016. — 512 с. — С. 234.

[361] Министерство иностранных дел КНР. Принцип одного Китая и тайваньский вопрос // Официальный сайт Министерства иностранных дел КНР [Электронный ресурс]. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/twwtbps/202206/t20220606_10699030.html

воспользовавшись ситуацией, возникшей в ходе Корейской войны, воспрепятствовали этому процессу, открыто выступив против коммунистических сил. В 1950 году Седьмой флот США был направлен в Тайваньский пролив, что стало серьезным препятствием на пути освобождения Тайваня материковым Китаем[362].

В 1954 году между США и Тайванем было подписано соглашение о взаимной обороне[363], что создало дополнительные, практически непреодолимые трудности для китайского правительства в вопросе национального воссоединения. Несмотря на некоторое улучшение отношений между Китаем и США в 1972 году, политика США всегда была направлена на использование Тайваня в качестве инструмента сдерживания Китая, активно разыгрывая так называемую «тайваньскую карту»[364]. В результате тайваньский вопрос до сих пор остается нерешенным, представляя собой сложную и многогранную проблему в международных отношениях[365].

С вступлением в должность президента США Дональда Трампа в 2017 году американская политика в отношении Китая и Тайваня претерпела заметные изменения по сравнению с более сдержанным курсом администрации Барака Обамы. В Стратегии национальной безопасности США 2017 года Китай был обозначен как «стратегический конкурент», что отражало институциональный поворот в подходе Вашингтона к китайскому направлению внешней политики. В рамках данной стратегии Тайвань рассматривался как один из элементов реализации концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»[366].

Дальнейшее развитие данного подхода нашло отражение в «Отчёте о стратегии Индо-Тихоокеанского региона» Министерства обороны США 2019 года, где

---

[362] Office of the Historian. The Taiwan Strait Crises, 1954–1955 and 1958 // U.S. Department of State [Электронный ресурс]. — URL: https://history.state.gov/milestones/1953-1960/taiwan-strait-crises

[363] Mutual Defense Treaty between the United States of America and the Republic of China, 1954 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.taiwandocuments.org/mutual01.htm

[364] Левинсон И. Политика «одного Китая» и роль США в «тайваньском вопросе» // Международная жизнь. — 2021. — № 9. — Режим доступа: https://interaffairs.ru/news/show/35408

[365] Хо Д. В. Эволюция подходов Тайваня к проблеме национально-политической идентичности и отношениям с Китайской Народной Республикой // Новизна. Эксперимент. Традиции. — 2022. — Т. 8, № 3. — С. 68–81.

[366] The White House. National Security Strategy of the United States of America [Электронный ресурс]. — URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf

подчеркивалась обеспокоенность Вашингтона процессами военной модернизации КНР и их влиянием на региональный баланс сил[367].

Принятие в 2018 году обновлённой версии «Закона о тайваньских обменах» свидетельствовало об институционализации тайваньского направления в американской внешней политике. В период администрации Джо Байдена данная линия была в целом сохранена, что выразилось в активизации политических и военных контактов между США и Тайванем[368].

В целом, роль США в тайваньском вопросе остаётся значимым внешним фактором, влияющим на динамику китайско-американских отношений и формирование внешнеполитической стратегии КНР в условиях нарастающего стратегического соперничества.

После XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая, центральный комитет партии во главе с Си Цзиньпином[369], обобщив исторический опыт работы на Тайване и учитывая современную международную и внутреннюю обстановку, сформулировал новые идеи относительно Тайваня. В своих выступлениях по тайваньскому вопросу прослеживается последовательность, стратегическая решимость и уверенность[370].

В качестве фундаментальной предпосылки решения тайваньской проблемы, Си Цзиньпин выдвинул соблюдение «Консенсуса 1992 года», который закрепляет принцип одного Китая. Данный устный консенсус был достигнут в 1992 году между Ассоциацией материкового Китая по связям через Тайваньский пролив и Фондом обмена Тайваньскими проливами. Си Цзиньпин постоянно подчеркивает важность этого консенсуса. XVIII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая

---

[367] The White House. Indo-Pacific Strategy of the United States. — URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf

[368] Ломанов А. От воссоединения к национальному возрождению: современный китайский взгляд на проблему Тайваня // Пути к миру и безопасности. — 2022. — № 2. — С. 150–174.

[369] Бояркина А. В. Китайская инициатива «Пояс и путь» в контексте концепции Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества» // Theories and Problems of Political Studies. — 2020. — № 9. — С. 120–126.

[370] Там же.

впервые включил в отчет партии следование «Консенсусу 1992 года», указав на его значение как незыблемого политического документа[371].

Твердая позиция Си в решении тайваньской проблемы заключается в противодействии и сдерживании любой формы «независимости Тайваня». Начиная с XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая и до настоящего времени мысли Си против «независимости Тайваня» можно разделить на два этапа.

1. До 2016 году лидер Тайваня Ма Инцзю следовал принципу одного Китая и признавал «Консенсус 1992 года», что подразумевало развитие положительных отношений между двумя сторонами Тайваньского пролива в этот период и накопление политического взаимного доверия. В этот период важные дискуссии Си о противодействии «независимости Тайваня» демонстрировали умеренность[372].
2. С приходом к власти Цай Инвэнь в 2016 году ситуация в Тайваньском проливе заметно усложнилась и приобрела более напряжённый характер. Тайваньское руководство в ряде случаев отходило от положений «Консенсуса 1992 года» в стремлении расширить собственное политическое пространство и усилить линии, связанные с идеей независимости острова. На этом фоне активизировались различные течения, продвигающие концепции «Один Китай — один Тайвань» и «независимость Тайваня». Подобные тенденции воспринимаются как фактор риска для национальных интересов и территориальной целостности, а также как источник дополнительной нестабильности в регионе и осложнения отношений между материковым Китаем и Тайванем[373].

---

[371] Балуев Д. Г. Историческое влияние выборов на Тайване 2016 года на регион и развитие международных отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2016. — № 6. — С. 9–16.

[372] Денисов И. Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. — 2020. — Т. 11, № 4. — С. 42–52.

[373] Казанин М. В. Китайско-тайваньские отношения: до и после встречи Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента Китайской Республики (Тайваня) Ма Инцзю в ноябре 2015 г. // Этносоциум и межнациональная культура. — 2015. — № 12. — С. 138–145.

В высказываниях председателя КНР Си Цзиньпина по тайваньскому вопросу заметно усилилась жёсткость формулировок. Он неоднократно указывает на то, что диалог и сотрудничество между материковым Китаем и Тайванем возможны только при условии отказа Демократической прогрессивной партии от курса на независимость [374]. Согласно официальной позиции КНР, процесс воссоединения рассматривается как единственно приемлемый вариант развития событий, а любые действия, направленные на подрыв территориальной целостности Китая, категорически неприемлем [375]. В этом контексте Си Цзиньпин подчеркнул, что правительство Китая не допустит, чтобы какая-либо организация или политическая сила способствовала отделению Тайваня от КНР[376]. Данная позиция была закреплена в отчетных документах XIX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая[377].

На торжественном мероприятии, посвященном 40-летию публикации «Письма соотечественникам на Тайване», председатель КНР Си Цзиньпин в очередной раз подчеркнул, что Китай не отказывается от возможности применения силы в отношении тайваньского вопросе. В последнее время риторика китайского лидера по тайваньскому вопросу становится все более жесткой и решительной[378].

Характерной иллюстрацией практической реализации жёсткой линии Пекина в тайваньском вопросе на европейском направлении стал инцидент с Литвой. В 2021 году Литва, грубо нарушив принцип «одного Китая», открыла так называемое «Тайваньское представительство», несмотря на многочисленные протесты и

---

[374] Ломанов А. От воссоединения к национальному возрождению: современный китайский взгляд на проблему Тайваня // Пути к миру и безопасности. — 2022. — № 2. — С. 150–174.
[375] Принцип одного Китая и тайваньский вопрос // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/twwtbps/202206/t20220606_10699030.html
[376] Балуев Д. Г. Историческое влияние выборов на Тайване 2016 года на регион и развитие международных отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2016. — № 6. — С. 9–16.
[377] Доклад Си Цзиньпина на XIX съезде Коммунистической партии Китая // Информационный портал КПК. URL: http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660.html
[378] Дикарев А. Д. Белые книги Пекина по тайваньскому вопросу: преемственность и новации // Китай – безграничный источник мудрости. — 2024. — Т. 1, № 6. — С. 26–42.

заявления со стороны Китая. Этот шаг создал опасный прецедент в международном сообществе, фактически продвигая концепцию «Один Китай – Один Тайвань»[379].

В ответ на провокационные действия Литвы, Министерство иностранных дел КНР немедленно выступило с заявлением о понижении уровня дипломатических отношений с Литвой до уровня поверенного в делах. Данное решение стало серьезным предупреждением для Литвы о недопустимости посягательств на коренные интересы Китая, а также продемонстрировало твердую решимость Пекина защищать национальный суверенитет и территориальную целостность страны[380].

В этом контексте необходимо обратить внимание на то, что философский подход Си Цзиньпина базируется на концепции формирования единого сообщества по обе стороны Тайваньского пролива, где ключевым принципом выступает идея «одной семьи». Впервые данная концепция была озвучена Си Цзиньпином в 2013 году на встрече с Сяо Ваньчаном, где он подчеркнул важность кровных уз, общей истории и культуры, которые объединяют народы по обе стороны пролива. Си Цзиньпин подчеркнул значимость кровных уз, общей истории и культуры как основы единства по обе стороны пролива[381].

В 2013 году на встрече с председателем Народной партии Сун Чу-юем, Си Цзиньпин вновь обратился к концепции «одной семьи по обе стороны Тайваньского пролива», подчеркнув, что искренность обеих сторон может преодолеть существующие разногласия. Концепция «Две стороны Тайваньского пролива – одна семья» – это не только концепция, но и практическая стратегическая задача. В этой связи Си Цзиньпин отмечает, что китайский народ должен помочь другому китайскому народу»[382]. Экономическое и торговое сотрудничество между двумя сторонами Тайваньского пролива характеризуется взаимодополняемостью и

---

[379] Виноградов А. О., Данилюк С. А. Отношения КНР с тремя прибалтийскими странами — Эстонией, Латвией и Литвой — в контексте китайско-европейских отношений // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2023. — Т. 28, № 28. — С. 57–76.

[380] Виноградов И. С. КНР и страны Балтии: проблемы сотрудничества // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. — 2022. — № 2. — С. 71–81.

[381] Каимова А. С., Денисов И. Е. Статус Тайваня и эволюция тайваньской идентичности // Сравнительная политика. — 2022. — Т. 13, № 1. — С. 116–138.

[382] Си Цзиньпин об управлении Китаем. — Том 3 изд. — М.: Foreign Languages Press, 2020. — 620 с. — С. 408.

приносит очевидные преимущества обеим сторонам. За последние годы это сотрудничество достигло значительных успехов, о чем свидетельствуют плодотворные результаты. Тайваньские предприниматели активно инвестируют и развивают свой бизнес на материковой части Китая, внося существенный вклад в экономические реформы, политику открытости, а также социально-экономическое развитие как Тайваня, так и материкового Китая.

После XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая, центральный комитет партии во главе с Си Цзиньпином принял ряд политических мер, направленных на улучшение условий работы, жизни и учебы для тайваньских соотечественников, что позволило им воспользоваться преимуществами развития материкового Китая[383].

Долгосрочная цель Си в решении тайваньской проблемы состоит в воссоединения стран Тайваньского пролива и великого возрождения китайской нации. США, Япония и другие антикитайские силы, а также силы Демократической прогрессивной партии, выступающие за независимость Тайваня, являются крупнейшими препятствиями и сопротивлением на пути решения тайваньской проблемы. Общая тенденция исторического развития состоит в том, что «Родина должна воссоединиться», а «объединение ведет к силе, разделение ведет к хаосу»[384].

Что касается практических действий, Си уделяет внимание молодому поколению Тайваня и рационально распределяет дивиденды мирного развития между двумя сторонами Тайваньского пролива.

В контексте политической целесообразности национального воссоединения, КНР реализует комплекс мер, направленных на стимулирование экономического и торгового сотрудничества с Тайванем, содействуя мирному развитию отношений. Сопротивление части тайваньского социума развитию двусторонних связей

[383] Верченко А. Л. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2022. — Т. 27, № 27. — С. 71–83.
[384] Федоренко У. В. Дипломатический курс Китая в новом десятилетии: «Эпоха Си Цзиньпина» // American Scientific Journal. — 2020. — № 44. — С. 29–32.

представляет собой вызов, который получил высокую оценку в политической повестке Си Цзиньпина[385].

Си Цзиньпин в своих выступлениях, касающихся распределения дивидендов между двумя сторонами Тайваньского пролива, уделяет особое внимание необходимости поддержки малообеспеченных слоев населения. Он подчеркивает важность создания благоприятных условий для развития молодежи, простых людей, малых и средних предприятий, фермеров и рыбаков, проживающих по обе стороны пролива. Председатель КНР отмечает, что чем больше людей с обеих сторон Тайваньского пролива будут вовлечены в сотрудничество и развитие, тем больше выгод они получат. Под руководством этой идеи материковый Китай извлекает пользу из дивидендов, которые возникают благодаря сотрудничеству между двумя сторонами. Приоритет отдается молодежи и простым людям, для которых создаются наилучшие условия для развития: возможность тайваньской молодежи обучаться, заниматься предпринимательством и трудоустраиваться на территории КНР. Это способствует укреплению связей между двумя сторонами. Также уделяется внимание расширению сотрудничества между малыми и средними предприятиями, а также в области сельского хозяйства и рыболовства[386].

Под руководством китайского лидера в последние годы культурные обмены принесли значительные результаты. Успех таких мероприятий, как «Выставка культурных реликвий Цин Шицзун» и подобных, свидетельствует о большом интересе населения к культурному наследию. Музеи по обе стороны пролива совместно организовали «Выставку обмена Тан Саньцай», что стало новым этапом в сотрудничестве в области культурных реликвий. В сфере искусства артисты с обеих сторон представили совместные проекты, такие как драма «Мечта, как мечта», которая получила признание публики[387].

---

[385] Перминова В. А. Историческая память на Тайване и её влияние на отношения Токио и Тайбэя при президенте Ма Инцзю (2008–2016 гг.) // Японские исследования. — 2020. — № 3. — С. 107–122.
[386] Забровская Л. В. Китай в эпоху Си Цзиньпина: возврат к принципам марксизма // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2023. — Т. 25, № 1. — С. 106–120.
[387] Кочешков Г. А. Выборы 2020 года на Тайване в контексте ситуации в тайваньском проливе и американо-китайского конфликта // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. — 2020. — № 7. — С. 34–44.

В области народных обычаев, стороны совместно проводили поклонение Фуси и Хуанди, а также «Фестиваль культуры Конфуция». В идеологической сфере был проведен «Форум китайской культуры», направленный на содействие культурному обмену. Си Цзиньпин подчеркивает, что культурная идентичность является основой духовного согласия, и ее укрепление приводит к гармонии между двумя сторонами[388].

Несмотря на стремление к национальному становлению и объединению, Китай, согласно «Письму Си соотечественникам на Тайване», не исключает возможности применения силы для достижения этой цели. Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал, что национальные интересы Китая являются приоритетными и не подлежат компромиссу. В условиях отсутствия мощной военной поддержки невозможно гарантировать национальное единство и территориальную целостность страны. Сильная армия рассматривается как инструмент для обеспечения безопасности и достижения целей, связанных с «объединением силой». Укрепление вооруженных сил является важной мерой для усиления влияния Китая на международной арене и защиты его национальных интересов[389].

Таким образом, тайваньский вопрос в стратегии Си Цзиньпина выступает ключевым элементом защиты территориальной целостности и национального суверенитета, реализуемым через сочетание политического давления, экономических стимулов и идеологической мобилизации.

Реализация данной стратегии стала возможной благодаря усилению координирующей роли партийно-государственных институтов в период реформ Си Цзиньпина, что обеспечило более высокий уровень согласованности дипломатических, экономических и информационных инструментов воздействия.

Для систематизации инструментов реализации политики КНР в тайваньском направлении целесообразно представить их в обобщённом виде (см. таблицу 1).

---

[388] Каретина Г. С. Конфуцианство в процессе модернизации Китая // Известия Восточного института. — 2015. — № 2. — С. 3–9.

[389] Буров В. Г. Программа социально-экономического развития Китая: к итогам XX съезда КПК // Азия и Африка сегодня. — 2023. — № 4. — С. 13–24.

Таблица 1. Основные инструменты политики КНР в тайваньском вопросе[390][391]

Инструмент	Содержание
Политический	Принцип «одного Китая», дипломатическое давление
Экономический	Интеграция экономик, инвестиции, льготные условия
Военный	Демонстрация силы, фактор сдерживания
Идеологический	Концепция «одной семьи», культурная общность

Представленные инструменты демонстрируют комплексный характер стратегии КНР, сочетающей элементы «жёсткой» и «мягкой» силы, что позволяет Пекину одновременно оказывать давление и формировать долгосрочную основу для интеграции.

Следует отметить, что подобное сочетание инструментов отражает общую тенденцию реформируемой системы управления КНР к интеграции партийных, государственных и внешнеполитических механизмов в рамках единого стратегического курса.

Аналогичная логика прослеживается и в подходах КНР к другим региональным кризисам, прежде всего в Южно-Китайском море, где Пекин также сочетает инструменты «жёсткой» и «мягкой» силы. Исторически сложилось так, что при династии Цин Китай, ослабленный внутренними проблемами и внешней агрессией, утратил контроль над своими территориальными водами в Южно-Китайском море[392]. В результате суверенитет Китая, а также его исконно морские права и интересы на протяжении тысячелетий систематически нарушались иностранными державами.

Современный спор вокруг Южно-Китайского моря представляет собой довольно сложную и многослойную ситуацию, не просто набор двусторонних разногласий. Он затрагивает не только отношения Китая с соседними странами, такими как Вьетнам и Филиппины, но и более широкий круг региональных взаимодействий. Дополнительное напряжение создаёт участие США и других

[390] Xi Jinping. The Governance of China. Vol. 1–4. Beijing: Foreign Languages Press
[391] State Council PRC. The Taiwan Question and China’s Reunification in the New Era (2022).
[392] Сяоюй Ч. Позиция Китая по вопросу Южно-Китайского моря: от поддержания стабильности к защите прав // Международные отношения. — 2024. — № 1. — С. 101–112.

внешних игроков, что усложняет общий баланс. Китаю приходится одновременно отстаивать свои претензии и искать способы урегулирования споров. В целом их можно свести к нескольким ключевым направлениям: это вопросы суверенитета над островами, разграничения морских пространств, доступа к ресурсам и свободы судоходства[393].

Споры о суверенитете в Южно-Китайском море в основном касаются островов Наньша. После 1970-х годов, под влиянием экономических, исторических, правовых и других факторов, Вьетнам, Филиппины, Бруней[394] и Малайзия последовательно оккупировали некоторые острова и рифы над водой на китайских островах Наньша, и каждая из этих стран заявила о своем суверенитете над этими территориями[395].

При этом китайская коммунистическая партия всегда придерживалась позиции, что Китай обладает неоспоримым суверенитетом над островами Южно-Китайского моря. Китайское правительство выступает против незаконных действий Вьетнама, Филиппин и других стран, которые игнорируют исторические факты и оккупируют китайские острова Наньша. В настоящее время Китай фактически контролирует девять островов и рифов на островах Наньша, включая риф Огненный Крест, риф Чигуа и риф Мисчиф.

Что касается вопроса определения морских границ, то в Южно-Китайском море морская территория в пределах традиционных территориальных линий Китая составляет примерно более 2 миллионов квадратных километров, из которых, по оценке источника, примерно 1,54 миллиона квадратных километров заняты следующими странами (см. таблицу 2)[396].

Таблица 2. Подробный список территории, занимаемой странами, окружающими Южно-Китайское море[397]

[393] Там же.
[394] Ломанов А. В. Внешнеполитическая идеология Китая в преддверии XX съезда КПК // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2022. — Т. 27, № 27. — С. 25–41.
[395] Там же.
[396] Дикарев А. Д. О формировании позиции Тайваня относительно прав на объекты и пространства Южно-Китайского моря // Проблемы Дальнего Востока. — 2021. — № 4. — С. 38–52.
[397] GeeksforGeeks. Disputes in the South China Sea [Электронный ресурс]. — URL: https://www.geeksforgeeks.org/upsc/disputes-in-the-south-china-sea/

Страна	Филиппины	Вьетнам	Малайзия	Бруней	Индонезия
Площадь спорных акваторий/ районов (оценка), км^2	Около 1,17 млн	Около 420 000	Около 270 000	Около 50 000	Около 35 000

Многолетние разногласия по поводу суверенитета островов и рифов[398], а также делимитации морских границ привели к сложной и тупиковой ситуации в освоении ресурсов Южно-Китайского моря, что также сопровождается проблемами свободы судоходства.

После решения Южно-Китайского морского арбитража в 2016 году отношения между Китаем и соседними странами обострились. Заинтересованные страны активизировали взаимодействие с крупными державами за пределами региона, такими как США и Япония, по проблеме Южно-Китайского моря. Новое правительство Филиппин заняло сдержанную позицию и не использовало арбитражное решение для обострения проблем. Вместо этого государство выразило готовность участвовать в двусторонних переговорах с Китаем по проблеме Южно-Китайского моря[399].

В связи с изменением политики Филиппин в Южно-Китайском море ситуация начала демонстрировать тенденцию к разрешению конфликта. В последние три года Китай активно вёл переговоры со странами, имеющими выход к Южно-Китайскому морю. По ряду направлений удавалось сглаживать разногласия и удерживать диалог в рабочем русле. Параллельно предпринимались попытки наладить сотрудничество в сфере разработки нефти и газа в спорных районах. Одновременно, как один из способов снизить напряжённость в регионе, продвигалось обсуждение «Кодекса поведения в Южно-Китайском море»[400].

---

[398] Там же.

[399] Сяоюй Ч. Позиция Китая по вопросу Южно-Китайского моря: от поддержания стабильности к защите прав // Международные отношения. — 2024. — № 1. — С. 101–112.

[400] Королев А. С., Стрельникова И. А. Проблема южно-китайского моря: пять лет после решения международного арбитража // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2021. — Т. 3, № 3. — С. 51–64.

После смены власти акцент на Филиппинах сместился в сторону внутреннего экономического развития. В ноябре 2018 года Си Цзиньпин посетил страну с государственным визитом по приглашению Родриго Дутерте. В ходе переговоров стороны договорились активнее использовать уже существующие каналы взаимодействия — в том числе между береговой охраной и оборонными структурами, а также механизмы диалога и связи. Отдельно обсуждалось сотрудничество в реагировании на чрезвычайные ситуации на море. В повестке затрагивались также вопросы участия Филиппин в инициативе «Один пояс — один путь» и расширения морского сотрудничества, включая разведку и добычу нефти и газа[401].

Несмотря на решение международного арбитража по Южно-Китайскому морю, отношения Китая и Вьетнама в целом не ухудшились, во многом за счёт взаимной сдержанности сторон. Визит премьер-министра Вьетнама Нгуен Суан Фука в Китай в сентябре 2016 года стал первым визитом высокопоставленного вьетнамского чиновника в Китай после XII Национального конгресса Коммунистической партии Вьетнама[402].

В ходе своих бесед Нгуен Суан Фук неоднократно подчеркивал приоритетность вьетнамско-китайских отношений во внешней политике Вьетнама, отмечая положительную динамику развития отношений между двумя странами и готовность Вьетнама укреплять политическое взаимное доверие с Китаем и конструктивно разрешать разногласия. Проблема Южно-Китайского моря была обозначена как единственная сложная проблема в двусторонних отношениях, решение которой может быть отложено для следующих поколений. В ноябре 2017 года Си Цзиньпин посетил Вьетнам с ответным визитом. В последние годы, благодаря совместным усилиям, Китай и Вьетнам установили более тесное партнерство, демонстрируя

[401] Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Филиппины // People's Daily. — 2018. — С. 25.
[402] Министерство образования и науки Китая. Встреча Си Цзиньпина с премьер-м министром Вьетнама Нгуеном Суан Фуком (13 сентября 2016 г.) // Официальный сайт МИД КНР. — 2016. — URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/

готовность к мирному разрешению споров в Южно-Китайском море путем сотрудничества и предотвращения эскалации ситуации[403].

В 2024–2025 гг. конфликтность в Южно-Китайском море сохранялась прежде всего вокруг районов, где происходят регулярные контакты береговой охраны и флотов (в частности, у Второй отмели Томаса и других спорных точек), включая инциденты при сопровождении и снабжении, взаимные обвинения в опасном маневрировании и повреждениях судов. На этом фоне предпринимались попытки процедурной деэскалации (в т.ч. через договорённости о порядке отдельных миссий снабжения), однако они не устранили фундаментальные расхождения сторон по вопросам суверенитета и правового режима акватории[404].

Рассмотренные кейсы Тайваня и Южно-Китайского моря позволяют выявить общие черты кризисного управления КНР, основанные на приоритете суверенитета, институционализированном диалоге и отказе от односторонних уступок, что вписывается в более широкую концепцию внешнеполитической стратегии Китая в условиях глобальной трансформации.

Одновременно данные примеры демонстрируют практические результаты институциональных преобразований периода Си Цзиньпина, в рамках которых внешнеполитические решения всё в большей степени интегрируются в систему централизованного стратегического планирования и партийного контроля.

В условиях динамичных и зачастую конфликтных трансформаций международной системы, Китай занимает позицию, основанную на принципах многосторонности, суверенитета и отсутствия насилия, что отражает традиции китайской дипломатии и стратегию национальной безопасности. Позиция КНР в международных кризисах связана с укреплением роли страны как конструктивного участника глобального управления и формированием модели глобального

---

[403] Тангсотх Л. Участие АСЕАН в решении споров в Южно-Китайском море // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2024. — Т. 26. — № 2. — С. 128–135.

[404] Reuters. Philippines, China spar in South China Sea after incidents near Second Thomas Shoal [Электронный ресурс]. — URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/rift-deepens-between-philippines-china-over-south-china-sea-2025-10-13/?utm_source=chatgpt.com

присутствия, отличающейся сочетанием прагматизма, институциональных инноваций и идеологической основательности.

Концептуальной основой внешней политики является идея «сообщества единой судьбы человечества» (community of shared future for mankind), которую неоднократно акцентировал Си Цзиньпин в своих выступлениях на международных форумах. Как отмечает исследователь Чжан Я., данная концепция «представляет собой интегративную парадигму, которая призвана стать теоретической и практической основой новой модели глобального управления, учитывающей взаимосвязь государств, народов и планеты в целом»[405]. В этом высказывании отображается подход Китая к решению международных проблем — через диалог, сотрудничество и уважение суверенитета.

Данная концепция получила институциональное закрепление в ходе партийных и государственных реформ и стала одним из идеологических ориентиров внешнеполитической деятельности КНР в условиях расширения её глобального присутствия.

Пандемия COVID-19 стала одним из примеров, на котором Китай стремился показать свою роль в глобальном антикризисном реагировании. В этот период Пекин активно поставлял медицинские материалы и вакцины, прежде всего в развивающиеся страны. Параллельно продвигалась идея усиления международного сотрудничества в сфере здравоохранения, в том числе через механизмы Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)[406]. Подобные шаги можно рассматривать и как способ укрепления внешнеполитических позиций Китая, а также формирования более благоприятного образа страны на международной арене.

Данные меры сопровождались активным продвижением концепции «вакцинной дипломатии», что позволило Китаю укрепить позиции в странах глобального Юга[407].

---

[405] Чжан Я. К вопросу о созидательности социалистического пути с китайской спецификой // Власть. — 2024. — Т. 32, №1. — С. 208–214.

[406] Xinhua. China’s contribution to global COVID-19 response // Xinhua News Agency, 2021. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-05/25/c_139968306.htm

[407] WHO. *Global COVID-19 Response Report*, 2023.

Инициатива «Пояс и путь» (BRI) в экономическом плане выходит за рамки обычного инфраструктурного проекта. Её реализация затрагивает регионы с разной степенью нестабильности — от Центральной Азии до Африки и Юго-Восточной Азии — и связана с попытками поддерживать там развитие и относительную устойчивость. В исследовательской литературе отмечается, что BRI влияет не только на экономику. По наблюдению П. Сабакки, инициатива также способствует институциональному сближению стран и в определённой мере формирует альтернативу привычным западным моделям влияния[408].

Развитие многосторонней дипломатии Китая заметно связано с его участием в новых международных форматах и созданием собственных площадок взаимодействия. Например, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (AIIB) и Форум по сотрудничеству Китай — Африка (FOCAC). Эти структуры ориентированы на более гибкие формы партнёрства и, как правило, не предполагают жёстких политических условий. В научной литературе такая тактика часто рассматривается как часть более широкой линии на формирование многополярного порядка. В частности, П.В. Трощинский обращает внимание на то, что речь идёт о стремлении Китая закрепить за государствами более активную роль в формировании глобальной повестки[409].

В региональной политике Китая, особенно в вопросах Южно-Китайского моря и ситуации на Корейском полуострове, прослеживается стремление опираться на принципы территориальной целостности и мирного урегулирования. Обычно акцент делается на политическом диалоге и поиске решений без внешнего вмешательства. Такой подход соотносится с нормами международного права и устоявшейся дипломатической практикой. В то же время Китай достаточно жёстко реагирует на вопросы, затрагивающие его суверенитет, что периодически становится источником разногласий с другими странами.

---

[408] Subacchi, P. The AIIB and the Challenge to the Global Financial Order // Foreign Affairs, 2017. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2017-04-18/aiib-and-challenge-global-financial-order

[409] Трощинский П. В. Правовая культура Китая: от традиции к современности // «Закон». — 2022. №9. — С. 16–29.

Отдельное внимание Китай уделяет и инструментам «мягкой силы» — прежде всего в отношении сфер культуры, образования и технологий. Расширяется сеть Институтов Конфуция, активнее продвигается китайский язык, используются и цифровые каналы взаимодействия. Всё это в целом работает на укрепление международных связей и постепенно расширяет присутствие Китая за рубежом, формируя более благоприятное отношение к стране[410].

В 2024–2026 гг. обострение стратегической конкуренции между Китаем и США, а также рост напряженности вокруг Тайваня и в Южно-Китайском море усилили значение кризисного управления во внешней политике КНР. В том числе усиливается противостояние в экономической сфере, связанное с торговыми ограничениями, тарифной политикой и технологическим соперничеством между двумя странами[411]. Как отмечают аналитики, трансформация торговых потоков и ужесточение тарифных мер свидетельствуют о долгосрочном характере экономического противостояния США и Китая[412]. В официальных аналитических материалах США Китай рассматривается как стратегический конкурент, что институционализирует конфронтационную модель двусторонних отношений[413]. При этом сохраняется высокая степень взаимозависимости экономик, несмотря на рост тарифных барьеров и ограничений в торговле[414]. В этих условиях Китай стремится сочетать демонстрацию силы с контролируемой деэскалацией, избегая прямой военной конфронтации, но одновременно последовательно расширяя своё стратегическое присутствие в ключевых регионах[415].

---

[410] Шарипов Ф. Ф., Чжу Ч. Инновации в сфере информационных технологий КНР // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2021. — Т. 20, №1. — С. 41–49.
[411] The U.S.-China Trade Relationship: What's Behind the Competition? // Council on Foreign Relations. – URL: https://www.cfr.org/backgrounders/contentious-us-china-trade-relationship
[412] Bown C. P. The Trump-China Trade Wars: Five Takeaways from U.S. Imports in 2025 // Peterson Institute for International Economics. – URL: https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/2026/trump-china-trade-wars-five-takeaways-us-imports-2025
[413] Sutter K. M. U.S.-China Trade Relations // Congressional Research Service. – URL: https://www.congress.gov/crs-product/IF11284
[414] Huld A. Breaking Down the US-China Trade Tariffs: What's in Effect Now? // China Briefing. – URL: https://www.china-briefing.com/news/us-china-tariff-rates-2025/
[415] IISS. *The Military Balance 2025*. – London: Routledge, 2025.

Выводы по параграфу 2.3

Позиция КНР в международных кризисах при Си Цзиньпине формируется как сочетание принципа суверенитета и невмешательства с прагматичной стратегией укрепления регионального и глобального присутствия.

Такая модель кризисного реагирования стала возможной в результате внутренних партийно-государственных реформ, направленных на усиление централизованного стратегического планирования, координации внешнеполитических институтов и персонализацию ответственности за принятие решений.

На ситуациях Тайваня и Южно-Китайского моря проявляется линия на защиту «коренных интересов» при одновременном использовании дипломатических и экономических инструментов де-эскалации и управляемости конфликтов. В более широком контуре внешнеполитическая логика опирается на идеологические концепты («сообщество единой судьбы человечества») и институциональные механизмы участия в глобальном управлении, что позволяет КНР позиционировать себя как ответственного актора, одновременно сохраняя пространство для жёсткого отстаивания национальных приоритетов.

В условиях нарастающей турбулентности международной системы и усиления конкуренции с США данная модель приобретает дополнительное значение как инструмент стратегической устойчивости КНР. Китайская стратегия кризисного реагирования ориентирована не столько на разрешение конфликтов как таковых, сколько на их контролируемое управление посредством институтов, сформированных и укреплённых в ходе партийно-государственных реформ периода Си Цзиньпина. Именно это позволяет КНР использовать кризисные ситуации как инструмент укрепления собственного глобального присутствия и продвижения альтернативного видения мирового порядка.

Выводы по главе 2

Во второй главе диссертационного исследования был проведён комплексный анализ внешнеполитического курса КНР в период руководства Си Цзиньпина, позволивший выявить системный характер трансформации механизмов глобального позиционирования Китая в условиях изменяющейся международной среды.

Во внешней политике КНР в этот период заметно прослеживается связь с внутренними преобразованиями. Речь идёт, в частности, о так называемых институциональных новациях, которые во многом вырастают из логики проводимых партийно-государственных реформ. Через них внешнеполитический курс оказывается тесно привязан к задачам повышения управляемости и координации. При этом усиливается роль партии, более жёстко выстраивается система стратегического планирования, появляются дополнительные механизмы согласования решений. Всё вместе это делает внешнюю политику более цельной, управляемой и адаптированной к условиям растущей международной конкуренции.

Тем самым внешнеполитическая активность КНР выступает не самостоятельным направлением развития, а продолжением логики партийно-государственных преобразований периода Си Цзиньпина.

Наряду с институциональными и внешнеполитическими факторами, значительное влияние на стратегию развития КНР оказывают демографические процессы, включая старение населения и трансформацию структуры трудовых ресурсов, что усиливает значимость проводимых реформ[416].

Инициатива «Один пояс — один путь» в работе рассматривается шире, чем просто экономический или инфраструктурный проект. По сути, она выступает как один из инструментов выстраивания иной модели глобального взаимодействия. При её анализе обращается внимание на сочетание практических механизмов экономической дипломатии с идейными установками. Речь идёт, в частности, о марксистских представлениях о развитии, конфуцианской идее гармонии и концепции «сообщества единой судьбы человечества». Это позволяет Китаю

[416] World Bank. China | Data [Электронный ресурс]. – URL: https://data.worldbank.org/country/china

позиционировать инициативу как вклад в устойчивое развитие, снижение глобальных диспропорций и формирование модели совместного процветания.

Одновременно ОПОП выполняет функцию институционального расширения реформаторского курса КНР за пределы национальных границ, обеспечивая внешнее измерение стратегии китайской модернизации.

Анализ позиции Китая в международных кризисах и региональных конфликтах показал, что стратегия глобального присутствия КНР характеризуется сочетанием прагматизма, институциональных механизмов и жёсткой защиты национальных интересов. В тайваньском вопросе и ситуации в Южно-Китайском море Китай последовательно отстаивает принцип суверенитета и территориальной целостности, одновременно используя экономические, дипломатические и культурные инструменты для снижения конфликтного потенциала и предотвращения эскалации.

В целом внешнеполитическая стратегия КНР при Си Цзиньпине представляет собой многоуровневую систему, в которой институциональные инновации, идеологическая легитимация и практическая дипломатия взаимно дополняют друг друга. Такая модель позволяет Китаю не только расширять своё глобальное присутствие, но и формировать элементы альтернативного мирового порядка, основанного на принципах многосторонности, взаимной выгоды и уважения национального суверенитета. При этом реализация инициативы «Один пояс — один путь» демонстрирует как потенциал расширения экономического взаимодействия, так и наличие ограничений, связанных с долговыми рисками, политической нестабильностью в ряде стран и неоднородностью институциональной среды, что требует более гибкого подхода к развитию проектов[417].

В условиях нарастающей конкуренции с США и усиления нестабильности международной системы сформированная в результате партийных и государственных реформ модель внешнеполитического управления приобретает дополнительное значение как инструмент стратегической адаптации КНР. Это позволяет формировать устойчивую модель глобального присутствия, основанную на

[417] Skidmore D. The Complex Politics of China's Belt and Road Initiative // The Diplomat. – 2025. – URL: https://thediplomat.com/2025/09/the-complex-politics-of-chinas-belt-and-road-initiative/

сочетании институциональной устойчивости, идеологической легитимации и прагматического использования внешнеполитических инструментов. Китайская внешнеполитическая стратегия ориентирована не столько на окончательное разрешение международных противоречий, сколько на их институциональное управление и использование как ресурса для укрепления глобального влияния[418]. Это позволяет формировать устойчивую модель присутствия, сочетающую элементы сотрудничества и соперничества.

[418] The U.S.-China Trade Relationship: What's Behind the Competition? // Council on Foreign Relations. – URL: https://www.cfr.org/backgrounders/contentious-us-china-trade-relationship

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные в ходе исследования результаты позволяют комплексно осмыслить эволюцию государственного и партийного курса КНР в условиях глобальной трансформации мировой системы и уточнить роль политической доктрины Си Цзиньпина в формировании и реализации реформ современного Китая. Тем самым диссертационное исследование расширяет существующие научные представления о моделях социалистической модернизации и институциональной трансформации, а также о специфике альтернативных подходов к государственному управлению в условиях глобальных изменений. Особую значимость проведённому анализу придаёт то обстоятельство, что в исследуемый период китайская модель развития вступила в новый этап, связанный с усилением внешнеполитической и технологической конкуренции, необходимостью адаптации к структурному замедлению экономического роста и переходом к установкам 15-й пятилетней программы, ориентированной на качество роста, технологический суверенитет и внутреннюю устойчивость[419][420].

На основе анализа идейных источников марксизма, конфуцианской традиции и прагматизма эпохи реформ и открытости, а также практики государственных и партийных реформ и внешнеполитической деятельности КНР установлено, что политическая доктрина Си Цзиньпина представляет собой целостную и многослойную идейно-институциональную систему, ориентированную на долгосрочное национальное развитие и укрепление позиций Китая в мировой политике.

В ходе исследования были последовательно решены поставленные задачи, связанные с анализом идейных, институциональных и внешнеполитических аспектов государственных и партийных реформ КНР. Это позволило проследить внутреннюю взаимосвязь между идейными основаниями политического курса,

---

[419] Xinhua News Agency. Full Text: China's 15th Five-Year Plan (2026–2030). — 2025.

[420] Предложения ЦК КПК по разработке 15-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития (приняты 4-м пленумом ЦК КПК 20-го созыва 23 октября 2025 г.) // Russian.News.Cn. – 2025. – 29 октября. [Электронный ресурс]. — URL: https://en.theorychina.org.cn/c/2025-10-29/1534664.shtml

институциональными механизмами его реализации и внешнеполитическими формами проецирования реформированной модели управления за пределы страны.

Установлено, что внешнеполитический курс КНР в рассматриваемый период формируется не изолированно, а выступает одним из направлений практической реализации государственных и партийных реформ, отражая их институциональные и идеологические основания.

В условиях современных глобальных вызовов и внутренних социально-экономических трансформаций Китайская Народная Республика продолжает опираться на марксистскую идеологию как теоретическую основу государственного и партийного управления. Марксизм в интерпретации Си Цзиньпина выступает не как догматическая система взглядов, а как метод анализа общественных процессов и инструмент разработки и реализации реформ, соотнесённый с национальными условиями, культурными особенностями и стратегическими задачами развития Китая. В рамках проводимых государственных и партийных реформ марксистская теория используется для обоснования руководящей роли Коммунистической партии Китая, централизации управленческих механизмов и формирования долгосрочных стратегических ориентиров модернизации страны.

Политическая доктрина Си Цзиньпина формируется на основе уникального синтеза нескольких идейных источников, каждый из которых выполняет определённую функцию в системе государственного и партийного управления и служит концептуальным основанием проводимых реформ. Данный синтез обеспечивает идейную преемственность, институциональную устойчивость и управляемость процессов модернизации в условиях внутренних трансформаций и внешних вызовов:

1. Марксистская и ленинская традиция задаёт общий подход к анализу социальных процессов и пониманию роли партии в системе управления. Исторический материализм и идея партийного авангарда по-прежнему сохраняют значение. Они используются для обоснования ведущей роли КПК, её права задавать направление общественного развития и инициировать крупные институциональные изменения.

2. Значимую роль играет и национальная культурная традиция, прежде всего конфуцианская. Через неё в политический курс привносятся представления о моральном лидерстве, коллективной ответственности, гармонии и иерархии. Эти установки задают определённую ценностную рамку для государственной и партийной политики. В реальности они используются для обоснования реформ, поддержания дисциплины управленческих элит и соотнесения модернизационных задач с историческим опытом и культурными особенностями Китая.
3. Прагматическая линия реформ, связанная с наследием Дэн Сяопина, предполагает достаточно гибкое использование рыночных инструментов в рамках социалистической модели. В период Си Цзиньпина этот подход сохраняется, но его применение всё чаще увязывается с задачами укрепления партийного контроля, повышения эффективности управления и обеспечения безопасности. При этом сам прагматизм не утрачивает своей роли — он по-прежнему связан с развитием инноваций и технологическим ростом.

В совокупности эти элементы создают относительно цельную конструкцию, на которой держатся идеологические установки и сами государственные и партийные трансформации. За счёт этого система сохраняет устойчивость и способность к долгосрочному развитию. Формируется своеобразная модель социализма «новой эпохи», отличающаяся и от западных либеральных демократий, и от более жёстких вариантов социализма маоистского периода. Её особенность — сочетание идеологической жёсткости с достаточно гибкими практическими решениями.

Политика всестороннего углубления реформ выступает одним из ключевых направлений трансформации государственного и партийного управления в Китае и охватывает несколько взаимосвязанных сфер внутреннего развития:

- В экономике сохраняется значимая роль государства, прежде всего в стратегических отраслях. Одновременно продолжается развитие частного сектора, инновационных направлений и цифровых технологий.
- В социальной сфере внимание сосредоточено на сокращении разрыва между различными группами населения и регионами, а также на повышении уровня

жизни и доступности базовых социальных услуг.

- В правовой системе реформы направлены на укрепление верховенства закона под руководством партии, создание эффективных механизмов управления и прозрачности.
- В экологии усилия направлены на построение «зелёной цивилизации», снижение техногенной нагрузки и развитие устойчивого производства.

Главная цель – реализация государственных и партийных реформ, направленных на создание сбалансированной, устойчивой социально-экономической модели, способной обеспечивать высокие темпы роста, социальную справедливость и внутреннюю стабильность, не ослабляя при этом партийного контроля. В современных условиях данная стратегия всё в большей степени ориентируется не только на повышение эффективности управления, но и на обеспечение стратегической автономии Китая в условиях внешнего давления, технологических ограничений и роста международной нестабильности.

Важным структурным фактором, оказывающим влияние на реализацию государственных и партийных реформ КНР, выступают демографические изменения. Старение населения, снижение темпов прироста рабочей силы и трансформация возрастной структуры общества формируют новые вызовы для экономического развития, системы социального обеспечения и рынка труда. В этих условиях государственная политика всё в большей степени ориентируется на повышение качества человеческого капитала, развитие инновационной экономики и повышение производительности труда, что становится важным условием устойчивости китайской модели модернизации[421].

Борьба с коррупцией в период правления Си Цзиньпина является не просто карательной мерой, а целостной стратегией государственных и внутрипартийных преобразований, направленных на укрепление власти КПК. Кампания имеет масштабный характер, охватывая все уровни власти, включая высшее руководство, и демонстрирует решимость партии очищать собственные ряды. Она выполняет

[421] World Bank. China | Data [Электронный ресурс]. – URL: https://data.worldbank.org/country/china

мобилизационную функцию, сплачивая общество вокруг идеи справедливости и порядка, повышая доверие к правящей партии. Внутри самой партии антикоррупционные меры позволяют обновлять элиты, продвигать лояльных и эффективных управленцев, снижать риски появления независимых центров влияния. На международной арене борьба с коррупцией укрепляет имидж Китая как государства, стремящегося к честному и предсказуемому управлению.

Тем самым антикоррупционная политика становится неотъемлемым элементом институциональной устойчивости китайской модели управления, инструментом дисциплины бюрократии и демонстрацией способности КПК к самоочищению, что укрепляет её легитимность. Вместе с тем она усиливает зависимость устойчивости системы от централизованных механизмов контроля и от способности партийного руководства поддерживать баланс между дисциплинарной мобилизацией, правовым регулированием и сохранением управленческой инициативы.

Концепция «Китайской мечты» выполняет символическую и мобилизационную роль в политической доктрине, выступая идеологическим сопровождением государственных и партийных реформ. Она выражает стратегическую цель национального возрождения, объединяя общество вокруг исторической миссии возврата Китая к статусу великой державы. Создаёт ценностный фундамент государственных и партийных реформ, подчеркивая приоритет общественного благополучия, культурной самобытности, национального единства и социальной гармонии. Ориентирует политику на долгосрочные перспективы, формирует общенациональный консенсус по поводу курса модернизации, укрепляет патриотизм и доверие к партии. Позволяет сочетать экономические задачи с культурными и моральными ценностями, делая модернизацию не только материальным, но и духовным процессом.

В результате «Китайская мечта» становится инструментом национальной мобилизации, превращающим стратегические цели партии и государства в общенациональный идеал[422].

---

[422] Репина Л. П. Китайская мечта: культурные основания идеологического проекта Си Цзиньпина // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. № 1. С. 28–37.

Как показал анализ второй главы исследования, внешнеполитическая доктрина Си Цзиньпина, сформированная в логике государственных и партийных реформ, направлена на превращение Китая в один из центров силы мирового порядка. Идея многополярного мира в китайском подходе связана с постепенным отходом от западоцентричной модели и акцентом на более равноправные формы взаимодействия между странами. В этом контексте инициатива «Один пояс – один путь» [423] рассматривается не только как экономический проект. Через неё выстраиваются связи с регионами Азии, Африки, Европы и Латинской Америки — как инфраструктурные, так и финансовые и культурные [424] . Параллельно продвигается и концепция «сообщества единой судьбы человечества»[425], в рамках которой делается упор на сотрудничество, вопросы безопасности и признание различий между странами. В то же время практика реализации инициативы выявляет наличие дискуссионных аспектов, связанных с вопросами долговой устойчивости, экономической эффективности отдельных проектов и политических рисков, что отражает сложность формирования устойчивых моделей международного сотрудничества в условиях глобальной трансформации. Тем самым инициатива «Один пояс – один путь» выступает не только инструментом экономической дипломатии, но и важным элементом институционализации внешнеполитической стратегии КНР, обеспечивающим проекцию внутренней модели развития на глобальный уровень.

В диссертации показано, что развитие данной инициативы стало возможным благодаря институциональным изменениям в системе партийно-государственного управления, обеспечившим централизацию стратегического планирования и координацию внешнеполитических решений.

Внешнеполитические шаги в целом сочетаются с внутренними задачами — поиском ресурсов, расширением рынков, формированием партнёрств. Всё это

---

[423] Официальный аккаунт Министерства иностранных дел КНР в WeChat. Публикации по инициативе «Один пояс – один путь». 2023.

[424] Официальный аккаунт Министерства иностранных дел КНР в WeChat. Публикации по инициативе «Один пояс – один путь». 2023.

[425] Верченко А.Л. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2022. — Т. 27, №27. — С. 71–83.

напрямую связано с более широкой стратегией развития, которую китайское руководство обозначает как «Китайскую мечту». В результате Китай всё чаще позиционирует себя как один из центров мировой политики, предлагая собственное видение международного взаимодействия. При этом внешнеполитическая активность КНР всё более тесно увязывается с задачами внутренней модернизации, обеспечения ресурсной, технологической и логистической устойчивости, а также с формированием альтернативных институциональных контуров глобального управления.

Таким образом, государственные и партийные реформы периода Си Цзиньпина оказывают непосредственное влияние на формирование внешнеполитических приоритетов КНР, определяя институциональные механизмы, через которые осуществляется реализация международной стратегии государства.

Политическая доктрина Си Цзиньпина не сводится к набору разрозненных решений, а представляет собой системную, адаптивную и стратегическую модель управления, реализуемую через государственные и партийные реформы. Она соединяет идеологию, государственные и партийные реформы, а также внешнюю политику в единую парадигму, ориентированную на укрепление партийной власти, стабильность государства и рост национального могущества. Обеспечивает способность политической системы к адаптации в условиях глобальных трансформаций, экономических кризисов, технологических сдвигов и геополитической конкуренции. Создаёт альтернативную модель государственности XXI века, бросающую вызов западной либеральной демократии и предлагающую иной путь развития для стран Глобального Юга. Сама доктрина выступает как стратегия длительного исторического периода, определяющая вектор развития Китая и формирующая новые параметры глобальной политической архитектуры. В этой модели эффективность управления, политическая устойчивость, идеологическая консолидация и стратегическое планирование рассматриваются как взаимосвязанные условия национального развития и международного позиционирования государства.

В результате последовательной реализации государственных и партийных реформ, направленных на укрепление национальной мощи, Китай значительно

расширил своё присутствие в мировой экономике и политике, продвигая принципы многосторонности, открытости и справедливого международного порядка. Политика реформ и открытости, интегрированная с внешнеполитической активностью и участием в форматах БРИКС и других многосторонних объединениях, способствует не только внутреннему развитию КНР, но и формированию новых моделей международного сотрудничества.

Проведённое исследование позволяет констатировать, что политическая доктрина Си Цзиньпина представляет собой комплексную и многослойную идеологическую и политическую систему, в рамках которой государственные и партийные реформы выступают ключевым механизмом реализации стратегических целей развития КНР. Она сочетает в себе элементы ленинского учения, китайских культурных традиций (конфуцианства), прагматизм в экономике и проактивную внешнюю политику, что обеспечивает её гибкость, адаптивность и стратегическую устойчивость. В совокупности это делает данную доктрину важным фактором модернизации Китая и формирования альтернативной модели развития в условиях трансформации глобального политического порядка. Тем самым подтверждается положение о том, что концептуальные основания, ценностные установки и институциональные механизмы реализации государственных и партийных реформ образуют единую систему, определяющую как внутреннюю трансформацию КНР, так и особенности её внешнеполитического курса.

Таким образом, политическая доктрина Си Цзиньпина и реализуемые на её основе государственные и партийные реформы позволяют рассматривать современный Китай как пример не только национальной модернизации, но и активного институционального переопределения места государства в мировой политике XXI века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Официальные документы, программные выступления, статистические и аналитические материалы

1. «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой»: Си Цзиньпин выступил с речью на заключительном заседании XX съезда КПК // Российская газета. URL: https://rg.ru/2022/10/24/si-czinpin-vystupil-s-rechiu-na-zakliuchitelnom-zasedanii-xx-sezda-kpk.html (дата обращения: 20.05.2024).
2. Дэн Сяопин. Ежегодный сборник мыслей Дэн Сяопина (1975–1997). — Пекин: Центральное литературное издательство, 2011. — 200 с.
3. Национальная экономика продолжает восстанавливаться в апреле // Национальное бюро статистики Китая. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202305/t20230516_1939486.html (дата обращения: 20.05.2024).
4. Отрывки из изложения Си Цзиньпина о всестороннем углублении реформ / Си Цзиньпин. Пекин: Центральное литературное издательство, 2014. — 72 ст.
5. Отрывки из очерков Си Цзиньпина о социалистическом экономическом строительстве / Си Цзиньпин // Сеть новостей Коммунистической партии Китая. 2017. URL: http://theory.people.com.cn/n1/2017/0619/c148980-29347273.html (дата обращения: 20.05.2024).
6. Полный текст отчета Девятнадцатого национального конгресса // Верховная народная прокуратура Китайской Народной Республики. URL: https://www.spp.gov.cn/tt/201710/t20171018_202773.shtml (дата обращения: 20.05.2024).
7. Решение ЦК Коммунистической партии Китая по ряду важнейших вопросов всестороннего углубления реформ. Пекин: Народное издательство, 2013.
8. Белый дом. Стратегия национальной безопасности Соединённых Штатов Америки // URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (дата обращения: 05.06.2024).
9. Брунейский султан Хассанал встретился с Ван И // People’s Daily. — 2016. — С. 41–56.
10. Ван И. За дружественное сотрудничество Китая и США, мир и развитие во всем мире // People’s Daily. — 2015. — № 12. — С. 45–51.

11. Вопросы и ответы о 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. URL: http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/sbjszqh/t1112348.htm (дата обращения: 20.05.2024).
12. Второй том книги «Си Цзиньпин о государственном управлении» издан на разных языках // Foreign Languages Press. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2023-06/12/content_87147242.htm (дата обращения: 25.05.2024).
13. Доклад Си Цзиньпина на 19 съезде КПК // China.org.cn. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-11/04/content_41845752_5.htm (дата обращения: 20.05.2024).
14. Дэн Сяопин. Избранные произведения Дэн Сяопина: в 3 т. Том 1–3. — Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1991–1994. — Т. 1: 488 с.; Т. 2: 398; Т. 3: 537 с.
15. Ли Кэцян провел переговоры с премьер-министром Вьетнама Нгуен Суан Фуком // People’s Daily, 2016. — С. 41–46.
16. Мао Цзэдун. Избранные произведения: в 5 т. — Пекин: Народное издательство, 1967. — Т. 1: 496 с.; Т. 2: 480 с.; Т. 3: 532 с.; Т. 4: 608 с.; Т. 5: 612 с.
17. Си Цзиньпин. Отрывки из очерков Си Цзиньпина о социалистическом политическом строительстве. — Пекин: Центральное литературное издательство (Central Party Literature Press), 2017. — 330 с.
18. Полный текст отчета Девятнадцатого национального конгресса // Верховная народная прокуратура Китайской Народной Республики. URL: https://www.spp.gov.cn/tt/201710/t20171018_202773.shtml (дата обращения: 20.05.2024).
19. Придерживаться единства обогащения страны и укрепления армии и стремиться строить, и укреплять национальную оборону и сильную армию // People’s Daily, 2012. — С. 41–46.
20. Принцип одного Китая и тайваньский вопрос // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. URL:

https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/twwtbps/202206/t20220606_10699030.html (дата обращения: 05.06.2024).

21. Сборник документов XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. — Пекин: Народное издательство, 2012. — 528 с.
22. Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. 4. Пекин: Foreign Languages Press, 2022. — 171 с.
23. Си Цзиньпин. Об управлении Китаем. Т. 3. Пекин: Foreign Languages Press, 2020. — 408 с.
24. Си Цзиньпин сделал пояснения к Постановлению ЦК КПК по некоторым важным вопросам о всестороннем углублении реформ // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. URL: http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/sbjszqh/t1107657.htm (дата обращения: 20.05.2024).
25. Си Цзиньпин. Совместно построим сообщество единого будущего для человечества // People's Daily. — 2017. — № 19. — С. 75–81.
26. Си Цзиньпин. Отрывки из выдержек Си Цзиньпина о китайской мечте об осуществлении великого возрождения китайской нации. Пекин: Центральное литературное издательство, 2013.
27. Си Цзиньпин. В поисках общего и устойчивого развития в качестве взаимовыгодного партнера по сотрудничеству // People's Daily. — 2015. — № 5. — С. 60–65.
28. Си Цзиньпин. Выступление на симпозиуме, посвященном 120-летию со дня рождения товарища Мао Цзэдуна // People's Daily. — 2013. — № 13. — С. 15–21.
29. Си Цзиньпин. Выступление на совместном приветственном банкете местных органов власти штата Вашингтон и групп американской дружбы // People's Daily. — 2015. — № 2. — С. 36–41.
30. Си Цзиньпин. Выступление на специальном семинаре для ведущих руководящих кадров провинциального и министерского уровня по изучению и реализации духа пятого пленума ЦК КПК 18-го созыва // People's Daily. — 2016. — № 12. — С. 76–82.

31. Си Цзиньпин. К истории Коммунистической партии Китая. Пекин: Центральное литературное издательство, 2021. — 302 с.
32. Си Цзиньпин. О государственном управлении. 2-е изд. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2017. — 650 с.
33. Си Цзиньпин. Одержать решительную победу в построении среднезажиточного общества во всех отношениях и стремиться к великой победе социализма с китайской спецификой для новой эпохи // People’s Daily. — 2017. — № 19. — С. 39–44.
34. Си Цзиньпин. Отрывки из бесед о социалистическом экономическом строительстве. Пекин: Центральное литературное издательство, 2017. — 91 с.
35. Си Цзиньпин. Построение инновационной, динамичной, взаимосвязанной и инклюзивной мировой экономики // People’s Daily. — 2016. — № 18. — С. 55–61.
36. Си Цзиньпин. Построение партнерства для создания лучшего будущего // People’s Daily. — 2015. — № 2. — С. 41–49.
37. Си Цзиньпин. Продвижение пяти принципов мирного сосуществования и построение лучшего мира взаимовыгодного сотрудничества // People’s Daily. — 2014. — № 15. — С. 15–21.
38. Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Филиппины // People’s Daily. — 2018. — С. 25–31.
39. Совместное построение инновационной и инклюзивной открытой мировой экономики – программная речь Си Цзиньпина на церемонии открытия первой Китайской международной импортной выставки // Внешнеэкономическая и торговая практика. — 2018. — № 12. — С. 25–31.
40. Третий пленум ЦК КПК 18 созыва. Создание правового государства // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. URL: http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/sbjszqh/t1107644.htm (дата обращения: 20.05.2024).
41. Цзян Цзэминь. О партийном строительстве. Пекин: Центральное литературное издательство, 2001.

42. Четвертый том книги «Си Цзиньпин о государственном управлении» издан на разных языках // Foreign Languages Press. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2023-06/12/content_87147242.htm (дата обращения: 20.05.2024).
43. Си Цзиньпин. Разъяснения к решению Центрального комитета Коммунистической партии Китая по ряду важнейших вопросов, касающихся всестороннего углубления реформ // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. URL: http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/sbjszqh/t1107657.htm (дата обращения: 20.05.2024).
44. Сборник документов XV–XVIII Всекитайских съездов Коммунистической партии Китая. Пекин: Народное издательство, 2007–2012.
45. Хартия Европейского союза по правам человека // Официальный журнал Европейского союза. 2000. C 364/01. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012P/TXT (дата обращения: 05.06.2024).
46. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Совет Европы. 1950. URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_eng.pdf (дата обращения: 05.06.2024).
47. Китайский институт международных исследований. Глобальная стратегия Китая в новую эпоху. Пекин: CIIS, 2022.
48. Институт востоковедения РАН. Китай в мировой политике: современные вызовы и перспективы. Москва: ИВ РАН, 2020.
49. Материалы научной конференции «Китай в XXI веке: вызовы и возможности». Москва: ИДВ РАН, 2020.
50. Международная ассоциация китайских исследований. China’s Global Role: Perspectives and Challenges. Beijing: IACCS, 2021.
51. Официальный аккаунт Министерства иностранных дел КНР в WeChat. Публикации по инициативе «Один пояс – один путь». 2023.
52. Биографический справочник руководителей МИД КНР. Пекин: Foreign Languages Press, 2020.

53. Предложения ЦК КПК по разработке 15-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития (приняты 4-м пленумом ЦК КПК 20-го созыва 23 октября 2025 г.) // Russian.News.Cn. – 2025. – 29 октября. [Электронный ресурс]. — URL: https://en.theorychina.org.cn/c/2025-10-29/1534664.shtml (дата обращения: 10.04.2026).
54. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十五个五年规划纲要（2026—2030 年） [The 15th Five-Year Plan for National Economic and Social Development of the PRC] // 中华人民共和国国务院. URL: https://www.gov.cn/ (дата обращения: 10.04.2026).
55. Indo-Pacific Strategy // The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf (дата обращения: 05.06.2024).
56. National Security Strategy of the United States of America // The White House. [Электронный ресурс]. — URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (дата обращения: 05.06.2024).
57. XIV пятилетний план социально-экономического развития Китайской Народной Республики (2021–2025) // Государственный совет КНР. Пекин: Народное издательство, 2021. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2021-03/13/content_5592681.htm
58. Pew Research Center. China’s Economic Growth and Its Impact on Global Perceptions. Washington, DC: Pew Research Center, 2020.
59. Mutual Defense Treaty between the United States of America and the Republic of China, 1954 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.taiwandocuments.org/mutual01.htm (дата обращения: 05.06.2024)
60. Office of the Historian. The Taiwan Strait Crises, 1954–1955 and 1958 // U.S. Department of State [Электронный ресурс]. — URL: https://history.state.gov/milestones/1953-1960/taiwan-strait-crises (дата обращения: 05.06.2024)

61. Reuters. Philippines, China spar in South China Sea after incidents near Second Thomas Shoal [Электронный ресурс]. — URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/rift-deepens-between-philippines-china-over-south-china-sea-2025-10-13/ (дата обращения: 10.01.2026).
62. Chinese Academy of Social Sciences (CASS). Annual Report on China's Governance. — Beijing: CASS, 2024.
63. Central Commission for Discipline Inspection (CCDI). Annual Report on Anti-Corruption Work. — Beijing, 2023.
64. Development Research Center of the State Council. China's Economic Reform in the New Era. — Beijing, 2023.
65. Xinhua News Agency. Full Text: China's 15th Five-Year Plan (2026–2030). — 2025.
66. The U.S.-China Trade Relationship: What's Behind the Competition? // Council on Foreign Relations. – URL: https://www.cfr.org/backgrounders/contentious-us-china-trade-relationship (дата обращения: 12.04.2026).
67. Sutter K. M. U.S.-China Trade Relations // Congressional Research Service. – URL: https://www.congress.gov/crs-product/IF11284 (дата обращения: 12.04.2026).
68. IISS. The Military Balance 2025. – London: Routledge, 2025.
69. World Bank. China | Data [Электронный ресурс]. – URL: https://data.worldbank.org/country/china (дата обращения: 12.04.2026).
70. National Bureau of Statistics of China. National Economy Pushed Forward with Innovation-led and High-quality Development and Expected Targets Achieved Successfully in 2025 [Электронный ресурс]. — Beijing, 19 January 2026. — URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202601/t20260119_1962328.html (дата обращения: 12.04.2026).

II. Теоретико-идеологические основания реформ, политическая философия и модернизация

71. Заставить глобальную торговлю работать на благо людей / пер. с англ. — Лондон: Earthscan, 2003. — 320 с.

72. Бояркина А.В. Глобальная стратегия Си Цзиньпина строительства «экологической цивилизации» в новую эпоху // Этносоциум и межнациональная культура. — 2020. — № 10. — С. 113–122.
73. Булдаков В.П. Марксизм, Ленин, революция: метаморфозы великой легенды // Российская история. — 2020. — № 2. — С. 1–24.
74. Ван Инци. Связь между китайской традиционной политической культурой и политической модернизацией Китая // Журнал Кадрового колледжа экономического управления провинции Цзилинь, 2014. — С. 87–89.
75. Вилков В.Ю. Теоретико-методологические и политико-идеологические установки исследования перспектив модернизации китаизированного марксизма // The Scientific Heritage. — 2022. — № 94. — С. 93–109.
76. Гордон А.В. Восток: от классической к постклассической модернизации // Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе: коллективная монография / под ред. О.В. Воробьевой. Москва: Аквилон, 2018. — С. 256–282.
77. Гордон А. В. Китайская цивилизация в глобалистской парадигме // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. — 2020. — № 1. — С. 5–33.
78. Гордон А.В. Парадигма китайской модернизации в понятиях «второй модерности» // Россия и современный мир. — 2015. — № 1. — С. 30–47.
79. Гордон А.В. Китай в мировой истории и международной политике: Модернизм — Традиционализм — Глобализм: аналит. обзор. Москва: ИНИОН РАН, 2017. — 84 с.
80. Гуанчэн С. Фактор СССР в столетней истории Коммунистической партии Китая в представлениях Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина // Россия и АТР. — 2021. — № 2. — С. 53–68.
81. Избранные сочинения Маркса и Энгельса. Т. 4. Пекин: Народное издательство, 2012. — 165 с.

82. Избранные сочинения Ленина. О марксизме. Пекин: Народное издательство, 2009. — 96 с.
83. Избранные сочинения Ленина. Т. 1–4. Пекин: Народное издательство, 2012. — 213 с.
84. Ильин М.В. Идеальная модель политической модернизации и пределы ее применимости. Москва: [Издательство не указано], 2000. — 43 с.
85. Кант. Критика исторического разума / пер. Хэ Чжаову. Пекин: Коммерческая пресса, 1991. — 7 с.
86. Каретина Г.С. Конфуцианство в процессе модернизации Китая // Известия Восточного института. — 2015. — № 2. — 3–9.
87. Кисляков А.С., Чернышев А.К. Особенности реализации идей конфуцианства в современном Китае // Вестник Академии знаний. — 2024. — № 2. — С. 632–635.
88. Коломиец Г.Г. От древнекитайских текстов к новой конфуцианской эстетике жизни и философии музыки // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2024. — № 5. — С. 114–125.
89. Коряковцев А.А. Современная трансформация капиталистического общества и актуальность методологии классического марксизма // Философские науки. — 2021. — Т. 64, № 4. — С. 133–159.
90. Коряковцев А.А. Ф. Энгельс и К. Маркс о происхождении частной собственности и государства: одна концепция или две? // Дискурс. — 2024. — Т. 10, № 1. — С. 15–31.
91. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33. Москва: Народное издательство, 1987. — 419 с.
92. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41. Москва: Народное издательство. — 2007. — № 1. — С. 4–5.
93. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Полное собрание сочинений. Т. 36. Москва: Политиздат, 1962. С. 165–208.
94. Линь Ю-шэн. Кризис китайского сознания. Гуйчжоу: Народное издательство Гуйчжоу, 1986. — 437 с.

95. Лицю Л., Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. У порога эволюционной философии истории: «Комментарий к Мэн-цзы» Кан Ю-вэя // Вопросы философии. — 2024. — № 11. — С. 160–173.
96. Ломанов А.В. Инновация и традиция в трактовке демократии в современной идеологии КПК // Полис. Политические исследования. 2023. № 5. С. 88–105.
97. Лукин А.В. Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе // Российское китаеведение. — 2023. — № 2. — С. 71–99.
98. Лэй С., Сюй Л. Международный опыт и уроки адаптации марксизма в Китае // Власть. — 2020. — № 4. — С. 222–226.
99. Ма К. Культурные аспекты китаизации марксизма // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. — 2023. — Т. 29, № 3. — С. 209–219.
100. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 2 т. Т. 2. Пекин: Народное издательство, 1972. — 8 с.
101. Моисеева О.Г., Русанов В.В. Древнекитайские концепции правопонимания // Юрислингвистика. — 2023. — № 28. — С. 22–26.
102. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ. Москва: Весь мир, 2011. — 256 с.
103. Панкратов С.А. Модернизация России как поиск модели устойчивого развития. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2006. — 288 с.
104. Политология / под ред. М.А. Василика, И.Е. Тимерманиса. Москва: Проспект, 2013. — 624 с.
105. Синькай Б. Соотношение идей марксизма и традиционной культуры в китайском обществе // Социология. — 2023. — № 2. — С. 11–15.
106. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений Маркса и Энгельса. В 10 т. — Пекин: Народное издательство, 2009. — Т. 1–10.

107. Специальные очерки Ленина. О марксизме. Пекин: Народное издательство, 2009.
108. Суворов В.В., Фахрудинова Э.Р. Политика памяти и этические основания доктрины конфуцианства // Общество: философия, история, культура. — 2022. — № 3. — С. 63–67.
109. Сухомлинова В.В. Признаки синтеза конфуцианства с марксизмом в идее Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой Новой эпохи // Концепт: философия, религия, культура. — 2020. — Т. 4, № 1. — С. 30–38.
110. Сяосюань Л. Роль конфуцианства во внутренней политике современного Китая // Россия в глобальном мире. — 2022. — № 25. — С. 91–106.
111. Тлукашаова А.А., Куликов А.М. Сочетание конфуцианства и легизма как основа социально-экономического развития Китая // Азия и Африка сегодня. — 2020. — № 9. — С. 18–21.
112. Томас Б. Дисбаланс между Севером и Югом в режиме международной торговли: Почему ВТО не приносит развивающимся странам столько пользы, сколько могла бы. Консиленция, 2020. — 78 с.
113. Троцук И. Дискурсивные репрезентации (капиталистических) итогов «китайского экономического чуда» // Социологическое обозрение. — 2020. — Т. 19, № 2. — С. 310–347.
114. Федотова В.Г. Модернизация и культура. Москва: Прогресс-Традиция, 2016. — 336 с.
115. Ходанович В.Н. Концепция идеологии В.И. Ленина // Современные проблемы и пути их решения в науке, производстве и образовании. — 2020. — № 9. — С. 184–186.
116. Чжан Цзючжэн. Прямая интерпретация четырех книг. Пекин: Издательство Цзючжоу, 2010. — 182 с.
117. Чжан Шитун. Краткие заметки о Сюньцзы. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 1974. — 95 с.

118. Чжао Ц. Китаизация марксистской философии. Великий исторический процесс реформ и открытости в Китае // Свободная мысль. — 2020. — № 3. — С. 45–62.

119. Чжэн Юннянь. Китайская модель: опыт и вызовы модернизации / пер. с англ. Москва: Восточная литература, 2015. — 320 с.

120. Шао Биньхуа. Теория и практика социализма с китайской спецификой в XXI веке // Политические исследования. — 2022. — № 2. — С. 88–102.

121. Шен Минхуа. Роль традиционной китайской философии в формировании современной идеологии КПК // Философия и культура. — 2023. — № 7. — С. 45–59.

122. Энгельс Ф. Письмо Фридриху Зорге от 29 ноября 1886 года // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 36. Москва: Политиздат, 1965. С. 123–125.

123. Энгельс Ф. Диалектика природы / пер. с нем. Москва: Политиздат, 1987. 349 с.

124. Энгельс Ф. Письмо Николаю Даниельсону от 17 октября 1893 года // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 39. Москва: Политиздат, 1966. С. 89–91.

125. Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 4. Москва: Политиздат, 1955. С. 322–339.

126. Юй Кэпин. Демократия и управление в Китае: к вопросу о политической модернизации // Полис. Политические исследования. — 2019. — № 4. — С. 101–116.

127. Янь Цзинь. Теоретические основы китаизации марксизма в работах Си Цзиньпина // Вопросы философии. — 2023. — № 8. — С. 112–126.

128. Яо Яо. Конфуцианские ценности и их влияние на современную китайскую политику // Востоковедение. — 2020. — № 2. — С. 45–58.

129. An Qinian. The Road to Freedom: The Study on Marx’s Philosophy. Beijing: Renmin University of China Press, 2016. — 369 p.

130. Gregor A.J. Marxism and the Making of China: A Doctrinal History. New York: Palgrave Macmillan, 2014. — C. 45–69.

131. Krawczyk A. Marxist Theories of Ideology in Contemporary China // Asian Studies. — 2019. — Vol. 7, No. 1. — C. 263–280.

132. Peters M.A., Wang Chengbing. Contemporary Chinese Marxism: disciplines, teaching platforms and status quo of basic academic research // Educational Philosophy and Theory. — 2021. — Vol. 53, No. 9. — C. 877–887.

133. Tao Delin. On a Prerequisite Problem of Sinicization of Marxist Philosophy // Proceedings of the XXII World Congress of Philosophy. — 2008. — No. 18. — C. 21–34.

134. Wang Zeying. The Sinicization of Marxist Ethics and Ethical Culture Great Change. Changsha: Social Science of Hunan Normal University, 2006. — 22 p.

135. Xu Quanxing. “On Practice” and “On Contradiction”: The Inspiration behind the Sinicization of Marxist Philosophy // Social Sciences in China. — 2015. — Vol. 36, No. 2. — C. 48–68.

III. Государственные и партийные реформы, управление, антикоррупционная политика и социально-экономическое развитие КНР

136. Абдрахимов Л.Г. Идея «великое возрождение китайской нации — китайская мечта» Си Цзиньпина как идеологическая основа национальной безопасности Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2023. — Т. 25, № 1. — С. 189–203.

137. Авдокушин Е.Ф. Развитие «социализма с китайской спецификой в новую эпоху»: к итогам XX съезда Коммунистической партии Китая // Международная торговля и торговая политика. — 2022. — Т. 8, № 4. — С. 35–47.

138. Андрианов В.Д. Роль Дэн Сяопина в разработке теории социализма с китайской спецификой и особенности современной модели социального рыночного хозяйства Китая // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2023. — № 18-1. — С. 17–27.

139. Афонасьева А.В. Диаспоральная политика КНР от Цзян Цзэминя до Си Цзиньпина (часть 1) // Проблемы Дальнего Востока. — 2021. — № 4. — С. 26–37.

140. Бобохонов А. Мозговые центры Китая как инструмент формирования и реализации политики государства // Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences. — 2021. — Т. 1, № Special Issue 1. — С. 627–637.

141. Борох О.Н. Приоритеты экономического развития Китая в современной официальной идеологии // Журнал экономической теории. — 2023. — Т. 20, № 1. — С. 189–215.

142. Будаев К.А. Конституционно-правовое регулирование борьбы с коррупцией в КНР // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. — 2021. — № 1. — С. 29–41.

143. Буров В.Г. Китаизированный марксизм — теоретическая основа деятельности Коммунистической партии Китая // Азия и Африка сегодня. — 2019. — № 12. — С. 9–21.

144. Буров В.Г. Мировоззренческий универсум Си Цзиньпина // Ориенталистика. — 2022. — Т. 5, № 4. — С. 928–943.

145. Буров В.Г. Программа социально-экономического развития Китая: к итогам XX съезда КПК // Азия и Африка сегодня. — 2023. — № 4. — С. 13–24.

146. Виноградов А.В. Марксизм, КПК и новая эпоха Си Цзиньпина // Ориенталистика. — 2022. — Т. 5, № 4. — С. 944–960.

147. Виноградов А.В. Новое основное противоречие социализма // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК / под ред. А.В. Виноградова. Москва: ИДВ РАН, 2018. С. 9–19.

148. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. Москва: НОФМО, 2008. — 368 с.

149. Вонгтаван Н. Си Цзиньпин: современные политические стратегии // Теории и проблемы политических исследований. — 2019. — Т. 8, № 5А. — С. 173–180.

150. Вэньчжэн Л. Сравнительный анализ систем здравоохранения в Китае и России на фоне социальной трансформации // Общество: социология, психология, педагогика. — 2023. — № 6. — С. 40–45.

151. Гончаров С.Н. «Выпрыгивание из исторического цикла» и строительство новой идеологии на XX съезде КПК // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 6. С. 153–162.

152. Гордеев И.В. Как председатель КНР Си Цзиньпин 10 лет подряд остаётся самым влиятельным человеком в мире // Восточно-европейский научный журнал. — 2023. — № 1. — С. 31–39.

153. Гордон А.В. Доктрина правления Си Цзиньпина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. — 2020. — № 2. — С. 158–193.

154. Горюнов В.Е. Формирование понимания сущности коррупции и ее проявлений // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — Т. 5, № 3. — С. 40–49.

155. Грачева Ю.А. «Бренд с национальным характером» как один из ключевых инструментов развития экономики и культуры в районах проживания малочисленных народов КНР // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. — 2020. — № 7. — С. 188–198.

156. Грузинов И.И. Концепция «китайской мечты» после XIX съезда КПК // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК / под ред. А.В. Виноградова. Москва: ИДВ РАН, 2018. — С. 108–114.

157. Гуанцзюнь С. Открытие Китая внешнему миру: модель, этапы, направления // Управление и политика. — 2024. — Т. 3, № 1. — С.77–101.

158. Гудкова Т.В. Глобальные цепочки создания добавленной стоимости в условиях цифровизации экономики // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17, № 1. С. 53–64.

159. Гуриева С.Д., Джимиев П.Р. Социально-психологический феномен «гуаньси» как регуляторная функция поддержания социального капитала группы современного китайского общества // Современные технологии управления. — 2021. — № 4. — С. 6–12.

160. Данильченко Т.Ю., Юйфэн С., Цюн Ш. Китай: к проблеме трансформации культурного кода // Культурная жизнь Юга России. — 2023. — № 2. — С. 35–41.

161. Денисенко В.В. Изменения в праве в условиях общественной модернизации: история и современность // Теоретическая и прикладная юриспруденция. — 2022. — № 1. — С. 45–53.

162. Джордж Фридрихсон. Дух государственного управления / пер. Чжан Чэнфу и др. Пекин: China Renmin University Press, 2003.

163. Жилкибаев С.Н. Марксистский дискурс современного китайского политического руководства // Modern Oriental Studies. — 2023. — Т. 5, № 1. — С. 122–132.

164. Журавлева Е.В. Ван Хунин: Политическая карьера и теоретические взгляды // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК / под ред. А.В. Виноградова. Москва: ИДВ РАН, 2018. — С. 94–100.

165. Забровская Л.В. Китай в эпоху Си Цзиньпина: возврат к принципам марксизма // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2023. — Т. 25, № 1. — С. 106–120.

166. Захарова Н.В. Лу Синь и Ху Ши: два взгляда на пути развития современной литературы Китая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16, № 9. — С. 3035–3040.

167. Зуенко И.Ю. Эволюция центр-региональных отношений в Китае: от децентрализации к рецентрализации // Вестник Томского государственного университета. История. — 2023. — № 83. — С. 87–95.

168. Иващенко Т.В. Антикоррупционная политика Китая в период полномочий председателя Си Цзиньпина: основные направления и динамика // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. — 2020. — № 10. — С. 175–181.

169. Калашникова И.В., Инчьжоу П., Вэньхуа Х. Инновационный вектор развития экономики Китая // Вестник Тихоокеанского государственного университета. — 2024. — № 2. — С. 127–136.

170. Катасонов В. Китайская система социального кредита — что это такое: о некоторых особенностях цифрового общества в Китае // Фонд стратегической культуры. URL: https://www.fondsk.ru/news/2018/12/29/kitajskaja-sistema-socialnogo-kredita-chto-eto-takoe-47371.html (дата обращения: 20.05.2024).
171. Качур О.В., Рудаков С.И. Экономические реформы в Китае и их методологические основания // Современная экономика: проблемы и решения. — 2024. — Т. 8. — С. 149–164.
172. Кимитака М., Сельцер Д.Г. Государственная кадровая политика в КНР (время Ху Цзиньтао) // Власть и элиты. — 2021. — Т. 8, № 2. — С. 113–133.
173. Киселев С.Г., Опокин А.Б. Зарубежный опыт борьбы с коррупцией на государственной службе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. — 2020. — № 2. — С. 24–30.
174. Кобец П.Н. Становление, функционирование и реформирование Государственного совета Китайской Народной Республики // Государственная власть и местное самоуправление. — 2021. — № 2. — С. 56–60.
175. Кондрашова Л.И. Китай в преддверии широкомасштабной политической реформы // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК / под ред. А.В. Виноградова. Москва: ИДВ РАН, 2018. — С. 20–29.
176. Кравчук Н.В. Современные вопросы права прав человека: Европа и Азия // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал. — 2019. — № 1. — С. 194–198.
177. Кулакова В.А., Минли Г. Коррупция в России и Китае: состояние и противодействие // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2022. — № 98. — С. 38–41.
178. Ли Бокай. Взгляды на чистое правительство трёх поколений партийных лидеров // Журнал Лоянского педагогического университета. — 2007. — № 1. — С. 4–5.

179. Ли Ч. Диалектика Си Цзиньпина и китайская модернизация: теория, особенности и практика // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. — 2023. — Т. 29, № 3. — С. 220–240.

180. Линь Ифу. Интерпретация 70-летия Нового Китая и чуда экономического развития Китая. Пекин: Научный социализм, 2019. — 73 с.

181. Лифанова М.В. Китайская модель борьбы с коррупцией // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 6. — С. 166–168.

182. Лю Ц., Сун Л.Э.Й. Мысли Си Цзиньпина: основная экономическая стратегия Китая // ЭКОНОМИКА. — 2022. — Т. 12, № 9. — С. 194–200.

183. Ма Юаньси. О характеристиках эпохи, итерации темы и пространстве развития политической модернизации в китайском стиле // Журнал партийной школы провинциального комитета Коммунистической партии Китая Юньнань. — 2023. — № 1. — С. 13–24.

184. Машков В.Д. Китайский опыт управления экономикой // Вестник экономики, права и социологии. — 2024. — № 3. — С. 277–281.

185. Миланович Б. Сможет ли Си Цзиньпин победить три укоренившихся современных неравенства? // Мир перемен. — 2021. — № 4. — С. 138–141.

186. Митина Н.Н., Янян С. Особенности развития экономики Китая // Инновации и инвестиции. — 2022. — № 6. — С. 39–45.

187. Молчанова М.А., Моисеев В.В. Государственная политика антикоррупционного просвещения в Российской Федерации и Китайской Народной Республике // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2024. — № 4. — С. 106–113.

188. Мяо Т. Мышление «дедлайн» Си Цзиньпина в государственном устройстве // Общество: политика, экономика, право. — 2023. — № 8. — С. 89–93.

189. Нежданов В.Л. Идеи Си Цзиньпина «в контексте глобальной проблемы» плохого управления // Известия Восточного института. — 2022. — № 2. — С. 96–109.

190. Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК: материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 14 и 16 марта 2018 года). Москва: ИДВ РАН, 2018. — 304 с.

191. Ночвина Б.А., Галкин Е.Д. Процесс вестернизации и его влияние на политико-правовую систему Китая // International Journal of Professional Science. — 2020. — № 9. — С. 26–33.

192. Останин В.А. Национальный эгоизм и глобальный альтруизм Си Цзиньпина в концепции великой китайской мечты // Дневник науки. — 2020. — № 6. — С. 13–21.

193. Просеков С.А. Политическая и социально-экономическая модернизация современного Китая: динамика идейно-мировоззренческих акцентов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2021. — Т. 11, № 3. — С. 76–81.

194. Прохоров Э.Т. Противодействие коррупции со стороны государства: опыт Китая // Молодой ученый. — 2022. — № 13. — С. 289–295.

195. Румянцев Е.Н. Борьба с коррупцией в Китае в годы правления Си Цзиньпина (2012–2022 гг.) // Российское китаеведение. — 2023. — Т. 1. — С. 167–184.

196. Семенов А.А. Анализ трансформации политической системы КНР // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК / под ред. А.В. Виноградова. Москва: ИДВ РАН, 2018. — С. 134–143.

197. Скосырев В.А. Проблема институционализации общественно-политических процессов на низовом уровне в КНР в эпоху Си Цзиньпина // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. — 2021. — № 3. — С. 137–149.

198. Сяо Л., Сельцер Д.Г. Система аттестации руководящих кадров современного Китая // Власть и элиты. — 2022. — Т. 9, № 2. — С. 27–55.

199. Тавровский Ю. В. Китайская мечта и ее составляющие: Стратегический план развития страны: расчеты и программы // Независимая газета. — 2015. —

04.12. — URL: http://www.ng.ru/ideas/2015-12-04/5_ideas.html (дата обращения: 20.05.2024).

200. Тавровский Ю. В. Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты. — Москва: Эксмо, 2015. — 272 с.

201. Тао Линь. О научной коннотации, процессе, характеристиках и базовом опыте пути социалистического политического развития с китайской спецификой // Журнал Нанкинского университета науки и технологий (издание социальных наук). — 2022. — № 35 (02). — С. 1–8.

202. Трощинский П.В. Особенности правового развития Китая в «новую эпоху» и конституционные поправки // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК / под ред. А.В. Виноградова. Москва: ИДВ РАН, 2018. — С. 198–210.

203. Трощинский П.В. Правовая культура Китая: от традиции к современности // «Закон». — 2022. — № 9. — С. 16–29.

204. Трощинский П.В. Правовое обеспечение государственного управления при Си Цзиньпине // Исторические события в жизни Китая и современность. — 2022. — С. 48–56.

205. Упир И.Р. Особенности политического лидерства в Китае: первая часть серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении» // Вопросы элитологии. — 2020. — Т. 1, № 3. — С. 167–172.

206. Фань Пэн. Общепроцессная народная демократия: качественная демократия с очевидными институциональными преимуществами. Пекин: Политологические исследования, 2021. — 65 с.

207. Фоменко Д.А. Коррупция в Китае: традиционализм и менталитет? // Наука и инновации – современные концепции. — 2020. — С. 79–84.

208. Хестанов Р., Космарский А. Парадоксы советско-китайской и либерально-демократической моделей правления // Социологическое обозрение. — 2023. — Т. 22, № 3. — С. 75–94.

209. Хубриков Б.О. Историческая политика в эпоху Си Цзиньпина // Новое прошлое / The New Past. — 2020. — № 1. — С. 66–83.

210. Цзюэ Ч. Реформа системы надзора Китая и исследование ее практического осуществления // Власть. — 2021. — № 2. — С. 259–267.

211. Чжан Я. К вопросу о созидательности социалистического пути с китайской спецификой // Власть. — 2024 — Т. 32, № 1. — С. 208–214.

212. Чжоу Л. Китайская практика марксистской теории государства: логика реформ и институциональных инноваций в КПК в период с третьего пленума ЦК КПК 18-го созыва по третий пленум ЦК КПК 20-го созыва // Власть. — 2023. — Т. 31, № 2. — С. 115–130.

213. Чжу Лицзя. Эволюция идеологии КПК в условиях глобализации // Журнал исследований Китая. — 2021. — № 3. — С. 22–34.

214. Ши Чжихун. Экономическое развитие Китая и его влияние на глобальный порядок // Экономическая теория. — 2020. — Т. 17, № 3. — С. 123–139.

215. Шуй Цзинь. Политическая реформа в Китае: вызовы и перспективы // Вестник международных организаций. — 2021. — Т. 16, № 3. — С. 78–92.

216. Яковлев А.И. Китайская модель экономического развития: уроки для России // Экономические науки. — 2020. — № 5. — С. 56–68.

217. Янь Хуан. Антикоррупционная политика Китая: институциональные механизмы и результаты // Право и государство. — 2022. — № 3. — С. 89–103.

218. Яшин В.Б. Экономические реформы Дэн Сяопина и их влияние на современный Китай // История и современность. — 2021. — № 3. — С. 76–89.

219. Brown K. CEO, China: The Rise of Xi Jinping. London: I.B. Tauris, 2016. — 262 p.

220. Harvard Kennedy School. China’s Political System in the Xi Jinping Era. Cambridge, MA: Harvard University, 2022.

221. Lansdowne H., Wu Guoguang. China’s Transition from Communism. London: Routledge, 2018. — 228 p.

222. Li, C. Leadership Transition in China // Journal of Contemporary China. 2020. Vol. 29, No. 123. P. 45–60.

223. Li Wei. Anti-Corruption Governance and Political Discipline in China under Xi Jinping // Social Sciences in China. — 2023. — Vol. 44, No. 2. — P. 45–62.

224. Zhang Ming. Institutionalization of Supervision in Contemporary China // Chinese Political Science Review. — 2022. — Vol. 7, No. 3. — P. 389–405.

225. Zhiyue Bo. China’s Political Dynamics under Xi Jinping. Singapore: World Scientific, 2017. — 150 p.

IV. Внешняя политика КНР, глобальное управление и международное позиционирование

226. Абраменко А.Г. Становление китайской теории международных отношений: обзор научного дискурса // Российско-китайские исследования. — 2023. — Т. 7, № 2. — С. 221–231.

227. Барский К.М., Виноградов А.В., Салицкий А.И. О диалектическом единстве внутренней и внешней политики Китая к 100-летию образования Коммунистической партии Китая // Вестник Российской академии наук. — 2021. — Т. 91, № 8. — С. 703–712.

228. Бирюков С.В. Российский «Разворот к Азии» и перспективы многостороннего сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе // История и современное мировоззрение. — 2021. — Т. 3, № 1. — С. 47–53.

229. Бурова Е.С. Новый мировой порядок: взгляд из Сингапура // Восточная Азия: факты и аналитика. — 2024. — № 1. — С. 108–115.

230. Верченко А.Л. Культурная концепция Си Цзиньпина: для Китая и мира // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2024. — Т. 29, № 29. — С. 104–122.

231. Верченко А.Л. Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» // Восточная Азия: факты и аналитика. — 2020. — № 1. — С. 6–18.

232. Верченко А.Л. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2022. — Т. 27, № 27. — С. 71–83.

233. Виноградов А.В., Данилюк С.А. Отношения КНР с тремя прибалтийскими странами Эстонией, Латвией и Литвой в контексте китайско-

европейских отношений // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2023. — Т. 28, № 28. — С. 57–76.

234. Виноградов И.С. КНР и страны Балтии. Проблемы сотрудничества // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. — 2022. — № 2. — С. 71–81.

235. Галимуллин А.М. Эволюция внешнеполитической линии КНР в Совете безопасности ООН // Сравнительная политика. — 2021. — Т. 12, № 3. — С. 186–191.

236. Грачиков Е.Н. Дипломатия КНР: контекст академического дискурса // Мировая экономика и международные отношения. — 2021. — Т. 65, № 3. — С. 33–41.

237. Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: право на методологическое самосознание // Мировая политика. — 2017. — № 1. — С. 47–65.

238. Денисов И.Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. — 2020. — Т. 11, № 4. — С. 42–52.

239. Зуенко И.Ю., Осокин А.С. «Дипломатическая география» Си Цзиньпина: о чём говорит статистика зарубежных визитов китайского лидера // Вестник МГИМО-Университета. — 2024. — Т. 17, № 3. — С. 100–116.

240. Ипин С. Особенности многосторонней дипломатии Китая в рамках БРИКС // Вопросы истории. — 2021. — № 5-1. — С. 77–87.

241. Кугай А.И. Мускулы Дракона: современная геополитическая доктрина Китая // Управленческое консультирование. — 2019. — № 1. — С. 32–40.

242. Куприянов А.В. Возвращение системной полицентричности // Россия в глобальной политике. — 2020. — Т. 18, № 4. — С. 96–110.

243. Лексютина Я.В. Дипломатия принимающей стороны Китая: концепция и практика // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2024. — Т. 29, № 29. — С. 89–103.

244. Ломанов А.В. Внешнеполитическая идеология Китая в преддверии XX съезда КПК // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2022. — Т. 27, № 27. — С. 25–41.

245. Лузянин С.Г. Китайско-американские отношения после Д. Трампа: оценки, подходы, перспективы // США и Канада: экономика, политика, культура. — 2021. — Т. 51, № 8. — С. 75–80.

246. Миронюк М.Г. Преемственность и изменчивость международных порядков и беспорядков // Политическая наука. — 2024. — № 2. — С. 55–79.

247. Нежданов В.Л. К вопросу о специфике внешнеполитических концепций «Идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» // Восточная Азия: факты и аналитика. — 2022. — № 3. — С. 47–57.

248. Нежданов В.Л. «Идеи Си Цзиньпина о дипломатии» в контексте изменения мирового порядка // Коммунистический Китай. Цели и задачи к столетнему юбилею КПК, 2021. — С. 213–223.

249. Портяков В.Я. Российские исследователи о Чжоу Эньлае // Общество и государство в Китае. — 2017. — Т. 47, № 1. — С. 390–396.

250. Сафонкина Е.А. Китайское председательство в БРИКС в 2017 г.: расширяя горизонты сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2018. — Т. 18, № 2. — С. 356–367.

251. Сюэмэй Х., Сюйян Л. Нововведения «дипломатии великой державы с китайской спецификой» Си Цзиньпина «в новую эпоху» // Международные отношения. — 2023. — № 4. — С. 1–14.

252. Сяньчжун Л. КНР в борьбе против гегемонизма и колониализма: позиция и действия // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. — 2024. — Т. 46. — С. 137–144.

253. Токарев А.А., Приходченко А.Ю., Маргоев А.Р., Целещев А.А. Отражение внешней политики КНР в образах настоящего и будущего в массовом сознании китайцев: психографический метод // Полис. Политические исследования. — 2021. — № 1. — С. 58–77.

254. Торшин М.П. Особенности публичной дипломатии Китайской Народной Республики в контексте постафганских событий // Дипломатическая служба. — 2022. — № 1. — С. 67–77.

255. Турицын И.В., Рау И. «Китайская мечта» о великом возрождении нации и внешняя политика КНР эпохи Си Цзиньпина (2012–2018 гг.) // Современная научная мысль. — 2019. — № 1. — С. 135–159.

256. Тушков А.А., Федоренко У.В. Периферийная дипломатия Китая как драйвер концепции «Сообщества единой судьбы человечества» // Вопросы политологии. — 2021. — Т. 11, № 3 (67). — С. 819–825.

257. Федоренко У.В. Дипломатический курс Китая в новом десятилетии: «эпоха Си Цзиньпина» // American Scientific Journal. — 2020. — № 44. — С. 29–32.

258. Хаовэнь Л. Роль сборника цитат «Мысли Мао Цзэдуна» во внешней политике Китая // Россия в глобальном мире. — 2023. Т—. 26, № 1. — С. 67–82.

259. Чанхай Л. Уголовное право и международное сотрудничество Китая в борьбе с коррупцией // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. — 2023. — № 4. — С. 42–48.

260. Чжан Л. Изменения в мировом порядке в постэпидемическую эпоху и ролевое позиционирование Китая // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. — 2021. — Т. 10, № 1. — С. 78–85.

261. Чжан Сяоцзюнь, Вэй Биньбинь. Международное право и дипломатия крупных держав с китайской спецификой // Исследование международных проблем. — 2019. — № 1. — С. 80–86.

262. Чжоу Синь. Концепция «сообщества единой судьбы человечества» в контексте глобального управления // Мировая экономика и международные отношения. — 2022. — Т. 66, № 5. — С. 45–56.

263. Чжу Фэн. Китайская дипломатия в новую эпоху: от «скромного подхода» Дэн Сяопина к «активной дипломатии» Си Цзиньпина // Международные отношения. — 2020. — № 4. — С. 67–79.

264. Ян Чэн. Внешнеполитическая стратегия Китая в условиях глобальной нестабильности // Мировая политика. — 2021. — Т. 5, № 2. — С. 67–80.

265. Ячменева М.В. Роль КПК в формировании внешнеполитического курса КНР // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 88–100.

266. Cao Dejun. A relational theory of international politics in the Chinese context: concepts, approaches and challenges // World Economics and Politics. — 2017. — № 2. — С. 36–53, 156–157 Cheng Li. Chinese Politics in the Xi Jinping Era: Reassessing Collective Leadership. Washington, DC: The Brookings Institution, 2016. — 528 p.

267. Kristensen P.M. States of emergence, states of knowledge: A comparative sociology of international relations in China and India // European Journal of International Relations. — 2019. — Vol. 25, No. 4. — С. 1011–1036.

268. Mokry S. Chinese International Relations (IR) Scholars' Publishing Practices and Language: The 'Peaceful Rise' — Debate // Globalizing International Relations, 2016. — С. 135–163.

269. Normative Order? // The Chinese Journal of International Politics. — 2018. — Vol. 11, No. 1. — С. 1–22.

270. Ren Xiao. Toward a Chinese School of International Relations // A Relational Theory of World Politics / Qin Yaqing // International Studies Review. — 2016. — Vol. 18, No. 1. — С. 33–47.

271. Shambaugh D. China's International Relations Think Tanks: Evolving Structure and Process // The China Quarterly. — 2002. — No. 171. — С. 575–596.

272. Yan Xuetong. Chinese Values vs. Liberalism: What Ideology Will Shape the International Normative Order? // The Chinese Journal of International Politics. — 2018. Vol. 11, No. 1. — С. 1–22.

273. Yan Xuetong. Political Leadership and Power Redistribution // The Chinese Journal of International Politics. — 2016. — Vol. 9, No. 1. — С. 1–26.

274. Zhao Tingyang. A Political World Philosophy in Terms of All-Under-Heaven (Tian-xia) // Diogenes. — 2009. — Vol. 56, No. 1. — С. 5–18.

V. Инициатива «Один пояс — один путь», международное экономическое сотрудничество и инфраструктурные проекты

275. Бояркина А.В. Китайская инициатива «Пояс и путь» в контексте концепции Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества» // Theories and Problems of Political Studies. — 2020. — № 9. — С. 120–126.

276. Валькова А.В. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций: новые финансовые инициативы в АТР // Финансовый журнал. — 2016. — № 1. — С. 23–32.

277. Ерохин В.Л. Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство: обзор основных показателей торгового альянса // Маркетинг и логистика. — 2020. — № 6. — С. 23–34.

278. Казимиров М.С. Всемирная торговая организация: есть ли перспектива прореформенного развития? // Экономика. Право. Общество. — 2024. — Т. 9, № 3. — С. 105–111.

279. Капустин Н.А., Капустин А.А. Цифровой шелковый путь как инструмент повышения отраслевой конкурентоспособности Китая // Вопросы инновационной экономики. — 2023. — Т. 13, № 2. — С. 1053–1070.

280. Карлусов В.В., Ярков Д.А. Россия и Китай: экономические отношения как функция национальных системных реформ (ретроспективный анализ) // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — Т. 10, № 4. — С. 169–181.

281. Клишин В.В., Павлов В.В. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций // Азия и Африка сегодня. 2016. № 6. С. 49–54.

282. Лихуа Х. Перспектива стыковки стратегии «Один пояс – один путь» и Евразийского экономического союза // Управленческое консультирование. — 2015. — № 11. — С. 66–70.

283. Лян М., Чэнь Х. Влияние Китая на азиатскую экономику в рамках ВРЭП // Финансовая экономика. — 2022. — № 1. — С. 120–123.

284. Мозиас П.М. Свободные экономические зоны в Китае: достижения и перспективы (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и

зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. — 2020. — № 1. — С. 106–123.

285. Пешкова Г.Ю., Самарина А.Ю. Современные реалии экономических вза porch://www.fondsk.ru/news/2018/12/29/kitajskaja-sistema-socialnogo-kredita-chto-eto-takoe-47371.html (дата обращения: 20.05.2024).

286. Санг-Чул П. Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) без Индии: статус мега-ЗСТ утрачен? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2021. — Т. 16, № 2. — С. 157–182.

287. Смирнов В.В. Россия в экономическом контексте Китая, США, Германии и Индии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2022. Т. 18, № 1 — 406 с. — С. 150–176.

288. Цзяшу Ч. Анализ проекта «Один пояс, один путь», основанного на модели ГЧП // Инновации и инвестиции. — 2021. — № 2. — С. 46–50.

289. Чайковская Ю.В., Ожигина В.В. Глобальная трансформация региональных торговых соглашений // Oikonomos: Journal of Social Market Economy. — 2020. — № 3. — С. 67–81.

290. Юй Синь. Роль инициативы «Пояс и путь» в укреплении глобального влияния Китая // Международная жизнь. — 2023. — № 6. — С. 34–47.

291. Huld A. Breaking Down the US-China Trade Tariffs: What's in Effect Now? // China Briefing. – URL: https://www.china-briefing.com/news/us-china-tariff-rates-2025/ (дата обращения: 12.04.2026).

292. Skidmore D. The Complex Politics of China's Belt and Road Initiative // The Diplomat. – 2025. – URL: https://thediplomat.com/2025/09/the-complex-politics-of-chinas-belt-and-road-initiative/ (дата обращения: 12.04.2026).

293. Zhang H., Jiang Y., Hou C. How Does the "Belt and Road" Initiative Affect Debt Sustainability? // Sustainability. – 2024. – Vol. 16. – No. 23. – Art. 10512. – URL: https://doi.org/10.3390/su162310512 (дата обращения: 12.04.2026).

294. Zhao M. Geopolitical Impacts of China’s Belt and Road Initiative: Opportunities and Risks Across Asia, Africa, and Europe // Proceedings of the 4th International Conference on Business and Policy Studies. – 2025.

VI. Международные кризисы, Тайвань, Южно-Китайское море, безопасность и отношения КНР–США

295. Балуев Д.Г. Историческое влияние выборов на Тайване 2016 года на регион и развитие международных отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2016. — № 6. — С. 9–16.

296. Баров С.А., Егорова М.А., Дэнсюэ Х. Эволюция политики США в отношении КНР после окончания «холодной войны» // Казачество. — 2022. — № 58. — С. 30–47.

297. Го Юань. Геополитика и споры в Южно-Китайском море. Москва: China Social Sciences Press, 2011. — 60 с.

298. Дикарев А.Д. Белые книги Пекина по тайваньскому вопросу. Преемственность и новации // Китай – безграничный источник мудрости. — 2024. — Т. 1, № 6. — С. 26–42.

299. Дикарев А.Д. О формировании позиции Тайваня относительно прав на объекты и пространства Южно-Китайского моря // Проблемы Дальнего Востока. — 2021. — № 4. — С. 38–52.

300. Казанин М.В. Китайско-тайваньские отношения: до и после встречи Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента Китайской Республики (Тайваня) Ма Инцзю в ноябре 2015 г. // Этносоциум и межнациональная культура. — 2015. — № 12. — С. 138–145.

301. Каимова А.С., Денисов И.Е. Статус Тайваня и эволюция тайваньской идентичности // Сравнительная политика. — 2022. — Т. 13, № 1. — С. 116–138.

302. Кашин В.Б., Крашенинникова Л.С., Пятачкова А.С. Китай: военно-технические и военно-морские аспекты лидерства // Мировая экономика и международные отношения. — 2020. — Т. 64, № 7. — С. 49–59.

303. Королев А.С., Стрельникова И.А. Проблема Южно-Китайского моря: пять лет после решения международного арбитража // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2021. — Т. 3, № 3. — С. 51–64.

304. Короткова Л.Г., Свечников Д.Д. Глобальное политическое противостояние США и Китая в Юго-Восточной Азии: на примере Индонезии // Социально-гуманитарные знания. — 2023. — № 8. — С. 97–102.

305. Кочешков Г.А. Выборы 2020 года на Тайване в контексте ситуации в Тайваньском проливе и американо-китайского конфликта // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. — 2020. — № 7. — С. 34–44.

306. Левинсон И. Политика «одного Китая» и роль США в «тайваньском вопросе» // Международная жизнь. — 2021. — № 9. — URL: https://interaffairs.ru/news/show/35408 (дата обращения: 05.06.2024)

307. Лексютина Я.В. «Китайская мечта» или «американский кошмар»: к чему пришли американо-китайские отношения за три десятилетия // Международная аналитика. — 2021. — Т. 12, № 2. — С. 12–30.

308. Ломанов А.В. От воссоединения к национальному возрождению: современный китайский взгляд на проблему Тайваня // Пути к миру и безопасности. — 2022. — № 2. — С. 150–174.

309. Мосяков Д.В. Обострение обстановки в Южно-Китайском море как вызов Вьетнаму и странам АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2020. — Т. 1, № 1. — С. 7–12.

310. Навдаева М.Е. Развитие морской стратегии Китая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. — 2024. — № 1. — С. 24–31.

311. Перминова В.А. Историческая память на Тайване и её влияние на отношения Токио и Тайбэя при президенте Ма Инцзю (2008–2016 гг.) // Японские исследования. — 2020. — № 3. — С. 107–122.

312. Разумовская В.В. Территориальные споры в Южно-Китайском море: современное состояние проблемы // Юридическая наука. — 2024. — № 12. — С. 355–361.

313. Садирович М.Ж., Каримова Н.Э. Политика, применяемая к островам Южно-Китайского моря в 21 веке // Лучшие интеллектуальные исследования. — 2025. — Т. 38, № 2. — С. 166–174.

314. Сигаури-Горский Е.Р. Юридическое закрепление территориальных притязаний Китая и Филиппин в Южно-Китайском море во второй половине XX века: вопросы национального и международного права // Правовое государство: теория и практика. 2024. — № 3. — С. 148–154.

315. Сяоюй Ч. Позиция Китая по вопросу Южно-Китайского моря: от поддержания стабильности к защите прав // Международные отношения. — 2024. — № 1. — С. 101–112.

316. Тангсотх Л. Участие АСЕАН в решении споров в Южно-Китайском море // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2024. — Т. 26, № 2. — С. 128–135.

317. Хо Д.В. Эволюция подходов Тайваня к проблеме национально-политической идентичности и отношениям с Китайской Народной Республикой // Новизна. Эксперимент. Традиции. — 2022. — Т. 8, № 3. — С. 68–81.

318. Хотулев А.С. Цифровая дипломатия США, России и Китая в глобальном измерении // Информационные войны. — 2021. — № 2 (58). — С. 6–12.

319. Bown C. P. The Trump-China Trade Wars: Five Takeaways from U.S. Imports in 2025 // Peterson Institute for International Economics. – URL: https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/2026/trump-china-trade-wars-five-takeaways-us-imports-2025 (дата обращения: 12.04.2026).

VII. Диссертации и авторефераты

320. Ананьина К.А. Влияние китайского фактора на индийско-американские отношения в современной мировой политике: дис. … канд. полит. наук. Москва, 2019. — 293 с.

321. Бояркина А.В. Эволюция идейных основ внешней политики КНР: дис. … д-ра полит. наук. Санкт-Петербург, 2024. — 535 с.

322. Ван Синь. Внешняя политика Китая в решении глобальных проблем современности: дис. … канд. полит. наук. Москва, 2024. — 214 с.

323. Ван Цзясюй. Особенности теории политической модернизации современного Китая: дис. … канд. полит. наук. Москва, 2023. — 193 с.

324. Васильев Д.В. Трансформация китайского подхода к формированию региональной архитектуры безопасности в АТР при Си Цзиньпине (2012–2022 гг.): дис. … канд. ист. наук. Москва, 2024. — 194 с.

325. Власов Н.В. Отношения Вашингтона и Пекина с государствами Юго-Восточной Азии в период президентства в США Б. Обамы (январь 2009 г. – январь 2017 г.): дис. … канд. полит. наук. Москва, 2020. — 242 с.

326. Гао Вэньцзин. Роль международных культурных связей КНР в реализации инициативы «Один пояс, один путь»: дис. … канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2022. — 612 с.

327. Зайнуллин Т.Р. Внешнеполитические противоречия КНР и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе на современном этапе: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2024. — 190 с.

328. Кондрашов П.Н. Проблема повседневности в философии классического марксизма: дис. … канд. филос. наук. Екатеринбург, 2007. — 164 с.

329. Котельников М.Е. Диалектика науки и идеологии в историческом развитии марксизма (социально-философский анализ): дис. … д-ра филос. наук. Москва, 2008. — 427 с.

330. Кун Дэкунь. «Один пояс и один путь» Китайской Народной Республики как фактор укрепления евразийской интеграции: дис. … канд. полит. наук. Владивосток, 2021. — 197 с.

331. Лу Сэньтун. Демократический централизм как конституционный принцип организации государственной власти в Китайской Народной Республике: дис. … канд. полит. наук. Москва, 2023. — 214 с.

332. Мельничук С.А. Политика КНР по обеспечению национального суверенитета в Южно-Китайском море в 2012–2022 гг.: дис. … канд. ист. наук. Москва, 2024. — 244 с.

333. Оганесян А.Л. Китайская модель мирового порядка: множественность ценностно-концептуальных основ и политические перспективы: дис. … канд. полит. наук. Москва, 2022. — 204 с.

334. Помозова Н.Б. Внешнеполитический дискурс КНР в XXI в.: опыт социологической рефлексии: дис. … д-ра социол. наук. Москва, 2022. — 377 с.

335. Се Ипин. Стратегический курс и особенности многосторонней дипломатии Китая (1978–2020 гг.): дис. … канд. полит. наук. Москва, 2021. — 210 с.

336. Сущенко М.А. Роль традиций в трансформации политической системы современного Китая: дис. … канд. полит. наук. Казань, 2019. — 235 с.

337. У Тин. Геополитические проекты Китая в политическом дискурсе России: дис. … канд. полит. наук. Москва, 2022. — 201 с.